ПИОНЕР

ДЕКАБРЬ 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1970 г.

Двенадцать дней радости

Ура! ЗИМНИЕ КАНИКУЛЫ! В нашем школьном дворе ЯРМАРКА. Для пионеров и для октябрят. И вообще для всех, кому интересно.

НА НАШЕЙ ЯРМАРКЕ

30 ДЕКАБРЯ — ДЕНЬ ТРУДА. Расчищаем двор от снега, строим горки, заливаем каток. Идет защита проектов «Как лучше украсить ярмарку?». Украшаем двор все вместе по проекту-победителю.

31 ДЕКАБРЯ — КОНКУРС ЕЛОЧНЫХ ИГРУШЕК. Наряжаем елку, зажигаем свечи, водим вокруг елки веселый хоровод. Октябрята с нами и в конкурсе и в хороводе.

1 ЯНВАРЯ — КАРНАВАЛ С СЮРПРИЗАМИ. Их готовит каждый отряд. За лучший сюрприз — приз! Призов будет много: за неожиданный костюм, за веселый аттракцион, за интересную игру, за прекрасный танец. Танцуем, играем, поем. Выступают Дед Мороз, Снегурочка и все, кто захочет.

2 ЯНВАРЯ — ОКТЯБРЯТСКИЙ ПРАЗДНИК. Катание с горок, санный поезд, игра в снежки и многое другое, что любят малыши. Каждый отряд показывает октябрятам спектакль-сказку. А октябрята заранее готовят и вручают призы артистам, которые им больше всех понравились.

3 ЯНВАРЯ — АУКЦИОН и ЛОТЕРЕЯ. Продаем и разыгрываем игрушки-самоделки, деревянные кук-

лы-шарики. Сделаны куклы на уроках труда, а раскрашиваются прямо на ярмарке. Приглашаем друзей, знакомых, родителей, всех желающих. Деньги — на строительство пионерского Дворца на Чукотке.
4 ЯНВАРЯ — ПРАЗДНИК РУССКОЙ ЗИМЫ. Катаемся на санях. Играем в старинные русские игры. Проводим конкурс снежных скульптур. А в заключение — чай.

5 ЯНВАРЯ — ДЕНЬ КНИГИ. Все ребята — и пионеры и октябрята — приносят книжки, рассказывают о них и собирают библиотеку для друзей из сельской школы. Ребята читают стихи, можно и свои. Присуждаем премию года за лучшую книжку. Премия писателю — книга с автографами всех, кому она понравилась.
6 ЯНВАРЯ — ПРИНИМАЕМ ГОСТЕЙ ИЗ СЕЛА. Показываем им город, ведем их в театр, в кино, на выставку.

7 ЯНВАРЯ — спортивные состязания для пионеров и октябрят.
8 ЯНВАРЯ — конкурсы радистов, санитаров, связистов — юнармейцев.
9 ЯНВАРЯ — ВОЕННО-СПОРТИВНАЯ ИГРА «ЗАРНИЦА».
10 ЯНВАРЯ — «ВКУСНЫЙ ДЕНЬ». Готовим вкусные блюда, печем пироги. В жюри конкурса приглашается Калинка.

Приходите к нам в гости! Вот наш адрес: Москва, улица Яблочкова, 3, 214-я школа. Совет дружины. Старшая вожатая ТОНЯ КОВАЛЬЧЕНКО.

Выходит с 15 марта 1924 г.
ПИОНЕР
Ежемесячный детский журнал Центрального Комитета ВЛКСМ и Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина
ДЕКАБРЬ 12
Издательство «Правда»
Москва 1970 г.

Рисунки П. БАГИНА.

ТОЙ НОЧЬЮ

Я понял...

РАССКАЗ

Юрий НАГИБИН

Я был помешан на пионерском галстуке, как д'Артаньян на мушкетерском плаще, и доставался он мне так же непросто. Отчего такое: если человек о чем-либо страстно мечтает, ему требуются сверхгероические усилия, чтобы достичь цели, в то время как другому, ленивому и безразличному, это дается почти даром? Господи, каких только чудес не натворил юный гасконский дворянин ради плаща с крестом, а его упорно выдерживали в гвардейцах Дезэссара! Разве беспечные рубаки, наводнявшие прихожую г-на де Тревиля, совершили хоть малую часть его подвигов? Да какое там! Они приезжали в Париж с незатейливым рекомендательным письмом от своего провинциального покровителя, длинной шпагой на боку и без всяких сложностей зачислялись в королевские телохранители. А с д'Артаньяном произошло, как в знаменитой французской шутке: «Мой дорогой, вы обнаружили гений маршала, назначаю вас сержантом».

Меня постигла участь моего любимого героя. Чтобы рассказ мой был понятен людям сегодняшнего дня, нужно коснуться истории. В пору моего детства некоторые организационные формы еще не окрепли. Никто толком не знал, когда и за какие заслуги человек в возрасте октябренка может стать пионером. Во многих школах вообще не было октябрятских «звездочек» и в пионеры принимали сразу, где с третьего класса, где и со второго, а бывало, даже с первого, если тебе стукнуло десять. Мы-то шли в школу восьми-девяти лет. В школе, где я учился, принимали, как правило, с третьего. Но ведь до третьего класса дожить надо, да еще без пионерского галстука!..

Дюма настойчиво подчеркивает, что д'Артаньян грезил о плаще. Конечно, он хотел стать мушкетером не только из-за плаща, особенно вначале, когда еще был способен разбираться в своих чувствах. Им владело честолюбие, желание оказаться поближе к особе короля; манил престиж, каким пользовалась во Франции эта привилегированная воинская часть, ореол дерзкой отваги, осенявшей головы тревилевых забияк, риск и выгоды почетной службы и многое другое. Но потом все слилось в единый символ — расшитый золотом мушкетерский плащ.

Конечно, я жаждал барабана, и горна, и красного знамени, и таинственных, недоступных простым смертным сборов, где говорят только правду, и приветствия, знака посвященных — ребром ладони ко лбу, и сладкозвучия слов «Будь готов!», «Всегда готов!», и той озабоченности, что заставляла пионеров оставаться в школьных стенах после уроков, но вскоре все это собралось, как в фокусе, в красном галстуке.

Целый месяц я ухлопал на попытку проникнуть в пионерские ряды через школу в Старосадском переулке, где учился мой друг и сосед по квартире Толька Симаков. Эта школа стояла под боком немецкой кирхи, за одной оградой. Толька сумел каким-то образом зачислить меня в соискатели красного галстука.

Там оформлялась пионерская комната. Стены разделили на квадраты, кандидатов в пионеры разбили по двое, и каждой паре выделили участок для оформления в меру эстетического вкуса и идейной зрелости. Пока другие ребята с помощью противного, склизкого картофельного клейстера клеили лозунги, рисовали, высунув от усердия язык, красные звезды, напоминающие по корявости морские, мы решили поставить дело на серьезную коммерческую ногу. Идея принадлежала мне. Я был чужаком здесь, и нужно было сразу выделиться, чтобы кто-нибудь не додумался: а чего, собственно, путается под ногами этот вялый, безынициативный парнишка из другой школы?..

Вечером, когда кончился подвоз к винным подвалам, расположенным под нашим домом, и у подвальных зевов громоздились ящики с пустыми бутылками — грузчики не успевали спускать их вниз,— мы с Толькой шарахнули ящик. На такое дело никто еще не отважился. Ну, свистнуть одну-две бутылки — куда ни шло, а чтоб целый ящик, тяжелый, щедро озвученный стеклянной начинкой, да к тому же на глазах сторожа,— ни о чем подобном не упоминалось в дворовых преданиях.

Ящик мы разломали и выбросили, а бутылки сдали. На выручку в чудесном писчебумажном магазине возле Петроверигского переулка накупили репродукции картин, изображающих взятие Зимнего, залп «Авроры», рейды Первой Конной и юного Пушкина, читающего стихи на выпускном вечере в лицее, кроме того, бумажные гирлянды, картонные звезды и сельский календарь с могучим трактором, готовым перепахать всю планету. И еще нам сунули в премию автодоровскую афишку. Все это, включая афишку, мы с усердием и гордостью пристроили в нашем квадрате. И слабые угрызения сове-

сти испарились без следа — рядом с нашей экспозицией доморощенные потуги соперников казались до слез жалкими.

Мы переборщили. Недаром среди всех человеческих добродетелей особенно превозносится скромность. Мы не были скромны, и нас постигла кара. Все остальные ребята поняли, что их провели. Среди них было немало обитателей нашего дома, сразу же смекнувших, откуда возникло столь неожиданное богатство. Ну, а ребята других домов, где не имелось такого надежного источника дохода, как винные подвалы, тоже не растерялись. Тем более что конторы утильсырья, многочисленные в ту пору, как сыроежки в дождливое лето, охотно принимали в качестве металлолома и утюги, и кастрюли, и сковородки, и подсвечники, и серебряные ложки. Вскоре в школу посыпались многочисленные «сигналы» от пострадавших. В один роковой день стены пионерской комнаты оказались насвежо оклеенными веселенькими обоями с ромашками, от наших самоотверженных и нечистых усилий не осталось и следа. А мне была сказана зловещая фраза, до сих пор вызывающая у меня холодок ужаса:

— Танцуй, мальчик, отсюда!..

И я выкатился из этой школы, из пионерской комнаты, где уже коснулся кончиками пальцев красного галстука.

Мрачно и укоризненно смотрела на меня островерхая кирха, когда, едва удерживаясь от слез, тащился я через церковно-школьный двор.

Следующий этап хождения по мукам связан для меня с ВСНХ. Было такое учреждение в дни моего детства и отрочества. Оно помещалось в громадном сером доме на площади Ногина. У моего однокашника Саши Черняева, полуслепого очкаря, отец занимал ответственный пост в ВСНХ. Саша устроил меня в пионерский отряд при этом высоком учреждении. Мелюзга, подобная нам, находилась там на положении приготовишек. Для занятий нам выделили две большие комнаты в полуподвальном этаже с широченными окнами, чуть не до форточек утопленными в тротуаре. Смежное помещение с залом, мастерскими и комнатами для умственных игр принадлежало пионерскому отряду. А еще полуподвал приютил дошколят, которых тут обслуживали, воспитывали и развлекали на общественных началах.

Я попал туда в разгар трудовой деятельности, в октябре. К этому времени определились два ближайших кандидата на получение пионерского галстука: рослый, полноватый Гога Рубинов и худенький с бледным личиком Вася Трушин.

Печать избранности лежала на них. Мы все ходили в каких-то блузах, перешитых из отцовских толстовок, коротких штанах и длинных чулках, одинаковых у мальчишек и девчонок, а эти ребята носили синие юнгштурмовки и брюки, мужественно заправленные в гетры.

Программа занятий была велика и разнообразна. Каждый вечер мы чего-то строгали, пилили, сколачивали, делали физическую зарядку, рисовали, оформляли различные стенды, писали плакаты, клеили аппликации из глянцевитой цветной бумаги, пели хором «Юного барабанщика», «Взвейтесь кострами, синие ночи», «Смело, товарищи, в ногу», а для разрядки «Милую картошку, пионеров идеал» и «Шандарба, струны Анна приколачивала».

Все это было очень здорово, по-моему, так и надо, чтобы в пионеры принимали людей разносторонне развитых, умеющих работать и руками и головой, веселых, спортивных и если не поющих, то хотя бы знающих слова песен. Что же касается меня, то все было не в коня корм. Никогда и нигде не чувствовал я себя таким потерянным и одиноким, как в пионерском полуподвале ВСНХ. Я был тут как на чужбине. Ребят объединяло то, что родители их работали в одном учреждении, к тому же многие жили поблизости, в домах ВСНХ, и учились в одной школе на Солянке. Я же не был родственно близок ВСНХ, считался инородцем, ибо для юных обитателей площади Ногина и расходящихся от нее лучами улиц за Ильинскими воротами начиналась чужбина, а Лобковский, где находилась моя школа, представлялся чем-то вроде Огненной Земли или острова Тристан-да-Кунья. Слабодушный Саша Черняев, обнаружив мою изолированность, бросил меня на произвол судьбы. Его близорукие, рачьи — за выпуклыми стеклами — глаза вовсе слепли, обращаясь в мою сторону.

И вот что любопытно, в школе я считался выдающимся художником да и вообще ходил в способных и ловких, а здесь оказался дурак дураком. Карандаш и краски меня не слушались, на плакатах буквы сползали под откос, молоток бил только по пальцам, а гвозди гнулись. Даже на зарядке мне никак не удавалось попасть в общий ритм. Я чувствовал себя изгоем, и это вязало мою душу, движения, мысли.

Однажды нам поручили сделать рукоятки для стамесок и покрасить морилкой. Ребята быстро справились с несложным заданием и сдали рукоятки «трудовику» — так мы называли долговязого малого, занимавшегося с нами столярным делом, а я все возился со своим кривым, убогим изделием. Наконец, решив, что лучше не будет, я сунул его в котелок с краской. Странная то была краска, густая, липучая, с отвратительным запахом, к тому же упорно не желавшая высыхать. Раздосадованный моей возней, «трудовик» выхватил у меня рукоятку и с досады выругался. Его ладонь приклеилась, и он тщетно пытался стряхнуть мою кривулину. Ока-

зывается, я сунул впопыхах рукоятку в котелок с разведенным столярным клеем.

Другой раз я задумал отличиться в пении. Я обожал всякое пение — хоровое и сольное, громкое и тихое, солдатское особенно и вечернее, дворовое, на крылечке, и деревенское, уличное, под гармонь, и квартирное, с гостями. И я не знал, что начисто лишен слуха. Вернее, у меня есть какой-то внутренний слух, позволяющий мгновенно распознавать мелодию, помнить про себя и чутко угадывать малейшую фальшь. Но я ошибался, полагая, что могу воспроизводить звучащую во мне музыку. Раз я услышал, как по пути в баню рота красноармейцев пела «Там вдали за рекой». Когда кончился куплет, чей-то высокий тенор еще долго тянул последнюю ноту, жалобно, чуть дрожаще и пленительно. Я попробовал ему подражать, тянулось, может, хуже, чем у красноармейца, но тоже — будь здоров! Как-никак я мог не дышать без малого три минуты.

И вот, когда в очередной раз наш хор завел «Юного барабанщика», я «подпустил» тенора. Оглушив самого себя, как токующий тетерев, я не заметил, что песня замолкла, а следующему куплету полагалось начинаться внутри долгой, жалобной нотой. Похоже, я уподобился Саше Черняеву в этот роковой момент, ибо не видел, что лица окружающих искажены смехом. Я был так упоен собой, что не услышал и возмущенного вопля хормейстера: «Прекратить хулиганство!» — и очнулся лишь, когда он стал трясти меня за плечи. Но вся его ядовитая брань не произвела на меня такого впечатления, как удручающее открытие, что мне медведь на ухо наступил. А я-то рисовался себе в недалеком героическом будущем ротным запевалой!..

Вместо того, чтобы приблизиться к красному галстуку, я еще отдалился от него. Рубинов и Трушин казались мне недосягаемыми образцами. Их пример не вдохновлял, а угнетал. Они были прекрасны и нереальны, как герои Древней Греции, в чьих делах участвовали на равных боги. Что же являли собой эти двое, если остальные ребята, не удостоенные выдвижения, настолько превосходили меня? Все они так замечательно строгали, рисовали, клеили, пели, но как же строгали, рисовали, клеили и пели те двое? Уму непостижимо! До них было далеко, как до самых далеких звезд. Томительно хотелось постигнуть чудо этих одержимых, необыкновенных душ.

Чувство отчужденности все нарастало во мне. Я уверился в собственном убожестве и прятался в него, как улитка в свой раковичный домик. Мне уже не хотелось сравняться с другими ребятами, доказать, что и я чего-то стою. Преувеличивая их антипатию ко мне, я бессознательно копил в себе злобу. Вскоре я почти ненавидел полуподвальную команду. Вместо того, чтобы приблизить заветную цель, меня отшвырнуло за край надежды.

Как-то раз я заглянул в освещенные окна соседнего с нами, тоже полуподвального помещения и увидел знакомую рыхловатую фигуру в юнгштурмовке, окруженную малышами. Были среди них и такие, что совсем недавно и не очень прочно освоили вертикальный образ жизни, и такие, которым через год-другой в школу. Они что-то строили из кубиков, рисовали цветными карандашами, кроили из бумаги, без дела никто не слонялся. Группа самых крошечных окружала Гогу Рубинова, они сидели на крошечных стульчиках. Рубинов говорил им что-то, порой замолкая в ожидании то ли ответа, то ли подсказки. Они играли в разговорную игру, развивающую живую речь. Лишь раз Рубинов отвлекся, чтобы вырвать палку у малыша, пытавшегося ударить другого малыша по кумполу. Неторопливый по природе, Рубинов и сейчас не суетился, но поспел в самый раз, когда палка уже готова была опуститься на белобрысое темечко. Затем он вернулся на свое место. Малыши смотрели на него серьезно и доверчиво, как на взрослого человека. Я не отдавал себе отчета, чем заворожило меня это зрелище. Все знают, как сладко подглядывать в освещенные окна. Но здесь было другое. Ничего особенно интересного, никаких тайн я не мог увидеть. Но что-то поразило меня в Рубинове, от него веяло покоем, тишиной, сосредоточенностью, будто ничего другого в жизни ему и не надо. Обычно все делаешь для какой-то цели. А вот, чтоб не для чего, только ради самого дела, это редко бывает. Почти всегда примешивается постороннее: хочешь отличиться, выставиться, показать себя, заслужить похвалу товарищей или взрослых. Многое делаешь просто от скуки, привычки, из подражания другим. Но вдруг находит такое: рисуешь, и ничего вокруг, и неважно — понравится твой рисунок кому-то или нет. Рисуешь, и все тут!

Рубинов не знал, что за ним наблюдают, да и плевать он хотел на все, кроме этих ребятишек. Он был весь в них, в разговоре с ними, в наблюдении, чтобы они не проломили друг дружке черепушек палкой, чтоб каждый был занят веселым и добрым делом. Гога Рубинов ничего тут не выгадывал, даже красного галстука,— вот что я тогда удивленно и тревожно проглянул. И меня впервые оцарапала одна неясная догадка. От нее стало тесно внутри себя, как в одежде, из которой вырос.

В тот вечер мы задержались допоздна: много строгали, много клеили, долго обсуждали, как лучше подготовиться к приближающимся ноябрьским праздникам, а потом еще пели и слушали революционные стихи, написанные нашими ребятами. Новое унижение

для меня. Уже в ту далекую пору обнаружилось мое полнейшее неумение зарифмовать хотя бы четыре строчки. Две — куда ни шло, четверостишие — хоть убей, не получалось. А здешние удальцы и стихи сочинять горазды. Странно, почему вся многогранная деятельность полуподвала никак не пересекалась с тем, что я умею? А что я умею? Рисовать. Дома и в школе я по-прежнему умею рисовать, а здесь ничего не получается. Может, и с другими моими способностями произойдет то же? В соприкосновении с чужим мне мирком все хорошее во мне искажается, как в кривом зеркале. Холодный и безучастный посреди всеобщего ликования, я оттосковал вечер, который, казалось, никогда не кончится.

В довершение всего куда-то запропастились галоши, и пока я отыскал их, прошло немало времени. На площади Ногина я оказался в двенадцатом часу. Хорошо, хоть гривенник у меня был, можно доехать на 21-м номере до самого Армянского переулка. А пешком тут верных полчаса ходу да и страшновато, я еще никогда так поздно по улицам не ходил. Обычно мы кончали наши занятия в начале десятого.

Я пересек площадь и вышел на трамвайную остановку возле бульвара. И без часов угадывалось, что час поздний. Пустынно. Ожидающего народа — раз, два и обчелся, хотя трамваи ходят редко. За все время лишь новенький 48-й вильнул на Варварку непривычно длинным и узким телом.

Я стоял посреди площади, пусть и не ставшей мне родной, как Покровка или Мясницкие ворота, но все же привычной, знакомой, и смутная тревога сгущалась во мне. Громада ВСНХ, Китайская стена, уходящая к Москве-реке, горбатая Варварка, бульвар, круто вздымающийся к Ильинским воротам, старая церковка с луковичками куполов, жилые дома с тускло освещенными зашторенными окнами, голые деревья и небо с плоской холодной луной — все это таило не то угрозу, не то предостережение. Неужели причина в том, что вечер вот-вот станет ночью, а меня пугало самое слово «ночь», черное, мохнатое, кладбищенское? Я боялся даже ночи за окнами моего дома, населенной бледными крышами и пятиглавием православной церкви в Армянском переулке. Но там я чувствовал себя под защитой жилья, и это помогало бороть страх. Я боялся и дачной и деревенской ночи, таинственной ночи обретающих одушевленность деревьев, оживающих теней, сбрасывающих сонную одурь болот, лунных полян. Я слишком долго верил во всякую нечисть, хозяйничающую в ночи взамен уснувших людей, чтобы, разделавшись с этой наивной верой, обрести полное доверие к ночи. Ну, конечно, ведьмы, колдуны, вурдалаки, духи — чепуха, но душа сама населяет ночь призраками, и от этого никуда не денешься.

Как малолюдна огромная площадь, щемяще малолюдна, и чересчур много темного, низкого и вместе бездонного неба, проблескивающего мелкими, недобрыми звездами! Оно вбирает в себя постепенно слепнущие дома, крыши уже не проглядываются в вышине, слившись с тьмою неба. Замирала последняя жизнь вокруг, ночь властно вступала в свои права. Осенний, пронизывающий ветер погнал сухую листву с бульвара, загремел цепями урн, завыл в подворотнях и водосточных трубах. Скорее бы подошел трамвай, залитый светом, звенящий, гремящий, теплый — из дня, а не из ночи, с уютной, ворчливой кондукторшей и добрыми, усталыми пассажирами. Когда в вагоне много свободных мест, пассажиры всегда добрые. Но трамвая не было...

Пойти пешком? Я представил себе долгий путь по бульвару, похожему на кладбище, по темной, мрачной Маросейке, враждебной и жутковатой даже в дневное время, и понял, что должен дождаться трамвая, сколько бы ни пришлось ждать.

Мой дом стал казаться мне очень далеким и безмерно милым, я впервые понял по-настоящему, как люблю свою комнату с трапецией и старым письменным столом, набитым рисунками, тетрадками, альбомами, инструментами, пистолетами, всякими поделками из дерева, коры, фанеры, проволоки, гербариями, источающими печальный запах засохшего лета, как я люблю старые выцветшие обои с фотографией крошечного негритенка в гигантской белоснежной постели и собственным произведением, почетно заключенным в старинную овальную рамку: мушкетер в дорожном плаще, ботфортах, перчатках с крагами, шляпой со страусовым пером и громадной шпагой на боку. Как люблю я свой продавленный диван, и вольтеровское кресло с высокой спинкой и нежно стонущими пружинами, и лампу с шелковым фисташковым абажуром в полукруглых коричневых подпалинах. В носу подозрительно покалывало, а ведь я не успел еще подумать о маме и дедушке...

У меня застыли ноги. Я стал приплясывать, немного пробежался, не отдаляясь особенно от желтого круга света, в котором терпеливо маячило несколько иззябших фигур. Движение прибавило бодрости, я увеличил дистанцию пробежки и вдруг увидел трамвай, загадочно бесшумно и незаметно подкравшийся к остановке. Какой-то трамвай-призрак! Я едва успел вскочить на подножку, как он тронулся.

Хорошо, когда у человека есть гривенник. Кондукторша, чье лицо недобро озаботилось при моем появлении, мигом просветлела, увидев серебряную монетку в протянутой к ней руке. Она крепко вложила мне в ладонь билет, как бы намекая, чтобы я его не потерял, и я уселся по правую сторону от прохода, у окошка. Пустынный прицепной вагон сильно раскачивало, подкидывало на

стрелках и стыках рельсов, и мои размышления вскоре стали под стать грезам. Я все время сознавал, что еду в трамвае, к себе домой, что очень поздно, и мои беспокоятся, и мама уже звонила в милицию и в морг. Пребывая внутри этой вполне бытовой тревоги, я одновременно находился в странно преображенных событиях минувшего дня. Я был в комнате для малолетних, и Рубинов обходился со мной, как с несмышленышем. Он предлагал мне на выбор: пускать мыльные пузыри или сводить переводные картинки. Мне хотелось объяснить ему, что это — недоразумение, я сам без пяти минут пионер, но что-то мешало мне. Видимо, слишком резкий толчок выбивал меня в явь, а затем опять Рубинов лез с мыльными пузырями и переводными картинками, я опять не успевал объясняться с ним.

В какой-то миг трамвай, окошко и наша мелькающая по мостовой тень стали слишком явственны, и я испугался, почему мы так долго едем. Неужели я прозевал свою остановку? Я стал вглядываться в пробегающие мимо дома, темные, низкорослые, с одинокой лампочкой над подворотней. Незнакомые, чужие дома. Маросейка?.. Нет, какими бы чужими, даже враждебными ни казались мне дома на Маросейке, где нас, с Армянского, жестоко преследовали, они были предвестниками моего родного дома, а эти угрюмые, облезлые строения — их домами не назовешь — безмерно далеки от привычной мне жизни. Встревоженный, я вышел на заднюю площадку.

Может, где-то разрыли пути и мы делаем крюк? Я лихорадочно соображал, какой объезд может привести нас на Покровку. Ничего не получалось. Любой воображаемый маршрут уводил меня в неизвестность.

— Это двадцать первый? — спросил я кондукторшу.

Она поглядела на меня сверху вниз сонными злыми глазами, вправленными в каленое, с фиолетовым румянцем лицо.

— А какой же еще?..

Мне чуть полегчало.

— Покровка скоро?

Она вдруг рассердилась:

— Еще чего!.. Ты куда едешь?

На какие-то мгновения мой скромный мозговой аппарат выключился, бессильный справиться со столь противоречивой информацией: я действительно еду на двадцать первом, а он идет вовсе не туда, куда следует. Да я уже ехал сегодня этим трамваем от Армянского до площади Ногина, не мог же он за вечер изменить маршрут?..

— Тебе в другую сторону,— сочувственно сказал какой-то пассажир.

Наверное, что-то во мне сопротивлялось этому простому объяснению, как последнему страху. Боже мой, куда же я заехал?..

И словно отвечая на мой невысказанный вопрос, возник мост, а под ним река, черная, маслянистая, тускло отблескивающая. Река не принадлежала моему привычью. Чтобы оказаться на реке, нужны были необыкновенные события: праздничная иллюминация, когда меня водили на Москву-реку любоваться МОГЭСом, украшенным лампочками, или весенний паводок, когда по вспухшей воде, ворочаясь, плыли грязные льдины и люди почтительно говорили: «Можайский лед пошел». От моего дома до реки было так же далеко, как от паводка до иллюминации.

Я толком не знаю, какая то была река, наверное, Яуза. Она не показалась мне широкой, а ведь тогда воображение преувеличивало все страшное. А река — это очень страшно. Это рубеж, за ней — другой город, незнакомый и опасный. Я хотел спрыгнуть на ходу, но кондукторша и сочувствующий пассажир, будто догадавшись о моем намерении, успели схватить меня за плечи. Кондукторша ругалась на чем свет стоит и грозила отправить меня в милицию, а сочувствующий человек мягко уговаривал меня дождаться остановки и пересесть на встречный трамвай. Хорошо ему рассуждать, а где возьмешь другой гривенник?

Опять бежали глухие, слепые дома, черные подворотни, редкие фонари, вывески, на которых ничего нельзя разобрать, остановки все не было. И я решил уже кинуться в тьму булыжной мостовой, как в омут, когда трамвай вдруг резко, трескуче затормозил, барабаня решеткой по камням.

Я сошел на пустынную остановку посреди совершенно пустой, прямой и бесконечной в оба конца улицы. Мне и в голову не пришло попытаться ехать без билета. Я свято верил во все мелкие правила, какими люди обставили жизнь.

Я побежал назад. Шаги мои гулко отдавались в тишине. Я бежал и плакал. Прямо-таки ревел от страха, обиды и тоски по дому. Миновал мост, стараясь не глядеть на маслянистую черную воду, и увидел впереди женщину. Непонятно, откуда она появилась, будто из-под земли выросла. Я сразу перестал плакать, прибавил ходу и нагнал женщину. Она шла, громко разговаривая сама с собой, вернее, с незримым собеседником:

— Подумаешь!.. Меня в клетку не посадишь. Я вольная птица!..

Услышав меня за собой, она резко повернулась.

— Ты чего тут?..

— Я заблудился. Мне в Армянский надо...

— Это где ж такое? — по-доброму всполошилась женщина.— Что-то не слыхала.

— Покровка... Маросейка...

— Господи!.. Куда ж тебя занесло!

— Я трамвай перепутал.

— Надо же! — Женщина рассмеялась звонким, молодым смехом. Вначале она показа-

лась мне старой. Лицо у нее было усталое, тени под глазами. А сейчас я увидел, что она совсем молодая. Она наклонилась ко мне, и я почувствовал запах одеколона и пудры.

— Ты плакал? — спросила женщина.— Брось!.. Ничто в мире слезиночки не стоит.

— Испугался,— пробормотал я.— Поздно, а я один...

— Одинокий путник идет дальше других,— странно, будто для себя, сказала женщина.— Ладно! Пошли!.. «Эх, Коля, грудь больно, любила довольно...» — запела она хрипловато, но мелодично.— «Сирень цветеот, не пла-ачь — приде-от...» Чего же ты? Подпевай. Или не знаешь?

Мне ли не знать этой песни, нежного и задорного гимна золотых дачных дней! Не замолкая, звучала она в дачном саду, на реке, в поле, по дороге в лес...

— Знаю,— сказал я,— да нельзя мне.

— Это почему же? Петь каждому можно.

— Слуха совсем нет.

— Беда! Не люблю, кто не поет. А ты бы хоть сам с собой пел,— попросила она.

— Я пою. Сам с собой я всегда пою!

— Ну и правильно. А меня стесняться нечего. Подпевай. «Сире-ень, цвете-от!..» А, черт!..

Она сильно оступилась, еще раз оступилась, захромала и остановилась, как-то странно согнув ногу.

— Каблук, будь он неладен!..

У нее сломался каблук. Она попыталась приладить его, опершись о мое плечо, но ничего не получилось. Тогда она совсем оторвала каблук и отшвырнула прочь.

— Вот так всегда у меня! Только что-то заладится... Ладно, как-нибудь добредем.

Мы заковыляли дальше, и тут наперерез нам из переулка вышел пожилой человек в прорезиненном плаще, сапогах и суконной фуражке.

— Эй, дядя! — окликнула его женщина.— Тебя-то и надо! Проводи мальчонку!

Человек остановился. Под крепко пахнущим резиной плащом виднелась военная гимнастерка. Сапоги на нем были старого фасона: высокие, по самую коленную чашечку, и в обтяжку, что подчеркивало кривизну тонких ног.

— Нечего ему по улицам шататься. Спать надо!

— Да заблудился он. Ему на Покровку,— пояснила женщина.— Доведешь?..— Она наклонилась ко мне, и я снова почувствовал сладкий запах одеколона и пудры.— Ну, прощай!.. А смешно — сколько лет пройдет, ты вырастешь, станешь большим и никогда больше меня не увидишь. И я тебя не увижу. Понимаешь? Мы никогда, никогда с тобой не увидимся. Ни-ко-гда!..

Она выпрямилась и, прихрамывая, пошла через дорогу. Сам не знаю почему, но мне вдруг смертельно жаль стало, что мы с ней никогда не увидимся. Вроде бы что тут такого — каждый день встречаешь уйму людей, с которыми тоже никогда больше не увидишься, и дела до них нет, а вот сейчас мне реветь хотелось оттого, что я больше не увижу этой женщины, ее усталого лица, размазанных глаз, большого рта...

— Проводи, проводи! — сердито ворчал человек.— А спросила, куда я иду?.. Мне в другую сторону! — И не в лад своим словам он жестко взял меня за руку.

— Пустите!

— Отставить разговорчики!.. Кто она тебе?

— Никто! — буркнул я.

— Это что еще такое? — загремел он.— «Никто»,— ишь, фендрик!..

Я не выносил разносов от посторонних людей, но что-то в его тоне заставило меня прикусить язык. Я вовсе не боялся его и знал, что он меня не бросит, я просто увидел этого человека не в суконном картузе, а в буденовке, и не в ночном московском переулке, а в ковыльной степи...

Он здорово разбирался в местности. Мы завернули в проходной двор, затем прошли другим двором, уже не проходным, но с лазом в деревянном заборе, возле таинственно поблескивающей помойки, и вскоре, будто дуновением тепла, я ощутил близость родного предела. Только шли мы как-то странно: сделаем шагов десять и постоим. Вначале я думал, что это нужно ему для выбора направления. Но когда улица круто забрала в гору, человек выпустил мою руку.

— Дальше не пойду. Мотор не тянет.— Он постучал по груди, где сердце.— Ступай прямо, никуда не сворачивай, выйдешь к Армянскому. Не боишься?

— Нет! — сказал я по-солдатски готовно и неискренне.

— Молодец! — Голос его потеплел.— Терпеть не люблю трусов. Ну, бывай!

Он повернулся и зашагал прочь на своих гнутых ногах кавалериста.

И опять мне стало грустно. Еще один человек приблизился, коснулся моей жизни и скрылся навсегда. От моей руки, которую он держал, пахло табаком, а от плеча — той женщиной, ее одеколоном и пудрой. Два человека из ночи оставили на мне свои метки. Но завтра слабые запахи испарятся. Я понюхал свое плечо, втянул табачной горечи от пальцев, вздохнул и пошел совсем не туда, куда меня направил бывший военный.

Почему я это сделал? От растерянности, топографического кретинизма? Нет, тут что-то другое, более сложное. Может, мной двигало неосознанное сожаление, что все так просто разрешилось? Незамысловатость спасения унижала остроту переживаний. Или же я не исчерпал ночи? Мое движение в сторону от дома не было осознанным, я словно играл сам с собой в какую-то запретную для сознания игру.

— Спокойно! — сказал милиционер. — Обязан как неподросшего перевести на другую сторону магистрали.

Поднявшись на кручу, где стоял монастырь, освещенный запутавшейся в ветвях рослых вязов луной, я вернул себе холодок опасности. От монастыря на широкий перекресток ложилась четкая, густая тень. Куда идти? Вдоль монастырской стены? Но это явно уведет меня прочь от дома. Продолжать путь? Наверняка заблудишься. Вернуться туда, где мы расстались с моим провожатым?.. И тут я услышал свист.

С той же стороны, откуда пришел я, поднимался человек. Он был еще далеко от меня, но его длиннющая тень подбиралась к моим ногам и вдруг исчезла — монастырская стена отрезала прохожего от луны.

— Kolossal! — восторгался человек. — Wunderbar... O, du geheimnissvolles Asien!

— Дяденька, — сказал я фальшиво-нищенским голосом, какого прежде не знал за собой, — где Покровка?

— Wem gehört diese Stimme? — удивился немец. — Wo bist du, mein Kind?

— Da bin ich! — откликнулось дитя. — Sagen Sie bitte, wo ist Pokrowka?

Как бы гордилась моя бедная мама, из последних сил учившая меня немецкому языку, если б слышала этот непринужденный разговор! Она никогда не спрашивала меня об успехах, убежденная в глубине души, что я не знаю ни бельмеса. И вот...

Читателю может показаться странным, что я так спокойно и доверчиво обратился к чужеземцу, а не стал выслеживать его как шпиона. Но Гитлер тогда еще не пришел к власти. В иностранце мы охотнее видели революционера, забастовщика, докера, чем врага.

Я не ошибся в немце, хоть он не был ни революционером, ни докером. Он что-то строил на Волге и в Москве находился про-

ездом. Он восторгался нашей столицей, где «Европа обнимается с Азией», а по ночным улицам бродят мальчики, свободно говорящие по-немецки. Он еще что-то лопотал, но я перестал его понимать. Он говорил слишком быстро и злоупотреблял произношением: то раскатывал, то проглатывал букву «р», клекотал, трубил и вдруг ронял голос в желудок.

Немец, конечно, понятия не имел, где находится Покровка. После того, как я пресек его попытки увести меня назад к Яузе, мы, слегка поплутав в окрестностях монастыря, оказались в Старосадском переулке. Возле немецкой кирхи я сказал, что теперь дойду сам. Я чувствовал, что ему хочется вернуться к монастырю. На кирху он и внимания не обратил.

Немец настаивал на том, чтобы довести меня до самого дома. В этой деликатной борьбе победил я. Мы расстались сердечно. Через несколько минут я был на Покровке. И тут — будто напророчила сердитая кондукторша — я попал в руки милиции.

По тротуару от церковки, что на углу Старосадского, шагал, четко печатая шаг, молодой милиционер в расчищенных до блеска сапогах. Он весь горел, сверкал, скрипел, потрескивал складской новизной. Дежурил ли новоиспеченный страж порядка, или просто вышел в новенькой форме покрасоваться перед фонарями и звездами,— кто его знает. Заметив меня, он свернул под прямым углом и заступил мне путь.

— Что такое? — произнес он грозно.— Детям спать положено! — Его широкое, лучезарное, хоть и прихмуренное от сознания своего величия сельское лицо тоже скрипело мужественной игрой желваков, сцепом челюстей, крепостью скул.

— Я заблудился! Вон мой дом! — Я махнул рукой на видневшийся в глубине Армянского переулка угол моего дома.

— Заблудился? — недоверчиво повторил милиционер.— Адрес местопроживания?

От него крепко и вкусно пахло кожей, сукном, ваксой и тройным одеколоном.

— Армянский, дом девять, квартира сорок четыре. А по Сверчкову и Телеграфному — дом один, а квартира тоже сорок четыре.

— Это как понять? — удивился и вроде обиделся милиционер.— Адрес только один должон быть.

— А у нас три адреса,— сказал я с достоинством.— Наш дом в три переулка выходит.

— Надо же! — Милиционер хлопнул себя по ляжке, обтянутой синей диагональю.— Только в Москве такое бывает. Три адреса! Ну и городишко!.. Пошли! — И он взял меня за руку.

В испуге я рванулся прочь, но не тут-то было.

— Спокойно! — сказал милиционер.— Обязан, как неподросшего, перевести на другую сторону магистрали.

Он вынул свисток и, хотя улица была пустынна, легонько свистнул, останавливая воображаемое движение.

— Перекресток у Сверчкова осилите или проводить? — спросил милиционер, когда мы оказались на той стороне.

— Осилим,— польщенно сказал я.

— Поглядите налево и начинайте движение. Достигнув середины проезжей части, поглядите направо и, если нет транспорта, продолжайте путь.— Он опять счастливо улыбнулся и козырнул.

Я выполнил его указания и через несколько минут, вихрем взлетев по темной лестнице, дернул веревку колокольчика у наших дверей. Я думал, что долго протомлюсь на лестничной площадке. К нам был один звонок, вернее, один треньк колокольчика. Ржавый и копотный, он давно утратил былое звонкоголосье. Разве услышишь одинокий щелк язычка? А станешь частить, обязательно примчится Данилыч, на ходу напяливая гимнастерку, в надежде, что началась мировая революция и ему предстоит вести полки, или директор подвальчика «Медведь» Фома Зубцов, тепло одетый, с пакетом в руках, тоже в полной готовности, но отнюдь не революционной.

Напрасно я беспокоился. Едва раздался слабый треньк, дверь распахнулась — мама и дедушка давно уже поджидали на кухне, когда принесут мой изуродованный труп. Мне всегда предоставляли слово, прежде чем подвергать казни. Я быстро рассказал, что произошло.

— Вот что значит лезть с черного хода...

Мама вздохнула, не докончив фразы, но я очень хорошо понял, что она имела в виду.

Прежде чем лечь в постель, я немного постоял у окна, глядя в лицо ночи, переставшей быть страшной. Почему я так боялся ее? В тихой, темной пустынности бродят странные добрые люди, которые не дадут тебе пропасть. Я мысленно пожелал им спокойной ночи: гордой молодой женщине, бывшему военному, которому не спится в мирной тиши, очарованному Москвой немцу и новоиспеченному стражу столичных улиц...

А на другой день вечером я снова пошел в ногинское полуподвалье. Я уже все решил про себя и лишь должен был убедиться, что страх ни при чем в принятом решении. Я был влюблен в свою ночь, но моя готовность к повторению пережитого нуждалась в проверке. И я понял, что боюсь трамвая № 21 и, наверное, долго буду бояться, но это не беда, потому что вскочу на него по первому же внутреннему посылу, не задаваясь вопросом, в какую сторону он идет. В таких делах я не обманывал себя.

Теперь, когда я знал, что больше не приду сюда, полуподвальные ребята казались мне куда симпатичнее. В них не было ни зазнайства, ни гонора, они просто не понимали мальчика, бросившего школьных друзей,

чтоб пролезть в пионеры, как сказала моя мать, с черного хода. Их настороженное чувство ко мне шло от душевной опрятности. Мое время еще не настало. Люди, передававшие меня друг дружке в ночи, были прекрасны, а я не был прекрасен — испуган, жалок, плаксив. Красный галстук не даст мне другого сердца, я сам должен его обрести, тогда все сбудется. А для этого не нужно царапаться в чужие двери.

Я никому не сказал, что ухожу. Я исчез незаметно, когда все упоенно горланили «Юного барабанщика». И во двор долетало:

И стих наш юный барабанщик,
Его барабан замолчал...

Я не жалел, что расстаюсь с ними, но к легкости, какую сообщило мне принятое решение, примешивалась печаль. Я буду помнить тихое лицо Рубинова, но меня тут никто не вспомнит. А это плохо. Надо оставлять какой-то след в душах тех, с кем тебя сводит жизнь.

Операция «ЖИВОЕ СЕРЕБРО»

Второй тур завершен!

Операция была объявлена в марте. В июле в журнале «Пионер» и в Министерстве рыбного хозяйства СССР читали донесения участников. Это было не такое простое дело, хотя и очень радостное. Тысячи отрядов голубых патрулей рассказывали о своей работе. А сколько полезного они сделали: спасали мальков от гибели, охраняли подшефные реки и озера от браконьеров, обсаживали берега рек и озер деревьями, а еще при этом и исследовательскую работу вели!

Министерство рыбного хозяйства СССР и журнал «Пионер» определили победителей. Приказом министра рыбного хозяйства победители были награждены резиновыми лодками и палатками, фотоаппаратами и биноклями.

Голубые патрули продолжали действовать. Они работали все лето. Каждый месяц приносили хорошие вести: создавались новые отряды, росли дела. Окончательные итоги операции решено было подвести поздней осенью, когда завершатся основные работы.

И вот такая пора пришла. Главный штаб операции называет победителей. На этот раз победителями оказались голубые патрули:

ВИДНОВСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ № 1 МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ,
ЕЛИЗАВЕТИНСКОЙ И БАГАЕВСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ № 2 РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ,
ЛЕГКОДИМОВСКОЙ И ГРОМКОВСКОЙ НАЧАЛЬНЫХ ШКОЛ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ,
ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТЕХНИКУМА ГОРОДА ГОРЬКОГО,
КАТЫНСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ СМОЛЕНСКОЙ ОБЛАСТИ,
ОРУССКОЙ ШКОЛЫ ЭСТОНСКОЙ ССР,
МАКОШИНСКОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ ЧЕРНИГОВСКОЙ ОБЛАСТИ,
ТРЕХ ШКОЛ ГОРОДА КАНЕВА ЧЕРКАССКОЙ ОБЛАСТИ,
171-Й ШКОЛЫ ГОРОДА КИЕВА.

Отряды-победители получили в подарок лодки и моторы, палатки и рюкзаки. Фотоаппаратами, ручными часами, биноклями награждены и отдельные ребята, те, которые создали отряд, и те, которые стали командирами, и те, которые работали с особенным увлечением, с догадкой, творчески. «Пионер» поздравляет СЕРЕЖУ ШАПОВАЛОВА, ЛИДУ ЦЫБИНУ, ВИТЮ ЗАХАРОВА, КИРСЕ ААРНЕ, ВАХТРА ТИТТ, САШУ ДРОННИКОВА И САШУ СТОКОЗА, КОЛЮ СУЩЕНКО, СЕРЕЖУ РЫБА, НАДЮ ПЛЕВА, ТОЛЮ БУСОВА, ТАНЮ ТАЛАЛАЕВУ. Эти ребята со всех концов страны: из России и Белоруссии, с Украины и из Эстонии, с берегов рек Волги и Дона, Днепра и Амура.

Вместе с ребятами в приказе Министерства рыбного хозяйства СССР отмечены и взрослые, которые руководили работой голубых патрулей: Г. В. ШАРОВ, Г. И. СОРОКОВЫХ, Е. И. ЦИНКИНА, Л. А. ТАРАСОВА, Ю. И. АВДЮКОВ, А. УЛЬЭЛУС.

ЖУРНАЛ «ПИОНЕР» БЛАГОДАРИТ И ПОЗДРАВЛЯЕТ С НАГРАДОЙ СТАРШИХ ТОВАРИЩЕЙ РЕБЯТ.

Мы рассказали о главных победителях операции, но их много. В каждой республике и области нашей страны подводятся итоги операции. Ребята-победители получат награды.

Второй тур операции «Живое серебро» завершен. В первом номере журнала «Пионер» мы расскажем о том, как будет продолжаться операция «Живое серебро», потому что, конечно, продолжаться она будет.

пилот
транспорт
капитан
машинистка
писатель
редактор
художник
машинист
завод полиграфических машин
фрезеровщик
вот кто создаёт книгу
ИКА
ЗООЛОГИЯ
ЗООЛОГИЯ
для 6 класса
6-7
6-7 класс
инженер-конструктор
токарь
слесарь
добыча железной руды в карьере
взрывник
ТОЛ
ТОЛ
геолог-поисковик
целлюлозно-бумажная фабрика
бумага
геолог-разведчик
металлургический завод
леспромхоз
варщик целлюлозы
сплавщик леса
вальщик
тракторист
сталевар

Рисунки А. БОРИСОВА.

«Производительность труда — это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя».

В. И. ЛЕНИН.

ОСНОВА НАШЕЙ ЖИЗНИ

В. СТОРОЖЕНКО

От фанерных самолетов к туполевскому лайнеру

Сейчас в нашей стране населения в полтора раза больше, чем до революции. А товаров народное хозяйство выпускает в сорок раз больше!

Как же это возможно? Может быть, люди стали гораздо больше работать? Как раз наоборот. До революции работали в среднем пятьдесят восемь часов в неделю, сегодня — сорок один час. Посчитайте-ка все дни в году, когда большинство людей вообще не работает, — субботы, воскресенья, праздники, отпуска — получится больше 120 дней!

Как видите, причина совсем не в этом. Она в том, что каждый трудящийся сегодня вырабатывает за день гораздо больше товаров, чем раньше. Его труд, говоря по-научному, стал намного производительнее.

В старой кинохронике вы, наверное, видели, как тысячи людей киркой и лопатой копают канал, как в тачках катят землю, а кирпичи таскают по крутой лестнице на собственном горбу.

А сейчас? Экскаватор. самосвал, подъемный кран заменили тяжкий ручной труд.

И так в любом производстве. Всюду машины, автоматы, приборы, конвейеры, всюду электричество, газ, новые легкие и прочные материалы.

Вот почему так сильно выросла производительность труда.

Наука и техника сделали человека могучим, преобразили мир. А многие вещи — машины, например, — за последние два-три десятилетия стали просто неузнаваемыми. Сравните первые автомобили, больше похожие на карету без лошадей, с современными лимузинами или склеенные из фанеры и картона первые самолеты с туполевскими лайнерами. Я хорошо помню, как

незадолго до войны родители повели меня смотреть «чудо техники». У ящика величиной с большую тумбочку толпилось много народу. Люди подходили по очереди и заглядывали в углубление в ящике. Там на светящемся зеленоватом экране размером чуть больше пятака — это был телевизор — двигались призрачные силуэты...

Путешествие с книгой

Новая техника облегчает человеческий труд, но сама она, как и все вещи, окружающие нас, порождена трудом. Вот, например, книга. Непростой путь прошла она, прежде чем попала к вам в руки.

Давайте заглянем в типографию.

Здесь книгу сначала набирают. Буква за буквой, строка за строкой наборщик собирает толстые металлические страницы, с которых будет печататься книга. В больших типографиях новые машины. Здесь наборщик только нажимает на клавиши, а машина отливает и собирает буквы.

Но вот набор отправляют на печатную машину. Здесь техника ушла вперед еще дальше, чем в самолетостроении или телевидении. Особенно внушительны ротационные печатные машины — эти громады стоят в цеху, как корабли. С ротационной машины и сходит непрерывная широкая лента бумаги с отпечатанными страницами.

Но лента совсем не похожа на книгу: ее надо разрезать на отдельные листы, а эти листы подобрать и сложить так, чтобы получился верный порядок страниц.

Теперь осталось сшить все листы, аккуратно обрезать края, одеть книгу в переплет, упаковать в пачки и отправить в магазин...

Обрати внимание: в самой типографии был затрачен только человеческий труд. Все остальное: бумага, энергия, машины — было создано раньше. На все эти вещи труд был затрачен в другом месте, а типография получила все в готовом виде.

Посмотри на нашу схему — там хорошо видно, как родилась книга, сколько бумаги, машин, энергии, труда рабочих было затрачено в разное время.

А теперь перенесемся в прошлое — в тот день и на ту бумажную фабрику, где делается бумага для нашей будущей книги. К фабрике подходит железная дорога, по ней идут тяжелые составы с бревнами. В первом цеху фабрики огромные машины измельчают эти бревна, а в последнем бесконечная лента готовой бумаги наматывается в рулоны. Что же пришлось затратить на фабрике, чтобы сделать бумагу?

Прежде всего, конечно, нужен был труд рабочих, затем — сырье (бревна), машины, энергия. А бревна (проследи за этой цепочкой по нашей схеме) рождаются на лесоповале опять же с помощью труда (уже других рабочих), машин, энергии. Если на лесоповале у рабочих бензиновые пилы, то на заготовку бревен идет бензин. А откуда берется бензин? Его получают из нефти на нефтеперегонном заводе и, конечно, тоже при помощи труда рабочих, машин, энергии...

По этой цепочке можно двигаться бесконечно. Над книгой, как видишь, трудились люди и год и десять лет тому назад.

Удивительнейшее дело: над книгой, оказывается, работали и металлурги — выплавляли сталь для станков, машин и даже для скрепок; и ткачи — сделали ткань для переплета; и химики — придумали рецепт типографской краски. Когда-то, много лет назад, геолог разведал далекое месторождение свинца. Он и не подозревал, что крупица его труда окажется в книге, которую ты держишь в руках. Ведь около месторождения вырос огромный завод, дающий стране свинец, а литеры для набора отливаются из свинцового сплава.

Тысячи людей, их руки, их труд создали твою книгу. Вот почему, бережно относясь к книге, ты экономишь, сберегаешь труд всех этих тружеников. Загубив книгу, губишь и их труд...

Секрет любой вещи

Экономисты говорят: в создании любой вещи участвует труд рабочих, которые сейчас, сегодня стоят у станка (это «живой» труд), и труд, который рабочие затратили когда-то раньше (это прошлый, или «овеществленный», труд — он существует в уже готовых вещах).

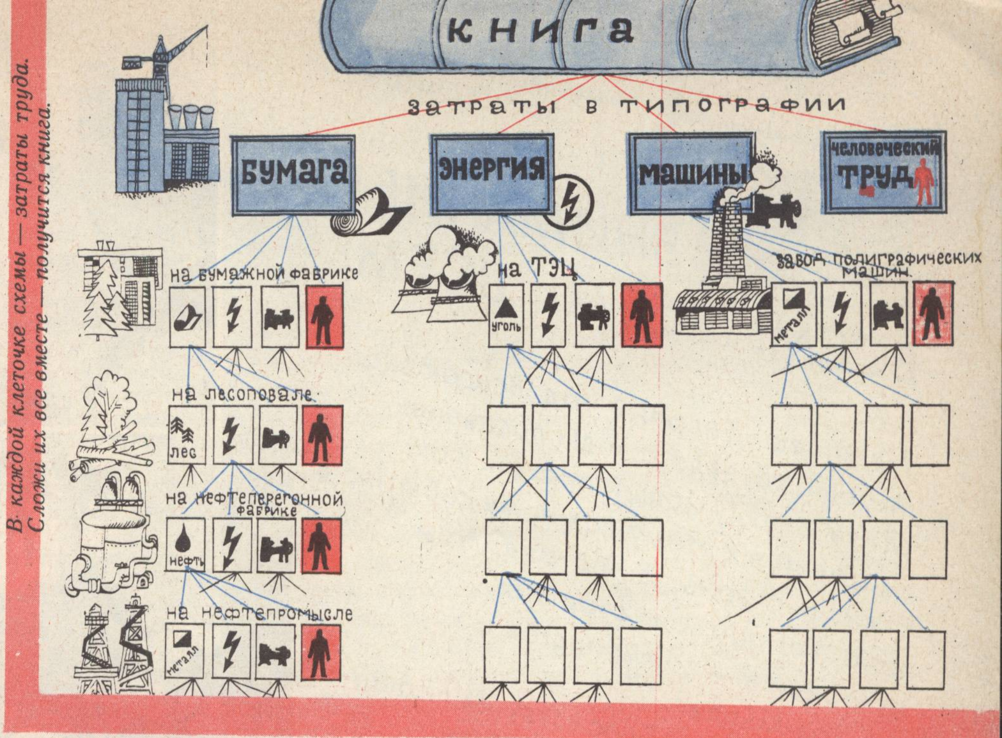
Все это тебе будет легче понять, если ты хорошо разберешься в нашей схеме. Помнишь: там ведь мы путешествовали в прошлое, рассматривая цепочку: книга — бумага — древесина — лес — бензин — нефть... И каждый раз мы «оживляли» кусочек овеществленного труда. За книгой мы видели труд рабочих на бумажной фабрике, за древесиной — лесорубов и т. д.

Попробуем сложить все те части нашей схемы, где написано «человеческий труд». Это будут затраты труда в типографии, на бумажной фабрике, на лесоповале, на нефтеперегонном заводе, на нефтепромысле, на ТЭЦ, на заводе полиграфических машин и т. д. Соединив все это воедино, мы получим полные затраты труда на книгу.

Если ты внимательно рассмотрел схему и прочел это рассуждение, тебе станет ясно, что любая вещь — как наша книга — в конечном счете содержит в себе лишь один человеческий труд.

В первобытном обществе, на заре человеческой истории, овеществленного труда — станков, машин, зданий — еще не было, не накопилось. Любую вещь первобытный умелец от начала до конца производил сам: «Сам швец, сам жнец, сам и на дуде игрец».

А сейчас возьми любую вещь из многомиллиардного моря товаров — все равно, будь то костюм, транзистор или пирожное, — и ты увидишь, что каждая не что иное, как сгусток, концентрат человеческой энергии, затраченной давно или недавно, далеко или близко, на фабриках, заводах, рудниках, совхозах, железных дорогах...

Как сберечь труд?

Но если все товары — лишь человеческий труд, значит, их можно сравнить между собой. Вот на этот костюм, например, израсходовано 60 часов рабочего времени — 20 часов на швейной фабрике, 15 часов на ткацкой, 10 часов на прядильной, 5 часов на получение шерсти, 2,5 часа на выращивание овец и т. д. по всей цепочке, похожей на ту, что мы проследили с книгой. А на стол пошло 25 часов труда мебельщиков, лесорубов, транспортников.

А нельзя ли на костюмы и столы тратить меньше времени? Ведь тогда в сэкономленное время можно будет сделать дополнительные костюмы и столы! Давай разберемся. Вот на мебельную фабрику привезли новые, быстроходные станки. Для чего? Чтобы уменьшить затраты труда. Рабочий придумал, как экономнее расходовать древесину для стола. Зачем? Чтобы сократить затраты овеществленного труда. Бригады мебельщиков соревнуются между собой, кто больше даст столов за месяц. Почему? Потому что они знают: чем производительнее будет их труд, тем больше столов выпустит фабрика, тем дешевле будут эти столы.

И у экономистов, ученых та же главная задача — находить способы сокращения затрат. Но ты и сам понимаешь, что об этом думают не только экономисты, это наша общая забота.

Как снизить затраты труда? Как сэкономить расход самой ценной силы в природе — человеческой энергии? Таков вопрос. Цель благородная, и ведет к ней множество дорог. Одна из них — научно-технический прогресс. Другая — улучшение организации труда.

У тебя много времени уходит на домашние задания? Прикинь, сколько его теряется на подготовку рабочего места, поиски нужных книг, тетрадей, карт, карандашей, записей, сколько раз приходится отвлекаться попусту от занятий. Подсчитай, сколько времени у тебя «съедает» неорганизованность. Так же и на производстве. Правильная, научная организация труда намного повышает его производительность.

Наша новая пятилетка

В центре Москвы огромное серое здание. На нем табличка: «Госплан СССР».

С утра тысячи сотрудников растекаются по этажам и коридорам Госплана. В кабинетах трещат пишущие и счетные машинки. Здесь идет важное совещание, а там, в кинозале, — просмотр новых технических фильмов. В вычислительном центре электронные машины помогают быстро сделать нужные расчеты.

Госплан сегодня создает самый большой в стране план — план развития народного хозяйства на 1971—1975 годы, нашу будущую пятилетку. Этот план поможет работать миллионам людей, тысячам заводов, совхозов, магазинов, институтов, и не один день, а целое пятилетие. Нелегко предусмотреть все в плане, рассчитать до последней копейки все доходы и расходы населения, определить, как будет развиваться каждая из ста тысяч фабрик и заводов.

Но главная забота экономистов — выискать все возможности для экономии труда. Именно за счет этой экономии будет создана в предстоящем пятилетии большая часть всех богатств. Сейчас за год у нас строится сто миллионов квадратных метров жилой площади. Это как бы общая производительность труда наших строителей. Посчитайте, сколько дополнительного жилья смогут они построить, если увеличат свою производительность всего на один процент! Получится миллион квадратных метров — большой новый город!

Вот что значит беречь человеческий труд, вот как нужно государству, народу хозяйское, бережное отношение к каждой минуте рабочего времени.

радиостанция „Здравствуй!"

ВНИМАНИЕ! ВСЕМ! ВСЕМ! ВСЕМ!

Ты знаешь, первый год Всесоюзного Марша «Всегда готов!» посвящен XXIV съезду нашей партии. Как готовится к этому важному событию в жизни страны твой отряд? Чем порадует он своих старших товарищей — коммунистов и комсомольцев?

Радиостанция «Здравствуй!» просит тебя прислать нам подробный рассказ о том, как идет Марш «Всегда готов!» в твоем отряде. Рассказы ребят о самых интересных делах будут напечатаны в журнале.

Клубом юных медиков 28-й воронежской школы руководит научное студенческое общество

Пожилая женщина споткнулась и упала прямо на каменные ступеньки. К ней подбежала девочка, помогла встать.

— Наша школа совсем близко,— сказала девочка,— я вас провожу.

— Может быть, мне в поликлинику?..

— Нет, школа ближе.

В очень чистой — можно сказать, сверкающей чистотой — комнате гостей встретила девочка лет двенадцати в белоснежном халате. Она очень ловко промыла ранку, обработала ее, как говорят медики, и перебинтовала пострадавшей коленку.

— Ты кто же будешь? — спросила женщина.— Медсестра?

— Нет,— сказала девочка.— Я буду медсестрой, когда вырасту, или даже врачом стану. А пока я член клуба юных медиков.

— Кто же научил тебя тут управляться?

— Наша учительница Ираида Александровна Юровская, а еще к нам приходят врачи, преподаватели и студенты из Воронежского медицинского института. Они читают нам лекции, учат оказывать первую помощь. Мы и сами ходим в институт, занимаемся в лабораториях.

— Ну, я пойду,— сказала пожилая женщина.— Спасибо.

— Вы к нам на лекции приходите,— пригласила девочка.— Недавно профессор рассказывал о гипнозе. А наши ребята читают лекции, как бороться с гриппом и с желудочными заболеваниями.

— Обязательно приду.

— Если мы вам понадобимся, вы нас домой позовите. Мы придем. Мы ходим ко всем, кому наша помощь нужна. Особенно мы заботимся об инвалидах войны — часто ходим к ним, достаем нужные лекарства, консультируемся с врачами.

Фото В. ПОСТНИКОВА.

Санитары — важная юнармейская специальность. Не обойтись в игре «Зарница» без санитаров! В 11-й школе подмосковного города Калининграда идет соревнование санитаров. Кто победит? Пока еще неизвестно.

ЗАПОРОЖЬЕ, УЛИЦА БРЮЛЛОВА, 16

— по этому адресу может написать каждый, кто хочет создать клуб юных космонавтов в своем дворе.

Мы раньше не знали, чем заняться в свободное время. Мальчишки в футбол гоняют, девчонки слоняются, скучают. Один раз мы собрались и стали думать: что нам изобрести, чтобы всем было интересно? Спорили, спорили, даже ссориться начали. Тут нам помог папа одной девочки с нашего двора. Вышел посмотреть, что это мы так шумим. Узнал и говорит: «Я видел в одном дворе у ребят клуб есть, кружки разные. Устройте и вы свой форпост».

Мы слышали про такие форпосты в городе и немножко завидовали им. В одном дворе даже настоящие пьесы ставили! У нас некоторые ребята ходили, ничего, понравилось. Но только у всех этих ребят были свои шефы. У одних — завод, у других — железнодорожники, а нам кто поможет?

Но папа этой девочки над нами посмеялся. «Эх, вы,— говорит,— ненаблюдательные! Мы же у самого аэродрома живем. Вот вам и шефы!»

Он помог нам договориться с комсомольцами из аэропорта. Велел назавтра сходить в жэк, сказать, что в жэке должны быть деньги на наши детские нужды. И еще попросить полуподвал, где никто не живет,— там устроим штаб.

Так у нас появился «Клуб юных космонавтов». Теперь это самый интересный клуб в городе. У нас и форма своя есть. Мы учимся с парашютом прыгать, самолеты изучаем, знаем все посадочные знаки. Устраиваем спортивные соревнования. Ведь космонавт должен быть хорошим спортсменом. И своя самодеятельность у нас есть. Теперь к нам приходят ребята с других форпостов, рассказывают, что у них интересного, а мы им рассказываем о своих делах.

ХОЧЕШЬ, НАУЧУ
веселым играм с октябрятами?

Предложи ребятам внимательно посмотреть на тебя. Потом выйди из класса и быстро измени что-то в своем костюме: например, расстегни пуговицу у ворота, положи в карман газету так, чтобы она торчала, засучи немного рукав, переколи значок на другой борт — да мало ли что еще можно придумать! Вернувшись в класс, предложи ребятам, скажем, за двe-три минуты узнать, что изменилось. Выиграл тот, кто заметит все изменения.

А вот еще игра. Сделай из консервной банки пластинку с твердыми выступами так, чтобы ее можно было привязать к подметке ботинка. Собери своих октябрят на школьном дворе или где-нибудь за селом, на полянке. Один из ребят будет «нарушитель» — к его ботинку и привяжи пластинку с выступами. Он должен выйти «из дому», запутать следы и спрятаться где-то неподалеку. Ему разрешается идти по таким местам, где след виден слабо, и даже по таким, где след совсем не виден, но не больше 30 шагов. Минут через десять отряд выходит искать «нарушителя» по следу. Выигрывает «нарушитель», если за 40 минут его найти не удастся.

«Звёздочка»

ВИДЕОФОН НОВОЙ КОНСТРУКЦИИ
создали юные техники Дома пионеров г. Курска

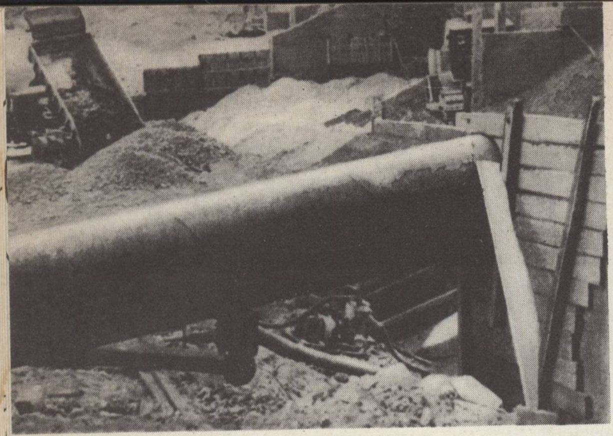
Самый счастливый момент был, когда юные конструкторы увидели друг друга на экранах. «Алло, алло, видишь меня?» — говорит один в маленький микрофончик. А сам во все глаза смотрит на экран. Вот по экрану забегали голубоватые полосы, он засветился, и на нем появилось улыбающееся, хорошо знакомое лицо товарища. Порядок! Видеофон действует!

Даже специалистам понравился видеофон! Обычно видеотелефоны большие и стоят дорого. А тут — аккуратный ящичек, меньше, чем у телевизора «Рекорд», экран — тридцать сантиметров. Изображение очень четкое. Правда, дальность связи небольшая, всего 500 метров. Но это не так уж мало! Можно установить связь, скажем, школы с больницей или с почтой. Да мало ли где можно использовать видеофон! Например, на заводе — связь между цехами. Или в больнице видеофон свяжет врача с палатами. А если установить простой коммутатор, то можно связаться сразу с несколькими абонентами!

В радиотелевизионную лабораторию Курского Дома пионеров, где ребята создали видеофон «Пионер», уже поступили заказы от предприятий города.

ГДЕ МЫ БЫЛИ, ЧТО МЫ ВИДЕЛИ?..

На строительстве самой высокогорной гидроэлектростанции побывали ребята 23-й московской школы

Поселок Каракуль называют теперь Комсомольском-на-Нарыне. Первые палатки появились здесь восемь лет назад. По призыву комсомола приехали в горы молодые бурильщики, монтажники, арматурщики, слесари. В горах им раньше не приходилось работать, и альпинисты учили их скалолазанию.

Мы слушаем рассказы строителей и думаем о том, как трудно пришлось им в горах. Но вот уже пробито семь тоннелей, Нарын загнан в трубу, и среди диких скал и лесов вырос большой и красивый поселок. Скоро вступит в строй новая мощная ГЭС, самая высокогорная в стране.

А этот снимок мы тоже сделали в горах, в Сары-Челекском заповеднике. Мы видели там диких козлов, кабанов, снежных барсов, фазанов — сто пятьдесят разных видов животных и птиц живут в заповеднике. Горная дорога, очень красивая, тянется среди зарослей яблонь, алычи, орешника. «Вкусный лес»,— говорили ребята. Эта дорога привела нас к озеру Сары-Челек. Оно лежит на высоте двух тысяч метров среди отвесных скал, и нам казалось, что нет ничего красивее на свете.

Мой друг— коммунист

Недавно в шестом «Б» Каменской средней школы Ивановской области писали сочинение. Тема для сочинения была одна: «Мой лучший друг». Валера Котельников назвал свой рассказ:

Возраст дружбе не помеха. Мне двенадцать, а дяде Вите уже тридцать. А мы друзья. Мы уже давно дружим.

Когда я был маленький, я заблудился в лесу. Польстился на землянику и от матери отбился. А потом туда-сюда, а нет никого, один лес.

Я сначала не очень испугался. Я сел на пенек и думаю: «Сейчас меня найдут». А землянику съел. Но голосов не слышно, и никто ко мне не приходит. И тогда я стал плакать, потому что мне всего было пять лет. А лес у нас большой, и в нем водятся рыси. Я так орал, что даже охрип. Лег на траву и заснул. Просыпаюсь, меня держит на руках дяденька, а лицо мне его незнакомо. Смеется и кричит: «Нашел! Вот он!»

И тогда все прибежали. И мать, и отец, и соседи, и люди с папиного завода. А тот, который меня нашел, оказался дядя Витя. Я его тогда еще не знал. Он тоже работает на заводе наладчиком. С тех пор мы друзья.

Когда бы я к нему ни пришел, он своей жене тете Вале говорит:

— У меня друг в гостях, накорми его, и тогда мы с ним пойдем.

Ходим мы с ним по грибы, или на речку, или в кино. Идем и разговариваем. Очень хорошо с дядей Витей разговаривать, хоть он и взрослый.

С ребятами что-нибудь начнешь говорить, а кто-то скажет: «Да ладно, знаем!» А дядя Витя, когда я рассказываю, слушает, ему интересно.

А иногда мы с дядей Витей поем песни. Есть у нас одна любимая — «О красном командире»:

Красный командир на горячем коне.
Красный командир на гражданской войне.
В бой идет отряд, командир впереди.
Красный бант горит на груди.

Однажды наш отряд ходил на экскурсию на завод. И как раз попали в тот цех, где работает дядя Витя. Я до сих пор удивляюсь, как мне повезло.

Мы везде ходили, смотрели, а Петр Васильевич нам все объяснял. И вдруг смотрим, дядя Витя около станка что-то делает. А с другого конца цеха уже кричат:

— Виктор Иванович, а потом ко мне!

Дядя Витя только успел мне на ходу кивнуть. Вот сколько у него работы!

А недавно дядя Витя мне сказал:

— Завтра зайди. Праздник будет.

И ушел. А я стал думать, какой же праздник. День рождения дяди Вити в конце августа, я знаю. Но праздник, значит, праздник. А что я подарю?

В школе мне за песню дали детали в коробке. Я тогда сел и сделал самолет. Очень красиво получилось. И этот самолет я понес дяде Вите.

Прихожу, а у него уже гости собрались. Дядя Витя меня у двери встречает. Я спрашиваю:

— А какой, дядя Витя, у вас праздник?

А он мне и говорит:

— Я, Валера, сегодня стал коммунистом. Вот какой, брат, праздник.

А потом полюбовался самолетом и поставил его на телевизор. И всем сказал:

— Это мой друг, Валерка. Кто не знает, познакомьтесь.

А я подумал: «Хороших людей много. Но дядя Витя — человек особенный. И правильно, что дядю Витю приняли в коммунисты».

Валера Котельников писал просто, а получилось у него хорошо. Словно и мы теперь знакомы с его взрослым другом — коммунистом Виктором Ивановичем. И рядом с тобой, наш читатель, живут и работают взрослые, которые носят это высокое звание — коммунист.

Хорошо и правильно, когда ребятам близки их большие дела и заботы. Об этом пишут в «ПИОНЕР» ребята.

Журналу всегда интересны такие письма.

Рисунок С. ТРОФИМОВА.

надо посоветоваться

ЧТОБЫ НЕ ОСТАТЬСЯ ОДНОМУ...

Сегодня в первый раз за все каникулы у Саньки было плохое настроение. Он даже сам сначала не понял, почему. Вроде бы ничего не случилось: солнце жарит по-прежнему, и до конца каникул еще далеко, и сегодня они с ребятами пойдут в лес, на Скалы. Сейчас все разбежались по домам, чтобы предупредить родителей и взять какой-нибудь еды. Саньке домой идти незачем, и поэтому он остался во дворе. Посидел на скамейке, а потом решил поискать за гаражом палку для похода. На днях он как раз видел там подходящую. Заглянул за гараж и растерялся: на досках спиной к нему сидел Толька. Он плакал. Санька это сразу понял, потому что спина у Тольки вздрагивала. Саньку он не заметил и продолжал сидеть, съежившись и обхватив коленки руками.

И вот теперь у Саньки было плохое настроение. Наверное, это здорово неприятно: сидеть одному за гаражом, где и солнца-то никогда не бывает.

— Может, Тольку позвать? — неуверенно спросил он ребят, когда все собрались.

— Что?! — Вопрос прозвучал слаженно и возмущенно. Дальше никто ничего говорить не стал. Санька и сам понимал, что затронул запрещенную тему.

— Ябеда же...— все-таки завершила этот обмен мнениями тощая пятиклассница Нинка. Она во всем любила ясность.

В лес они пошли без Тольки.

Вернулись поздно, но когда стемнело, все

равно собрались на скамейке возле старого тополя. Помолчали.

— Он сам виноват,— вдруг сказал Володя, и все поняли, о ком он говорит.

Толька действительно во всем был виноват сам. Он был очень занудливый и вредный. Когда маленький Женька упал с его, Толькиного, нового велосипеда, Толька сказал своим родителям, что во дворе ему не дают кататься на его же собственном велосипеде да еще и ломают его. Когда за эту клевету его пилила Нинка, он ревел и опять шумно жаловался, хотя Нинка младше его на целый год. Были дела и похуже: это он привел дядьку из домоуправления, когда ребята устроили экспедицию по подвалу своего дома. И это он тайно, как шпион, помогает ребятам из соседнего двора, с которыми идет давняя, затяжная война.

Все знали, что Толька во всем виноват сам. Но сегодня он один ревел за гаражом, и от этого ребятам было как-то не по себе.

— Может, он уже исправился? — опять спросил Санька. В этом дворе он жил не очень давно, и ненавидеть Тольку очень уж сильно у него не было особых причин.

— Разве ябеда может исправиться? — горько возразила Нинка.

От жалоб Толика ей приходилось страдать чаще других.

Разговор начинался постепенно и нехотя. Действительно, кому захочется говорить о ябедах, когда можно вспоминать сегодняшний солнечный лес и сумрачные Скалы, когда можно разговаривать про лето, про девятиклассника Сергея, который скоро поведет всех в настоящий, дальний поход, когда можно рассказывать про хороших людей и веселые дела? Но мысли все равно возвращались к унылой Толькиной личности. Наверное, он уже давно накипел, этот разговор. Надо же, наконец, понять, откуда мог взяться этот Толька, и почему ему так нравится, когда всем бывает плохо, и зачем он подстраивает людям разные пакости. От злости или, может, от трусости?

Мы не знаем, чем кончилась история Тольки. Но мы вспомнили о ней, когда в редакцию «Пионера» пришли сотни писем от ребят из разных городов: из Иркутска и Белгорода, Свердловска и Севастополя, Москвы и Перми. И в этих письмах ребята тоже писали о ябедах. Так неожиданно продолжился спор, начатый в одном обыкновенном дворе.

«Ябеда — это доносчик и предатель»,— заявляет Алик Сидоропуло из Свердловска. Сначала даже кажется, что говорит он чересчур запальчиво и сердито. Но Алик от своего мнения не отступает:

«Когда я был в санатории, к нам через дырку в заборе однажды забежала собака. Она была черная и с белыми пятнами над глазами. Мы накормили ее, потому что она была совсем голодная. На следующий день мы снова увидели ее. Она сидела в кустах и тихо скулила. У нее была перебита лапа: это сторож ударил ее палкой, когда хотел выгнать. Но собака не захотела убегать и осталась. Мы спрятали ее в нашем шалаше, который стоял за забором, кормили ее и лечили. Потом лапа зажила, и мы решили немного погулять с нашей собакой. Но когда мы возвращались обратно, нас заметил один занудный мальчишка из нашего санатория. Он стоял за забором и ехидно улыбался. Мы попросили его никому не говорить о собаке. Он обещал и даже взял за это самый хороший значок из коллекции Валерки Дубинина. А на вечерней линейке нас вдруг назвали несознательными и еще злостными нарушителями порядка. А этого мальчишку похвалили и сказали, чтобы все так делали. Он стоял и улыбался, как хвастливый герой. А на самом деле был обыкновенным ябедой».

Ну что действительно надо было этому парню? В самом деле о порядке заботился? Так зачем обещать молчать, да еще за значок? А потом, трусливо оглядываясь, потихоньку шептать на ухо кому-нибудь из взрослых.

«Ябеда — это человек, который выдает чужие тайны из-за трусости»,— пишут четвероклассники 35-й школы Севастополя. «И из-за собственной выгоды, просто чтобы похвалили»,— добавляют девочки из Перми. «Он может из мести делать своим товарищам неприятности»,— пишет Коля Рудиков из Белгорода. А его товарищу Гияру Виляеву все это немного непонятно. Ну, какая тут выгода или радость? Разве ябеда что-нибудь хорошее делает, что его стоит хвалить?

«Тогда, может, ябеда — это просто слабак, который из-за этого злится и готов поэтому делать людям гадости? — предполагает Саша Башкуров тоже из Белгорода.— Мне, например, ябед жалко. Если человек ябедничает, значит, он признается в собственной слабости, значит, он больше ничего не может, только злиться и вредить. Сильные никогда не ябедничают».

«А если в самом деле иногда силы просто не хватает? — отвечает ему Вадим Шкляев из Иркутска.— Вот у нас в классе был второгодник Женька. Он ко всем цеплялся, колотил, ножки подставлял, бил поодиночке. Вот я и начал потихоньку от всех рассказывать нашей учительнице про Женькины дела. Ему попадало, а он не знал, из-за кого. И в конце концов стал вести себя лучше».

Да, Вадим, трудно вам живется в вашем шестом классе. И все из-за какого-то одного Женьки. Но ты посмотри: и ловит он вас поодиночке, и рассказываете вы про него поодиночке, и даже, как быть, решаете отдельно. А вы попробуйте что-нибудь вместе. Не несколько человек, а всем отрядом. Да Женька этот девчонок-то испугается на улице, если их будет много.

«Я не понимаю, разве сказать правду —

это значит ябедничать?» — очень запальчиво поддерживает Вадима Надя Ольховик с Украины. У них в школе был мальчишка, которому объявили бойкот. Не друзья так решили, не одноклассники, а учителя. Директор школы запретил всем с ним дружить. Не послушался только один ученик, Надин одноклассник. Увидев его с Мишкой, которого полагалось бойкотировать, Надя и рассказала об этом своей классной руководительнице. А Юра, «нарушитель», сразу: «Ябеда!» «Может, я и в самом деле ябеда? — уже как-то неуверенно спрашивает Надя в конце письма.— Но я ведь правду сказала...»

А ты заметила, Надя, мы ведь про неправду вообще пока не говорили. И Алькин враг, помнишь, с его письма мы начали, и Вадим Шкляев — разве кто-нибудь из них говорил неправду? Про собаку с перебитой лапой, про второгодника Женьку? Вадим даже считает, что его действия отряду пользу принесли, так почему же он все равно сам называет себя ябедой? Может, дело не в том, чтобы правду сказать, а в том, как ее сказать? А может, иногда и не стоит говорить? Разве обо всем на свете надо сообщать, докладывать, рассказывать?..

А другая большая группа ребят — уже из разных городов — пишет почему-то только о стеклах. О разбитых, конечно. И решают они только одну проблему: должен признаваться виновник или не должен, выдавать его или нет? Как будто каждый из них никогда не разбивал стекол и не помнит, как бывает грустно и тоскливо тому, кто нечаянно попал в это несчастное окно мячом во время азартной футбольной баталии. Ведь вроде бы только что играли все вместе, и было все хорошо и весело, и вдруг... Почему за стекло, разбитое в общей игре, должен отвечать один?

А почему бы всем вместе не ответить за нечаянно разбитое окно? И почему бы самим не справиться с хулиганом, который всем отравляет жизнь? Самим бы разобраться во всей своей классной или отрядной жизни... Это ведь, наверное, очень хорошо, когда можно говорить с такой же уверенностью, как Олег Душин с Украины: «Среди моих друзей нет ябед».

Ну, а если уж ябеды все-таки есть? Пусть их почти никто не считает товарищами, но все-таки что с ними делать? Они ведь учатся вместе с вами, в одном дворе живут, разговаривают. Живется-то им, конечно, несладко, судя по вашим письмам:

«Ненавижу ябед — это жалкие люди».

«Когда ябеда вырастет, он может стать предателем, если еще не стал».

«Я не люблю ябед. Со мной сидит один, так меня все время подмывает хлопнуть его книжкой».

Это еще мягко сказано: хлопнуть книжкой. Ежи и Януш Мусял (Польша) высказываются определеннее: «Мы доносчиков бьем. А если это девчонка — пугаем, например, жабой». Слава Урывский из Москвы — тот заявляет совсем решительно: «Я с ябедами не дружу. А если бы попался мне ябеда, я бы его побил. Правда, тогда бы он опять пожаловался, и я бы его снова побил. Так бы и было...»

Видите, при всей своей решительности Слава не знает все-таки, поможет этот метод или нет. Скорее всего нет. Просто у ябеды появится постоянный источник для жалоб, и если уж это закоренелый ябеда, то, может быть, он будет даже рад. Кто его знает?

Саша Башкуров предлагает, хоть и не очень уверенно, другой способ: «Самое правильное, по-моему, не обращать на них внимания. Хорошо, если бы никто не обращал на них внимания: ни учителя, ни родители, ни большие ребята, к которым ябеды бегают с доносами». Предложение это неожиданное и какое-то очень простое: действительно, что будут делать ябеды, если жаловаться окажется некому? Наташа Акимова из 78-й московской школы пишет как раз про такой случай. Когда она жила в лагере, у них с девочками была своя тайна. Видимо, это очень большой секрет, потому что даже сейчас Наташа про него рассказывать не стала. Но одна их подруга сказала маме — просто так, назло. А мама — вожатой. А вожатой все ребята очень верили, и, оказалось, не зря. Потому что и в этот раз она ответила разговорчивой маме: «Раз девочки сами не рассказали, значит, это секрет. Пусть секретом и остается...» А потом поговорила с ребятами о том, что такое тайна. А ябеде той было тоскливо и одиноко.

«Так от нас же не зависит, чтобы взрослые не обращали внимания»,— возражают ребята из Свердловска.

Так уж ничего не зависит? Вы сами, что ж, ни на что не способны: ни ответить за свой поступок, ни решить что-нибудь, с тем же ябедой справиться? Если будут говорить, решать, действовать твердо и уверенно не двое, не десять, а тридцать человек, к мнению их взрослые отнесутся с уважением. Постарайтесь только, чтобы вас было за что уважать.

И во дворе... Если вы вместе, если даже любой первоклассник у вас свой, надежный человек, если вы за справедливость, у вас есть свои тайны и свои важные дела, самые отчаянные ваши враги будут вас уважать. А к кому тогда придется бегать ябеде? А потом вы увидите однажды, как он плачет один в пустом классе или за гаражом... Потому что самое плохое — это жить одному, без друзей. Так пишут почти все ребята. И, может быть, в следующий раз, если придется разговаривать на эту тему, к нам придет побольше таких писем: «Я никогда в жизни не встречалась с ябедами и очень не хотела бы встретиться. Тоня Сидорова».

И. МЕЗЕНЦЕВА

В этих прекрасных стихах, ребята, вы, наверно, найдете и свои чувства и многие из тех мыслей, которые приходят в голову сегодня, а между тем написаны эти стихи около ста лет назад чудесным тонким лириком АФАНАСИЕМ ФЕТОМ, день рождения которого мы и хотим отметить.

Рисунок И. ГАЛАНИНА.

Афанасий ФЕТ

Облаком волнистым
Пыль встает вдали;
Конный или пеший —
Не видать в пыли!

Вижу: кто-то скачет
На лихом коне.
Друг мой, друг далекий,
Вспомни обо мне!

*

Еще весны душистой нега
К нам не успела низойти,
Еще овраги полны снега,
Еще зарей гремит телега
На замороженном пути.

Едва лишь в полдень солнце греет,
Краснеет липа в высоте,
Сквозя, березник чуть желтеет,
И соловей еще не смеет
Запеть в смородинном кусте.

Но возрожденья весть живая
Уж есть в пролетных журавлях,
И, их глазами провожая,
Стоит красавица степная
С румянцем сизым на щеках.

*

Жди ясного на завтра дня.
Стрижи мелькают и звенят.
Пурпурной полосой огня
Прозрачный озарен закат.

В заливе дремлют корабли,—
Едва трепещут вымпела.
Далеко небеса ушли —
И к ним морская даль ушла.

Так робко набегает тень,
Так тайно свет уходит прочь,
Что ты не скажешь: минул день,
Не говоришь: настала ночь.

Весенний дождь

Еще светло перед окном,
В разрывы облак солнце блещет,
И воробей своим крылом,
В песке купаяся, трепещет.

А уж от неба до земли,
Качаясь, движется завеса,
И будто в золотой пыли
Стоит за ней опушка леса.

Две капли брызнули в стекло,
От лип душистым медом тянет,
И что-то к саду подошло,
По свежим листьям барабанит.

*

Учись у них — у дуба, у березы.
Кругом зима. Жестокая пора!
Напрасные на них застыли слезы
И треснула, сжимаяся, кора.

Все злей метель и с каждою минутой
Сердито рвет последние листы,
И за сердце хватает холод лютый;
Они стоят, молчат; молчи и ты!

Но верь весне. Ее промчится гений,
Опять теплом и жизнию дыша.
Для ясных дней, для новых откровений
Переболит скорбящая душа.

Ласточки

Природы праздный соглядатай,
Люблю, забывши все кругом,
Следить за ласточкой стрельчатой
Над вечереющим прудом.

Вот понеслась и зачертила —
И страшно, чтобы гладь стекла
Стихией чуждой не схватила
Молниевидного крыла.

И снова то же дерзновенье
И та же темная струя,—
Не таково ли вдохновенье
И человеческого Я?

Не так ли я, сосуд скудельный,
Дерзаю на запретный путь,
Стихии чуждой, запредельной,
Стремясь хоть каплю зачерпнуть?

Лес

Куда ни обращаю взор,
Кругом синеет мрачный бор
И день права свои утратил.
В глухой дали стучит топор,
Вблизи стучит вертлявый дятел.

У ног гниет столетний лом,
Гранит чернеет, и за пнем
Прижался заяц серебристый,
А на сосне, поросшей мхом,
Мелькает белки хвост пушистый.

И путь заглох и одичал,
Позеленелый мост упал
И лег, скосясь, во рву размытом,
И конь давно не выступал
По нем подкованным копытом.

Юрий КРУТОГОРОВ

СВЕТ И ТЕПЛО ТВОЕГО ДОМА

Городу, в котором мы живем, многое нужно. Ему нужны широкие улицы — недаром их называют артериями города.

Ему нужны парки, скверы, сады — их называют легкими города.

Электростанцию я бы назвал сердцем города. А разве не так?

Представь на минутку, что в городе исчезло электричество. Не на час, не на два, а насовсем. Вот светопреставление начнется! Смолкнут на фабриках и заводах станки. Споткнутся трамваи и троллейбусы — без тока они шагу не сделают. В дома перестанет идти вода — насосы не смогут ее качать. Потухнут в квартирах лампочки.

Возможно, какой-нибудь невеликий охотник учить уроки сразу же воспользуется столь уважительной причиной и назавтра заявит, что не выполнил домашнее задание, так как не было света. Но и ему придется горя хлебнуть. Электростанция не доставит в батареи тепло, в классе у тебя зуб на зуб не попадет, и с занятий отпустят. Кинется лодырь первым делом в буфет и останется с носом. Ни сладких булочек, ни бутербродов с колбасой. Хлебозавод остановился. Мясокомбинат не работает. В кино! Но не тут-то было. Света нет: кинотеатр закрыт. Телевизор? Молчит и не показывает. И вечером на каток не помчишься: ни зги не видно. Словом, хоть табличку вывешивай: «Город закрыт: нет электричества».

Нет, даже самый распоследний лентяй не пожелает такой жизни и как миленький засядет за физику, чтобы немедленно изобрести электричество. А уж если ему выпадет счастье отыскать в бутылке старика Хоттабыча, то уж сразу закричит:

— Говори скорее свое «трахти-бидохти», пусть заработает городская электростанция!

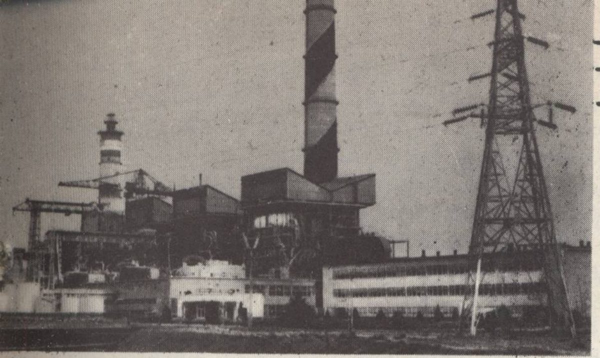
Шутка. Но не такая уж фантастическая. Ведь жителям средневекового города даже и в голову не могло прийти, что одним движением пальца можно осветить комнату. Да что комнату! Квартал, десятки улиц и площадей.

«БЛЕСТЯЩЕЕ» ЦАРСТВОВАНИЕ ЛЮДОВИКА XIV

В те времена свечи и то считались роскошью. Ими могли пользоваться только лица высокого происхождения. Залы в дворцах сумрачно освещались факелами. Слуги в руках их держали. Правда, французский король Франциск I счел такой способ слишком неудобным. Надо с министром уединиться, по секрету потолковать, а тут живой держатель огня. Чего доброго, еще выведает государственную тайну. И король заказал знаменитому скульптору Бенвенуто Челлини двенадцать серебряных статуй в человеческий рост... Вместе с факелами в металлических ладонях они были расставлены по замку.

Ну, в залах еще туда-сюда. Кое-как перебивались. А на улицах по ночам царила тьма-тьмущая. Опасались по вечерам в гости ходить. Ограбят! Богатые люди брали с собой прислужников, и те смоляными паклями, вдетыми в палку, освещали до-

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА и Г. МЕТЧЕНКО.

рогу. Но слуги имелись не у каждого. И вот аббат Лодати де-Карафф смекнул: нужен цех факельщиков. Ведь есть же цех сапожников, брадобреев, трубочистов. И король милостиво согласился: быть посему. Теперь за умеренную плату такого факельщика можно было заказать, как сейчас заказывают на дом такси.

— Осторожнее, сударь, тут колдобина. Глядите под ноги, помойная яма. — Очень вежливыми были факельщики.

А спустя пять лет, в 1667 году, на улицах Парижа были установлены фонари на столбах. И Лодати де-Карафф стал одновременно главным фонарщиком Парижа.

Жители столицы Франции очень радовались нововведению. Людовик XIV приказал выбить медаль. В честь фонаря. И потому царствование его назвали б л е с т я щ и м.

ПУТЕШЕСТВИЕ В СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД

Так старинный город освещался. А обогревался он разными хитрыми печами. Были камины, например. Дым по длинным и причудливым «коленцам» трубы, упрятанной в каменную кладку, нагревал стену комнаты или зала. Ну, и так руки над огнем можно было погреть. А еще в некоторых домах имелись «камерные печи». Из подвала в такую печь по особому каналу втягивался воздух. В топке он подогревался, а оттуда — в спальную или гостиную. «Пых, пых, пых» — печка дышала. Но вьюшек тогда еще не придумали, и сносная температура держалась в помещении самую малость. Пройдет часок-другой, и опять зябко. Б-р-р-р! Тащи дровишки, раздувай огонь. Да и еще не забывай почаще вызывать трубочистов.

В этот цех принимали людей не робкого десятка, не таких, которые, взобравшись на шпиль, заорут благим матом: «Ой, мамочка, боюсь!» Я сам побывал недавно в таком цехе и бродил с трубочистами по средневековому городу. Не во сне, а наяву.

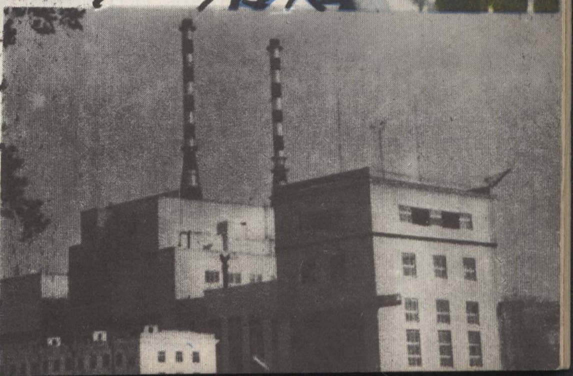
В середине столицы Эстонии Таллина сохранился настоящий старинный город — Тоомпеа. Тут узкие улочки, круто взбирающиеся вверх. У домов островерхие черепичные крыши. Крошечные дворики, где «Волге» не развернуться. По Тоомпеа меня водили чумазые трубочисты Эльмар Бексимяги и его ученик, тоже член цеха Лео Калмэ. Солнце поблескивало на медных бляхах их курток, на плошках, поварешках, заткнутых за кожаные пояса. Оба они были в черных шапочках, надвинутых на самые брови. Эльмар за свою жизнь облазил крыши старого города не меньше двадцати раз. Он каждую печку здесь наизусть знает. А Лео только учится. Надо четыре года ходить в учениках, прежде чем присвоят звание трубочиста-мастера.

В Таллине есть примета: встретить трубочиста и дотронуться до его пугови-

цы — это к счастью. Я тоже дотронулся до пуговицы Эльмара.

ЛОДАТИ ДЕ-КАРАФФ В «МОСГОРСВЕТЕ»

Я подумал: а любопытно было бы привести главного парижского фонарщика на наши сегодняшние улицы! Вот удивится! И я бы обязательно познакомил его с главным осветителем Москвы, старшим диспетчером треста «Мосгорсвет» Иваном Семеновичем Демидовым, человеком, который уже тридцать лет занимается «фонарным» хозяйством столицы.

— Сударь, — скажет Лодати де-Карафф, — ваш город необыкновенно светел в вечерние часы. Сколько же для этого надо содержать факельщиков?

— Наверное, не менее десяти миллионов, дорогой коллега!

— Ох! Где же вы разместили такой цех?

И Демидов приведет главного парижского факельщика и фонарщика на московскую электростанцию № 23. В теплосиловой цех.

Они остановятся возле четырех огромных котлов — каждый с десятиэтажный дом.

— Что же там внутри, сударь? Почему они так гудят?

— Это, коллега, гудит топка. В ней бушует бешеный огонь. Температура — 1 700 градусов. Внутри котла проложено пятнадцать километров трубок. И по ним бежит вода. При такой жаре она мигом превращается в пар. Один котел вырабатывает в час полмиллиона литров пара.

— Бог мой, зачем его столько?

— Как зачем? Господин Лодати де-Карафф, пар — отличный работник. В соседнем цехе стоят турбины. Вот пар и поступает в них. Он сильный, он может горы сдвинуть. Но не беспокойтесь: сейчас ему горы не надо сдвигать. Пар вращает лопасти турбины, и те крутятся со скоростью три тысячи оборотов в минуту. Это движение через особый вал передается генератору.

— Гене-ра-тор... Сударь, что обозначает сие странное слово?

— Ах да, это такое устройство, которое энергию пара превращает в электрический ток. Три турбины могут дать столько электричества, что его хватит на освещение всей Москвы. Видите, уважаемый коллега, какой в нашем городе «цех факельщиков и фонарщиков»!

Бедный Лодати де-Карафф! Где ему понять все с первого раза? Объясни ему, современнику д'Артаньяна, про электрическую энергию, если первая паровая мельница будет построена в Лондоне лишь через сто лет после создания цеха факельщиков и фонарщиков!

А автоматический пульт управления на электростанции, заменяющий труд сотен людей, — как об этом расскажешь Лодати де-Караффу? Здесь один человек справляется с управлением всех котлов и турбин.

На узком, длинном столе — множество эбонитовых переключателей. Легкий поворот ключа — и в котел сразу же начнет поступать нужное количество воды. Нажмешь кнопку, и специальный термометр передаст на светящийся экран цифру: вода в котле нагрелась до 570 градусов. Дотронешься до небольшого клапана, и шипящий пар на «всех парах» понесется по трубам.

Эти же автоматы посылают в город по линии высоковольтных передач электроэнергию. И теперь она поступает в распоряжение Центрального диспетчерского пункта, хозяином которого является Иван Семенович Демидов. Здесь, в диспетчерской, Лодати де-Карафф тоже увидит много необычайных вещей.

Скоро вечер. Темнеет в городе.

— Сидите тихо, коллега, — скажет Иван Семенович. — Самое время подоспело для работы.

«БИП-ПОРА, БИП-ВКЛЮЧАТЬ, БИП-ФОНАРИ»

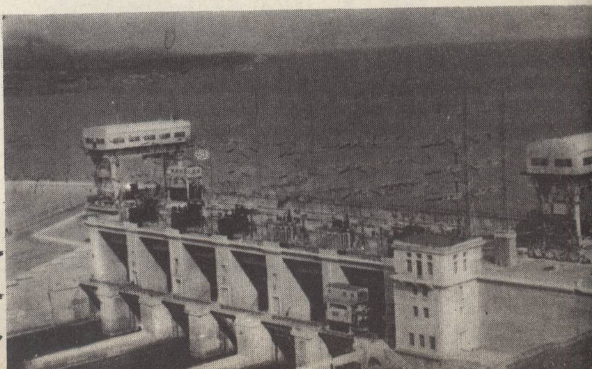
Внимание, внимание! Перед пультом управления зажигается зеленая лампочка. Ровно через шестнадцать минут на улицах и площадях столицы следует включить свет.

Через пятнадцать минут в Центральной диспетчерской вспыхивает белая лампочка. И слышен звук, очень похожий на сигналы, которые передает из космоса искусственный спутник Земли: «Бип, бип, бип, бип, бип...»

Ясно. Сигнал принят. Готовность — одна минута. За это время я успею рассказать, откуда прилетели эти «бип, бип, бип».

Освещенность города определяется единицей по имени люкс. И вот на крыше одного высокого московского здания установлен прибор, который, как фотоаппарат, снимает... сумерки. Это фотоэлемент. Как только стемнеет, то есть луч света станет менее пяти люксов, лампочка в приборе начинает тревожно мигать. И посылает электрическую телеграмму в Центральный диспетчерский пункт: «Бип-пора, бип-включать, бип-московские, бип-фонари...»

А Иван Семенович уже ждет. Готовы и двенадцать его помощников, которые сидят за пультами в разных концах Москвы.

Демидов берет в руки микрофон:

— Товарищи диспетчеры! Московское время — 20 часов 50 минут. РАЗРЕШАЮ ВКЛЮЧИТЬ ОСВЕЩЕНИЕ ГОРОДА!

Диспетчеры трогают свои «золотые ключики», и все фонари города зажигаются одновременно.

Такую команду главный осветитель столицы Демидов отдал 18 августа, когда дни стояли длинные. А в начале января Иван Семенович, как и обычно в январе, разрешит включить свет примерно в 16 часов 25 минут или в 16 часов 30 минут. Какая погода будет на дворе.

Оглядев вечернюю Москву с Останкинской башни, Лодати де-Карафф воскликнул бы:

— Клянусь шпагой, я не видел ничего подобного! Мой государь, Людовик XIV, прозванный королем-Солнце, не поверил бы своим глазам. Кажется, сами небесные светила упали на землю. Вон в парке я вижу созвездие Льва. А рядом — созвездие Скорпиона...

— Да нет же! — скажет Демидов. — Это зажглись все сто сорок тысяч уличных фонарей и сотни тысяч московских квартир...

Им бы нашлось, о чем поговорить в этот славный вечер, старому французскому фонарщику и главному осветителю Москвы. Но пришла пора распрощаться с ними. А мне надо рассказать о том, как современный город отапливается. И потому давай вернемся опять на московскую электростанцию № 23. Отсюда в город идет не только свет, но и тепло.

РЕКА — КОЛЬЦО, А У КОЛЬЦА...

Пар, поступивший из громадного десятиэтажного котла в турбину, хорошо справился со своей работой. Это ты уже знаешь. Ну, а куда теперь? Ведь он вон какой раскаленный! Так нельзя ли этот пар использовать?

Отработанный пар поступает в специальные установки — бойлеры. Бойлер — такой котел. Котел-кипятильник. Вроде самовара. И там по трубам, как и в десятиэтажном котле, бежит холодная вода. Вот внутрь бойлера и заталкивается пар. Столько, сколько надо, чтобы вода подогревалась. Даже жарче, чем в кипящем самоваре. До ста тридцати градусов! Происходит это быстро. Готов кипяток! Насосы посылают горячую воду в подземные трубы. Они очень широкие. Мне сказали, что по такой трубе я свободно могу прошагать в полный рост. А мой рост как-никак сто восемьдесят сантиметров.

И вот по этим вместительным трубам кипяток мчится так быстро, что не угонишься со скоростью экспресса. Но пока еще не в радиаторы или в ванные. Хитрость вся в том, что вода от электростанции к нам в дома не попадает. Она совершает лишь путь по кольцу протяженностью в двадцать пять километров. И возвращается обратно, к своему источнику.

Какой же толк в замкнутом кольце? А вот какой.

На пути кипящей речки поставлено много других бойлеров. Бойлер квартала. Бойлер улицы. Бойлер проспекта. И внутри каждого из них тоже вода течет. Кипящая речка от электростанции отдает каждому такому «котелку» свои градусы. Будто по почте разносит жар отработанного пара. И вода в уличных или квартальных бойлерах становится горячей. Насосы подбрасывают ее на любой этаж. На пятый. На десятый. На какой угодно. В радиаторы, души, в краны.

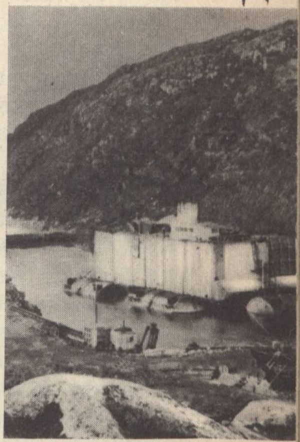
ЗВОНКОЕ СЛОВО «ЭНЕРГО»

Я поинтересовался: сколько же Москве нужно горячей воды? Как сделать, чтобы самая ворчливая старушка не заохала в студеную погоду: «Ох, кости ломит от холода!»?

Много требуется горячей воды, много тепла.

— Попробуйте-ка сами решить, — сказали мне в Мосэнерго. И задали такую задачку из учебника: «Наружный объем школы — 10 тысяч кубометров. Толщина стен — 0,25 метра. А на улице 25 градусов мороза. Весь январь такой. Определите годовой расход горячей воды и вычислите количество часов, когда радиаторы обогревают школу до температуры не меньше плюс 20 градусов».

Бился я, бился — ничего у меня не вышло.

Специалисты же разгрызли задачку, как орешек. Решили по формуле. И я узнал: в школу надо подавать горячую воду в течение двух тысяч пятисот сорока часов. В год.

Но это «решение» по одному заданию. А в Москве горячая вода идет почти в сорок тысяч домов. И инженерам надо все время решать сотни всяких головоломных задач. Им помогают электронно-вычислительные машины. Они помнят наизусть десятки формул. И вот какой ответ получился: по двум тысячам километров теплофикационных труб в Москве каждый час перегоняется шестнадцать миллионов ведер кипятка. В час. А теперь умножь на двадцать четыре. Целое море! Летом, правда, чуть поменьше, а зимой столько.

Если у тебя есть бабушка, расскажи ей об этом. Всем горожанам надо знать, как о них заботится учреждение, название которого кончается шестью буквами: «...энерго». В Москве это Мосэнерго, в Ленинграде — Ленэнерго, на Сахалине — Сахэнерго... Там трудятся люди, которые день и ночь хлопочут, чтобы всем нам жилось в городах и поселках удобно, светло и тепло. Поэтому скажем спасибо сегодняшним фонарщикам, осветителям, трубочистам, истопникам — работникам огромного цеха с хорошим и звонким именем «Энерго». И будем беречь результат их общего труда — свет и тепло нашего дома.

Как беречь, об этом тебе говорить не надо, ты и сам догадаешься, если подумаешь...

Марк ВЕЙЦМАН

ДО ВСТРЕЧИ!

Я снова слышу четкий марш
и горна голос звонкий.
Я снова вижу лагерь наш
и флаг на мачте тонкой.

Костер, пылавший горячо,
и мяч, звеневший туго.
И мы стоим — к плечу плечо,
и рядом — локоть друга...

А вьюги зимние метут,
сугробы — как хоромы,
и замерзают на лету
тяжелые вороны.

Прижмусь к подушке я щекой,
забуду неполадки —
и снова встанут над рекой
веселые палатки.

Я буду думать в тишине,
что зимними ночами
мои товарищи по мне,
как я по ним, скучают.

Скорей бы снова в тесный строй
нам встать, расправив плечи!
Я повторяю как пароль:
— Друзья, до скорой встречи!

ДЕВОЧКА

За огромный штабель дров
уведя его,
били, били, били в кровь
трое — одного.

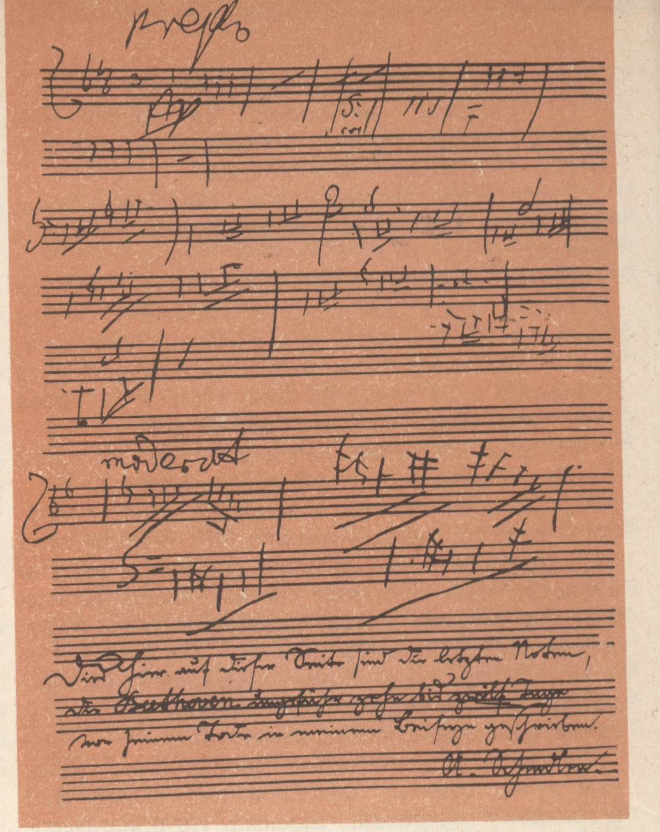
Он терял остатки сил,
а его друзья
говорили тем, кто бил,
что, мол, так нельзя.

Только девочка одна
подошла к троим,
прошептала: — И меня
бейте вместе с ним.

Закричала, вся в слезах:
— Трусы! Дураки!
И тогда его друзья
сжали кулаки.

Врассыпную, за ремни
ранцы волоча,
словно зайцы, драчуны
дали стрекача.

Стало тихо. На бревне
искрилась смола.
Где же девочка? А нет,
нет ее. Ушла.

Бетховен *только один*

В этом году ты особенно часто слышишь по радио и телевизору это имя — Людвиг ван Бетховен, и вслед за тем ты слышишь музыку, которая вот уже больше двухсот лет потрясает людей всего земного шара. Не сопротивляйся ей, не говори себе: «Я не понимаю музыки»,— не прячься за уроки и дела — прислушайся, и она настигнет и захватит тебя, неминуемая, как гроза.

«Аппассионата», «Лунная», «Героическая», «Девятая симфония» — музыка, кажется, живет даже в названиях его произведений. И песня «Сурок», такая незамысловатая, рожденная как бы на наших глазах скрипучей шарманкой на пыльной дороге: «По разным странам я бродил, и мой сурок со мною»... Это тоже Бетховен.

У нас в журнале нет звучащих страниц, а пересказывать музыку словами — дело безнадежное, но Бетховен для каждого больше, чем великий композитор. Французский писатель Ромен Роллан сказал о нем: «Он самый большой, самый лучший друг всех, кто страдает и кто борется».

Роллану можно верить: он не только как музыковед изучал произведения Бетховена, в отчаянную минуту жизни он искал у Бетховена помощи и защиты, он почти был им, жил «его скорбью и его мужеством», когда писал свой роман о композиторе Жане Кристофе. Поэтому и дальше мы часто будем говорить о Бетховене словами Роллана.

Людвиг ван Бетховен родился в декабре 1770 года в маленьком городке Бонне, заросшем дикими каштанами и кустами боярышника. Центром жизни Бонна был дворец курфюрста. А Бетховен родился в домике возле рынка, в комнате, освещенной небольшим слуховым окном, правильнее бы назвать эту каморку чердаком.

Нам сейчас трудно представить, сколько людей работали на курфюрста,— весь город с пригородами в придачу. При дворе были капелла и театр. И прадед, и дед, и отец Бетховена были придворными музыкантами. Четырехлетнего Людвига мы тоже видим стоящим на скамеечке перед клавесином за бесконечными и ненавистными упражнениями.

Куда больше нравится ему лежать на подоконнике и следить за мощным течением Рейна. Река движется, связанная с жизнью города и независимая. Она вбирает в себя облака, деревья, полуразрушенные башни замков, свет и тень, парусники, песни лодочников — и остается собой. С ней связано столько мифов и легенд: здесь Зигфрид убил дракона и нашел себе убежище Роланд, по берегам Рейна витает Дух скал и живут Девы болот. Здесь Лорелея распускает свои золотые волосы. Рейн был музыкой, и он мог бы узнать себя, расслышать свой голос в произведениях Бетховена.

Надо сказать, что упражнения недолго казались ненавистными, стоило только появиться хорошему учителю, а Христиан Готлиб Нефе был хорошим органистом и учителем. Бетховену исполнилось двенадцать лет, когда он стал помощником органиста «без оклада» в придворной капелле.

Очень рано он осознал свое призвание и рано стал профессиональным музыкантом. К тринадцати годам Бетховен в совершенстве играл на скрипке, альте, фортепьяно, органе и флейте, вместе с Нефе они изучают и разбирают произведения великих композиторов. Но больше всего Бетховен любит импровизировать: он импровизирует, играя в церкви на органе и у друзей, причем темой для импровизации часто служит изображение характера какого-нибудь знакомого. В Бонне ценят его талант.

Но в праздничные дни ему надлежит являться во дворец в пудреном парике с косичкой, напяливать дурацкий зеленый фрак и жилет. Наряд довершают складной цилиндр — «шапокляк» и шпага. Должно быть, наряд тяготил его. А появится какое-нибудь желание — скажем, Бетховен мечтает поехать в Вену и учиться у Гайдна, Моцарта,— нужно подавать прошение на имя курфюрста: «Милостивому Величеству, Высокодостойному Архиепископу и Курфюрсту Всемилостивейшему Владыке и Господину...»

Можно представить, как тяжко было Бетховену, бунтарю по природе, выводить эти строки. Ведь именно достоинство поражало в нем современников. Мы читаем в воспоминаниях: «Никакой король, никакой император не обладал таким сознанием своей силы». Независимость его порой удивляла окружающих. Поэтому и дошла до нас история с князем Лихновским.

Бетховен, тогда уже известный композитор, гостил в замке князя. Пользуясь этим и напоминая о своем покровительстве, князь попросил Бетховена сыграть что-либо его гостям. Бетховен отказался. Когда князь попытался взломать дверь комнаты, в которой жил Бетховен, композитор бросился на него со стулом. Ночью под проливным дождем он ушел из замка. А из Вены написал Лихновскому письмо: «Князь, тем, что вы являетесь, вы обязаны случайности рождения, тем, что я являюсь, я обязан самому себе. Князей существует и будет существовать тысячи, Бетховен же — лишь один».

Бетховен навсегда поселился в Вене, в городе, где даже уличные музыканты исполняли произведения Моцарта и Гайдна. Учителями его были Гайдн и Сальери.

Он талантлив, он много работает, верит в себя: «Двадцать пять лет — вот они и пришли! Мне двадцать пять лет... В этот самый год мне как человеку должно подняться во весь рост»,— записывает он в книжечке в 1796 году. И в этот самый год его подстерегает несчастье.

«Мой друг, мой сердечный друг Аменда!..— читаем мы в письме.— Как часто я жаждал видеть тебя здесь, около себя! Бетховен твой глубоко несчастен. Узнай, что благороднейшая часть меня, мой слух очень ослаб. Еще в то время, когда мы с тобой были вместе, я чувствовал симптомы болезни, и я скрывал их, но с тех пор мне становилось все хуже и хуже. Выздоровлю ли я? Конечно, я надеюсь, но надежда слабая: такие заболевания редко поддаются излечению... Жалкая участь — сносить покорно свои несчастья и в этом видеть единственное прибежище. Конечно, я твердо решил быть сильнее своих страданий, но удастся ли мне это?»

На рисунке вы видите маленький австрийский городок Гейлигенштадт, живописный, но, в общем, обычный городок с церковью посреди площади, виноградниками на холмах и множеством трактиров. Здесь Бетховен впервые увидел, что глухота его заметна другим, здесь он отчаялся выздороветь. Мы с вами только приблизительно можем представить, что такое слух для музыканта, для композитора. Сейчас многие врачи пришли к выводу, что слух Бетховена потому и ослаб, что он слишком напряженно, слишком остро вслушивался в окружающий мир. И вдруг мир замолчал. Здесь, в маленьком городке Гейлигенштадте, в крестьянском доме, примыкающем к трактиру «У ореховой горы», Бетховен думал о смерти и написал завещание, которое теперь называют «Гейлигенштадтское завещание».

Читая его, мы видим, с каким величественным достоинством принял он свою судьбу: «Меня удержало только одно — искусство. Ах, мне ка-

залось немыслимым покинуть свет раньше, чем я исполню все, к чему я чувствовал себя призванным».

По этим тихим улочкам он метался не только в тоске — он ни на минуту не переставал работать. А работать Бетховен любил на ходу. Он вставал на рассвете, записывал сделанное накануне, а после обеда ходил несколько часов без шапки, под солнцем и дождем. Вот почему в книгах о Бетховене ты обязательно увидишь и рисунок Рейна и Гейлигенштадт — они помогали работать композитору, давали ему короткое чувство успокоения, они становились его музыкой. «Я могу полюбить какое-нибудь дерево больше, чем человека...» — признавался он.

Впереди его ждала полная глухота. Он теперь не слышал и собеседника и всегда носил с собой карандаши и тетради, которые называл «разговорными».

Он не сдавался — и терпел поражение. Известен трагический рассказ о том, как Бетховен сам захотел дирижировать на генеральной репетиции своей оперы «Фиделио»:

«Начиная с дуэта в первом акте, стало ясно, что он ровно ничего не слышит из того, что происходит на сцене. Он заметно замедлял ритм, и в то время, как оркестр следовал за его палочкой, певцы, не обращая на это внимания, уходили вперед. Произошло замешательство... Было совершенно очевидно, что продолжать под управлением Бетховена невозможно, но как дать ему это понять? Ни у кого не хватало духу сказать ему: «Уйди, бедный калека, ты не можешь дирижировать».

Он не сдавался — и одерживал победы.

7 мая 1824 года — один из самых значительных дней в жизни композитора (а может быть, еще более значительный — в нашей с вами жизни: ведь в этот день мы получили Девятую симфонию): он дирижирует Симфонией с хорами, или Девятой симфонией, которую венчает «Ода к Радости» на слова поэта Шиллера. Это был замысел всей жизни: Бетховен задумал воспеть радость еще юношей в Бонне, гимн к Радости появляется в опере «Фиделио», но только в Девятой симфонии, написанной тяжелобольным человеком, он звучит в полный голос.

Ромен Роллан писал об этой симфонии: «Это победа, это война страданию. А вот и походный марш, движутся полки — звучит пламенный, прерывающийся от волнения голос тенора, все эти трепетные страницы, с которых как будто доносится дыхание самого Бетховена, и вы слышите ритм его дыхания и его вдохновенных призывов, когда он носился по полям, сочиняя свою симфонию, охваченный демоническим исступлением, словно престарелый король Лир во время бури».

Аплодисментов он не слышал. По словам Роллана, «он остался такой же нищий, больной, одинокий, но победитель — победитель человеческой посредственности, победитель собственной судьбы, победитель своего страдания».

В 64-й разговорной тетради сохранилась запись, сделанная перед концертом друзьями Бетховена: «Мы все уносим с собой. Мы берем также ваш зеленый фрак, который вы наденете в театре, чтобы дирижировать в нем. В театре темно: никто не увидит, что у вас зеленый фрак. О великий композитор, у тебя нет даже черного фрака!»

У него не было черного фрака, порой ему приходилось отказываться от прогулок, потому что не было сапог. Вы видите его комнату, где книги и ноты навалены на полу, на рояле, а на черновиках новой симфонии могла стоять тарелка с завтраком. Когда десятилетний Карл Черни, ученик Бетховена, увидел его впервые—небритого, взлохмаченного, в куртке и панталонах из козьей шерсти, в комнате, похожей на пещеру, мальчик решил, что перед ним Робинзон Крузо.

Мы же до сих пор безмерно удивляемся тому, что он не стал Робинзоном; отторгнутый от людей и живой жизни глухотой, не превратил свою жизнь в необитаемый остров. К «Бетховенским дням» в издательстве «Музыка» впервые выходит двухтомное собрание писем Бетховена. Читая их, видишь, какая у него была потребность общаться с самыми разными людьми. Пусть он всего лишь «infelice» (несчастливец, горемыка), как он сказал Россини, пришедшему выразить свой восторг,— он всегда находит в себе силы любить. А какое великое множество тем затронуто в «разговорных тетрадях»: музыка, философия, литература, политика. Причем Бетховена неизменно просят говорить тише, так резко высказывается он о полицейском режиме Австрии. Трудно поверить, что этот человек бегал в школу только до десяти лет.

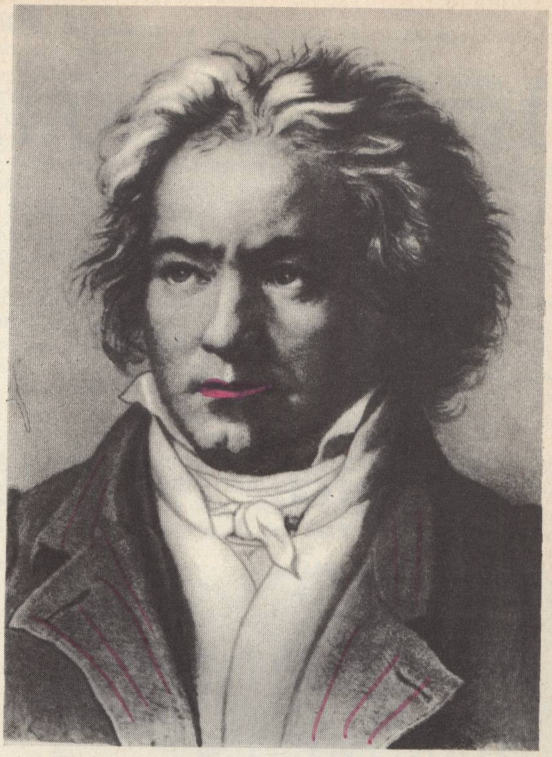
Умер Бетховен в комнате, которую вы видите на рисунке, в доме, который носил название «черного испанца». Умер во время грозы.

Посмотрите на его портрет. Портрет написан художником Клебером в 1818 году. Перед нами человек, все силы которого напряжены для борь-

Таким был Рейн во времена Бетховена. А вдали видны крыши и башни Бонна.

бы. «Лоб мощный, шишковатый. Волосы, необычайно густые и черные, казалось, не знали гребня: они торчали во все стороны — «змеи Медузы». Глаза его пылали изумительной, поражавшей всех силою. Однако многие заблуждались относительно цвета его глаз. Они сверкали таким неистовым блеском на его смуглом трагическом лице, что обычно казались черными, на самом же деле были не черные, а серо-голубые. Маленькие, глубоко посаженные, они под влиянием гнева или страсти внезапно широко раскрывались и метали во все стороны быстрые взгляды, в которых с чудесной полнотой и правдивостью отражалась мысль. Часто они скорбно устремлялись к небу. Нос у него был короткий, обрубленный, широкий — отсюда это сходство с обликом льва... Мощные челюсти, которые могли бы дробить грецкие орехи... «У него была добрая улыбка, — вспоминает Мошелес, — и когда он разговаривал с кем-нибудь, на лице его появлялось приветливое, располагающее выраже-

Уютным был городок Гейлигенштадт. Представьте еще скрип телег и звуки пастушеской свирели.

ние. Смех, наоборот, был у него неприятный, резкий, вымученный и притом отрывистый — смех человека, не привыкшего радоваться» (Ромен Роллан).

Запомните его таким: это человек, призванный искусством.

И еще одна небольшая история, в которой заключена частица характера Бетховена. Когда Игнац Мошелес, известный пианист и педагог, был еще учеником Бетховена, он делал фортепианное переложение оперы «Фиделио» и, закончив работу, как всякий ученик, вздохнул с облегчением: «Кончено, с божьей помощью». Под этими строчками Бетховен написал: «О человек, помоги себе сам!»

И. АНДРЕЕВА

Портрет Бетховена работы А. Клебера. Рабочая комната композитора в «доме черного испанца».

А. ШАРОВ

Кукушонок, принц с нашего двора

СКАЗКА
Окончание

Рисунки И. ГАЛАНИНА.

Сашка и Заяц знакомятся с Рыцарем

Вышли друзья из лесу, видят: в поле две дороги. Одна дорога торная, и на краю столб со стрелкой: «В Золотое царство». А вторая дорога, рядом, вся в белом чистом снегу. Ни одного следа: ни лошадиного, ни человеческого, ни волчьего, ни заячьего. Стрелка на столбе в обратную сторону указывает: «Дорога из Золотого царства».

Заяц посмотрел и пригорюнился:

— Чего приуныл? — спрашивает Сашка.

— Как же не горевать?—отвечает Заяц.— Сколько рыцарей, и конных и пеших, проехало и прошло в Золотое царство, а на той дороге, которая ведет обратно,— ни следочка.

Сашка пожал плечами, улыбнулся.

— Значит, хорошо в этом царстве, недаром оно Золотым называется — рыцари и остаются там, которые любят золото. А мы нагребем мешок веснушек и — обратно.

— Здорово бы,— вздохнул Заяц.— А если голову потеряем?

Только он это сказал, на дороге показался Рыцарь: огромный, в железной кольчуге и в железных латах, на саврасом коне. Заяц выбежал навстречу, поклонился и вежливо спросил:

— Удостойте ответом, высокородный господин Рыцарь, не знаю, как вас звать-величать: куда путь держите и по какой надобности?

— Зови нас просто: Герцог Непобедимый, Граф Неустрашимый, Барон Всезнайский,— ответил Рыцарь таким громким голосом, что деревья близ дороги согнулись до земли.— А едем мы в Золотое царство по той причине, что в собственном нашем герцогстве даже мыши с голоду подохли, не считая подданных; так что пришла пора золотишком раздобыться. Вот и надумали мы податься в это самое Золотое царство и либо к тамошней царевне посвататься, будь она неладна, либо на службу поступить к Царю Колдуну, мечом позабавиться. Понял заячьим своим умишком?

— Понять-то понял, но только слух идет: в Золотом царстве прежде чем не то чтобы золото добыть, а самую обыкновенную морковку, надо на неизвестно какой вопрос неизвестно как ответить. Кто ответит, Царь Колдун три его желания выполнит. А кто не сумеет — голову с плеч. И еще слух идет, будто уже тысячу лет сколько рыцарей ни приезжало в это царство, ни один не сумел на неизвестный вопрос правильно ответить.

— Ха-ха-ха! — захохотал Рыцарь.— Это все были не высокородные Рыцари, а рыцаришки. И сообрази ты заячьим умишком, какой вопрос надо выдумать, чтобы в моей башке, где можно сварить сорок бочек самого крепкого пива, да еще сорок бочек самого крепкого меда, да еще быка, не сварился бы наилучший ответ.

Сказав это, Рыцарь пришпорил костлявого коня ржавыми шпорами и затрусил в Золотое царство.

А Сашка взял Зайца за лапу и побежал следом.

Дорога поднималась в гору. Как только Рыцарь, Сашка и Заяц добрались до вершины, перед ними открылась такая чудесная картина, что Сашка тихонько ахнул.

Внизу, в ложбине, под ясным синим небом высились золотые ворота. От них, сколько хватало глаз, тянулась золотая ограда, а за оградой сверкал золотой дворец.

— А ты, глупый, боялся! — сказал Сашка Зайцу и побежал вслед за Рыцарем, который при виде Золотого царства стегнул нагайкой коня.

Сашка с Зайцем бежали за Рыцарем не отставая, так что видели впереди только длинный седой хвост саврасого коня. А у самых золотых ворот конь испугался чего-то, шарахнулся в сторону, и Сашка во второй раз увидел Золотое царство, издали так ему приглянувшееся.

Да, было чего испугаться; и не только коню, но и самому бесстрашному человеку.

Ограда состояла из тесного ряда высоких золотых пик, переплетенных золотыми змеями. На острие каждой пики торчала отрубленная голова. На дворе, вымощенном золотыми плитами, понурившись, стояло бессчетное множество коней, на которых неподвижно сидели рыцари в богатом боевом убранстве, в кольчугах и латах, но без голов. Между безголовыми всадниками бродили воины богатырского роста с золотыми топорами, заткнутыми за красные кушаки.

— Бежим скорее! — не своим голосом крикнул Заяц.

— Поедем-ка и мы подобру-поздорову в свое Великое Герцогство; авось мышки оставили что-нибудь нам с Саврасым на обед,— сказал Рыцарь и дернул повод.

Но поздно. С грохотом распахнулись ворота. Два воина стащили Рыцаря с коня, схватили за руки и повели ко дворцу.

— А ты, Косой, тоже на золотишко позарился?! — закричал третий воин и сгреб Зайца за уши.— Чего хотел, то и получишь. Зажарит тебя повар на сковородке и подаст Их Колдунскому Величеству на золотом блюде; кстати, и время обеденное.

Видит Сашка: конец Зайцу. Подбежал к воину и крикнул:

— Отпусти сейчас же верного моего друга!

Воин оторопел и разжал руку.

— Беги в лес! — шепнул Сашка.

— Ты меня не выдал в беде, и я тебя не оставлю! — ответил Заяц.

Воин опомнился, поглядел на то место, откуда слышался человеческий голос, и заорал:

— Кто ты такой, чтобы приказывать, да еще тут, во владениях Их Колдунского Величества?!

— Я принц Звездочка по имени Сашка и по прозвищу Кукушонок! — смело ответил Сашка.

— Столько имен, а не видно,— сказал воин.— Ты что маленький такой, что не видать?

— Я не маленький, я уже в пятом классе. А не видно меня потому, что я невидимка.

Подумал воин, почесал голову и сказал:

— Ну, ладно, пусть Их Колдунское Величество сами разбираются, что с тобой делать.

Подбежали еще два воина, нащупали Сашку и повели ко дворцу.

Воины усадили Сашку с Зайцем на скамью перед золотой дверью дворца и остались рядом сторожить.

Сидит Сашка и думает: «Сейчас будет вроде контрольной — может, выдержу, а может, завалю...» Вспомнилось ему, что Мария Петровна всегда перед контрольными говорила: «Главное, дети, это собранность, собранность и еще раз собранность». Сашка подумал: «Если человек видимый, сразу знаешь, собранный он или нет. Ноги внизу, голова сверху, уши по бокам, глаза не на затылке — значит, в порядке, собранный. А когда человек, как я, невидимый, поди разберись...»

Тем временем открылась золотая дверь и два воина провели мимо Сашки Рыцаря в ржавых доспехах. Рыцарь шел, низко опустив голову.

Дверь захлопнулась и сразу снова распахнулась, теперь уже для Сашки.

Царь Колдун и колдунская дочка

Сквозь широкие окна дворца лил яркий свет, и Сашка сразу увидел Царя Колдуна. Тот сидел на золотом троне, стоящем на помосте, покрытом коврами. Туловище и шея у него были такие длинные, что голова находилась где-то под самым куполом.

От подножия трона к голове Царя Колдуна поднимались две узенькие лестницы с перильцами. У одной сидел худой карлик в белом халате и белом колпаке, с красным носом, свисающим до подбородка, а у другой лестницы — толстый карлик в парчовом халате.

В левом окне тучей кружила стая черных птиц с голыми шеями, похожих на коршунов и все время каркающих противными вороньими голосами: «Карр-карр-карр!»

А в правом окне светило солнце, и в синем небе бесшумно летали белые птицы — лебеди-трубачи и чайки. Выше всех парила маленькая птица с синими крыльями, похожая на зимородка. Она широко открывала клюв, и, хотя Сашка ничего не мог расслышать, ему казалось, будто птица повторяет те же самые слова: «Счастье найдет!»

Рядом с правым окном стоял еще один помост, закрытый голубым занавесом, по которому были вышиты одуванчики и ромашки.

— Эй, ты! — зычным грубым голосом крикнул Царь Колдун.— Эй, лейб-медик, тощий дармоед, живо поднимайся к Нашему Колдунскому Величеству, а то пыль насела на царственные очи, и мы не видим нового рыцаря.

Карлик в белом халате ловко, как обезьяна, вскарабкался по лестнице, и из-под купола послышался его тоненький голос:

— Разрешите доложить Вашему Колдунскому Величеству, что сиятельнейшие ваши глаза не видят нового рыцаря, именующего себя Принцем Звездочкой, не из-за пыли, а оттого, что он невидимка.

— Эй ты, первый министр, начинай, если не хочешь, чтобы я отрубил и твою глупую башку,— снова раздался голос Царя Колдуна.

Карлик в парчовом халате подбежал к краю помоста и, развернув свиток пергамента, ровным голосом, каким на уроке диктуют условия задачи, прочитал:

«Слушай и внимай, Невидимка, именующий себя Принцем Звездочкой. Сейчас тебе будет задан Их Колдунским Величеством вопрос, и ты должен будешь ответить на него одним-единственным словом. Потому что молчание — золото, и если ты выговоришь два или три слова, то тем самым ограбишь Их Колдунское Величество, а такое преступление карается казнью.

И если слово, которое ты скажешь, будет ложью, ты будешь казнен, потому что ложь перед лицом Их Колдунского Величества карается смертью.

И если твое слово будет правдой, ты будешь казнен,

потому что правдой, как и золотом, во всем Золотом царстве может владеть и распоряжаться один только Царь Колдун.

Но если ты ответишь словом, которое не будет ни ложью, ни правдой или, родившись ложью, само собой станет правдой, то есть исполнишь то, что не удалось ни одному рыцарю, то твое слово будет помещено в Комнате Царских драгоценностей рядом с алмазом в тысячу каратов и Драконом с двадцатью головами, побежденным Царем Колдуном и хранящимся в банке со спиртом. А ты будешь отпущен подобру-поздорову, и Царь Колдун выполнит любые твои три желания!»

Карлик свернул пергамент. Едва он замолк, снова раздался грозный голос Царя Колдуна:

— Слушай вопрос и отвечай: какая она, Нашего Колдунского Величества, колдунская дочка, которую — так и быть, открою тебе великую тайну,— во всем нашем Золотом царстве зовут Уродина? Отвечай, Рыцарь Невидимка, раз уж тебе надоела собственная голова.

Едва Царь Колдун вымолвил это, сам собой раздернулся голубой занавес, и Сашка увидел трон поменьше царского и на нем колдунскую дочку.

Не правда и не ложь, так что ж?

Ах, Сашка был веснушчатым и зимой и летом, очень веснушчатым,— недаром принцесса Таня прозвала его

Кукушонок, но у колдунской дочки веснушек было в сто раз больше, всяких: светлых и почти черных, крошечных, как крупинки пшена, и больших, как медные монеты.

Она была ужасно веснушчатая. И едва Сашка увидел ее, он пожалел девочку так сильно, что забыл о грозном Царе Колдуне и вообще обо всем, и сказал тихо, только ей, первое слово, пришедшее на ум:

— Милая.

Черные птицы ворвались во дворец и закаркали: «Карр-карр-карр! Уродина! Уродина! Уродина! Карр-карр-карр! Ложь! Ложь! Ложь!»

Но девочка будто не слышала страшного карканья.

«Милая!» — повторила она слово, которого никогда в жизни никто ей не говорил. Ведь как только она родилась и Царь Колдун увидел дочку, он сказал: «Уродина!» — и повелел изгнать Царицу за то, что она родила ему безобразную дочь.

С тех пор вслед за Царем Колдуном ее называли Уродиной и первый министр и лейб-медик, царские воины и другие слуги; даже кормилица, жалевшая девочку, называла ее так, боясь прогневать Царя.

Теперь первый раз в жизни она услышала: «Милая!» «Карр! Карр! Карр! Ложь! Ложь! Ложь!» — пронзительно кричали вороньими голосами черные коршуны, но ни Сашка, ни Царевна не слышали их.

Царевна тихо, словно про себя, еще раз повторила это слово. И просияла, как солнце. Как только она улыбнулась, черные коршуны перестали каркать и один за другим вылетели в окно.

— Веснушка, веснушка, с носа слезай, в мешок полезай,— не теряя времени, прошептал Сашка.

Веснушки одна за другой стали исчезать не только с носа, но и со щек, со лба, с подбородка Царевны и золотой дорожкой полетели туда, где стоял Сашка с солдатским мешком за плечами.

А сияющее лицо Царевны становилось все прекраснее.

В окно дворца влетели белые птицы, самой первой та, с синими крыльями, как у зимородка, за ней белые чайки и белые лебеди. И лебеди-трубачи протрубили:

— Правда! Правда! Правда!

— Да! — проговорил Царь Колдун.— Ты сказал слово, которое, родившись, стало правдой. Выходит, ты победил меня, самого мудрого на свете Царя Колдуна. Ну, говори скорее свои желания, дерзкий невидимый мальчишка. Хотя я и так знаю, чего ты потребуешь: половину моего Золотого царства, красавицу Царевну и еще бриллиант в тысячу каратов, который хранится в комнате драгоценностей.

— Нет! — сказал Сашка, сам удивляясь своей смелости.— Половины Золотого царства мне не нужно, потому что я живу с мамой очень далеко, в своем микрорайоне. И на красавице Царевне я не хочу жениться, потому что я еще учусь в пятом классе и есть у нас в доме принцесса Таня. И алмаза в тысячу каратов мне не нужно. Мое первое желание, чтобы всем рыцарям и всем твоим подданным, которых казнили палачи, сейчас же пришили головы и отпустили их с подарками по домам.

— Ты слышал, что приказал Невидимка! — грозным голосом крикнул Царь Колдун лейб-медику.

Лейб-медик, подхватив два ведерка — одно с живой, а другое с мертвой водой,— сломя голову бросился из дворца.

Скоро начали доноситься приветственные возгласы:

— Да здравствует Невидимка!

Тем временем Сашка, которого никто уже не охранял, подошел к открытым дверям дворца. Никогда еще Дворцовая площадь не была такой прекрасной. Над ней кружили лебеди, на золотой мостовой гарцевали сотни рыцарей, тысячи принарядившихся обитателей Золотого царства размахивали флажками, плясали и прыгали от радости. Ведь так мало праздников выпадало им на долю, и у очень многих только что воскресли отцы и матери, деды и бабушки, которых они никогда уже не надеялись увидеть живыми.

Солнце светило совсем по-весеннему, и на лицах появились веснушки.

— Веснушка, веснушка, с носа слезай, в мешок полезай! — прошептал Сашка.

Его шепота никто не слышал из-за громовых криков: «Да здравствует Невидимка!» Но веснушки одна за другой стали подниматься в воздух, собираться в стаи и облачками полетели к Сашке, опускаясь в солдатский мешок. Когда мешок раздулся, как футбольный мяч, Сашка тихонько вернулся во дворец и сказал, обращаясь к Царю Колдуну:

— Второе мое желание, чтобы во все четыре стороны отправились кареты и гонцы за Царицей. Мама-то уж никому не позволит обижать дочку.

— Ты слышал, что приказал Невидимка! — грозным голосом крикнул Царь Колдун толстому первому министру, и тот выбежал из дворца, чтобы отдать необходимые распоряжения.

— А третье мое желание, чтобы сейчас же мы оба, мой верный друг Заяц и я, очутились у меня дома!

— Закрой глаза! — сказал Царь Колдун.

Заяц играет Зайца

Когда Сашка открыл глаза, то увидел, что стоит на своей лестничной площадке.

Он позвонил, и мама сразу открыла, будто ждала звонка.

— Мамочка, это я! — сказал Сашка.

— Сашок?! — переспросила мама и сначала счастливо улыбнулась, а потом сказала: — Ты превратился в зайца?! Какой ужас! Оставался бы уж невидимкой, все-таки это приличнее, и как-нибудь я бы договорилась с Марией Петровной. А зайцем тебя ни в какую школу не возьмут.

— Мамочка, мамочка! Это мой друг Заяц,— сказал Сашка.— А я как был невидимкой, так пока и остался.

— Очень рада познакомиться с другом моего сына,— сказала Сашина мама, немного покраснев.— И, пожалуйста, простите меня. Меня зовут Анна Максимовна, но лучше называйте меня просто тетя Аня.

— А меня зовут Заяц Зайцевич, но лучше называйте меня просто Заяц.

— Чего это мы стоим на площадке? — сказала Сашина мама и пропустила Сашку и Зайца впереди себя.

Заяц с мамой прошли в мамину комнату, а Сашка юркнул в свою. Сквозь тонкую стенку он услышал их голоса. Заяц хорошо и интересно рассказывал, как надо зимой хранить морковку в норе, а мама — как шинковать капусту. Сашка понял, что Заяц и мама понравились друг другу, и больше не прислушивался к их беседе, тем более что пора было приниматься за свои дела.

Он сбросил тяжелый дедушкин мешок на пол и прошептал три слова:

— Тамбарато клуторео римбеоно!

Гном появился в тот же миг; он потрогал мешок и сказал Сашке:

— Молодец! Скорее в ванную.

Гном высыпал все, что было в мешке, в ванну, и она наполнилась золотой пеной.

Всплывшие наверх темные веснушки Гном собрал черпаком, как снимают пенку, когда варят варенье, и слил их в раковину.

Несколько секунд он думал, озабоченно наморщив лоб, потом улыбнулся, повесил на крючок для полотенец свою синюю с красной кисточкой шапку, сорвал с головы одуванчик и из стебля выжал пять капель густого молочно-белого сока. Пена посветлела и стала похожа на взбитый белок.

— Раздевайся! — скомандовал Гном.

С головой нырнув в теплую пену, Сашка снова услышал тонкий голос Гнома:

— Пусть все станет, как прежде! Все! Все! Все!

Вынырнув, Сашка увидел свои руки, а скосив глаза, увидел нос и понял, что стал видимым.

Ему захотелось закричать во весь голос «Ура!», но он удержался и подбежал к зеркалу.

— Все, как было,— довольным голосом проговорил Гном.— И веснушки светятся...

УРА ПРИНЦУ
ДА ЗДРАСТВУЕТ УРА! САШКА

Сашка понял, что Гном снова немного напутал, но, взглянув на свое отражение, не огорчился, а, может быть, даже обрадовался тому, что все осталось по-прежнему.

Надо было поскорей поблагодарить Гнома, но, когда Сашка обернулся, в ванной никого не оказалось.

«Жалко», — грустно подумал Сашка.

Из коридора он услышал голос Зайца:

— Я вас обязательно научу бегать «вздвойкой», делать «скидку». Вот увидите, это совсем легко.

— Спасибо,— ответила мама,— но бегать «вздвойкой» по городу не разрешит ОРУД и...

Она не закончила, потому что в этот миг Сашка переступил порог.

— Кукушонок! — воскликнула мама и бросилась обнимать его.

Зазвонил телефон. Мама сняла трубку, и Сашка услышал недовольный голос Марии Петровны.

— Такая распущенность просто недопустима, дорогая Анна Максимовна. Все уже в костюмах, загримированы, а вашего сына нет и нет.

— Он сейчас придет,— через силу сказала мама.— Сейчас, сию минуту,— и, опустив трубку, почти упала на стул.

— Что с тобой? — испуганно спросил Сашка.

— Костюм...— еле слышно ответила мама.— Я подумала, раз ты невидимый, зачем же шить заячий костюмчик.

Она открыла шкаф и вынула распоротые муфту и горжетку.

— Боже мой, как нам быть?!

Сашка молчал.

— А если мне сыграть эту роль? — вдруг предложил Заяц.— Я всегда мечтал сыграть в настоящем спектакле.

Сашка и Заяц вперегонки побежали в школу на новогодний утренник. А мама осталась дома.

Спектакль прошел хорошо, но лучше всех сыграл Заяц. Когда опустился занавес, его вызывали без конца.

После утренника Мария Петровна позвонила Сашиной маме:

— Это просто удивительно, как играл ваш сын. Я человек сдержанный, но не удержалась и аплодировала. Как он вошел в роль, какая собранность! От всей души поздравляю.

Анна Максимовна хотела сказать всю правду, но подумала, что Заяц и Сашка обидятся на нее, если она выдаст их тайну, а Мария Петровна все равно не поверит, скажет: «Бабушкины сказки».

...сказка кончается

Вечером принцесса Таня вышла во двор. Десять принцев бросили играть в футбол и подбежали к ней. Кешка пошевелил ушами и сказал:

– Вот и Новый год. Все мы стали старше, и ты должна наконец решить, кого из нас полюбишь, когда мы кончим учиться!

— Да ну вас,— фыркнула Таня и пошла прочь.

У ворот она увидела Сашку и Зайца.

Зайцу пора было в лес, и Сашка его провожал; он нес авоську, в которую мама положила морковку и капусту.

— Кукушонок! — радостно воскликнула Таня.— Я так соскучилась... Где ты пропадал?

— Проводим моего друга. На обратном пути я все объясню.

И они пошли втроем, взявшись за руки,— по улице, потом по полянке до опушки леса, потом по лесу.

Около высокой ели Заяц закопал подарки в снег:

— Завтра перетащу в нору.— И, протянув лапку сперва Тане, а потом Сашке, грустно добавил: — Дальше нельзя. Во-первых, следы. А во-вторых, поздно.

— Встретимся завтра вечером,— предложил Сашка.

— Нет,— ответил Заяц.— Завтра я уже не смогу говорить по-человечески. Давайте встретимся через год!

— Непременно,— воскликнул Сашка.

И Таня тоже сказала:

— Мы непременно придем. Через год, в новогодний вечер.

Заяц помахал лапкой и побежал.

— Смотри берегись! — крикнул Сашка вслед.

Заяц разбежался и, прыгнув в сторону, сделал «скидку». Он пролетел над маленькими елочками, далеко и высоко, и скрылся в чащобе.

Таня и Сашка постояли немного и пошли домой. На опушке они остановились, и Сашка рассказал Тане всю эту историю с той самой минуты, когда он познакомился с Гномом.

Я тоже был на полянке, сидел на пне и все слышал. Нет, я не был невидимкой, я вообще никогда в жизни не был невидимкой, но они не замечали меня.

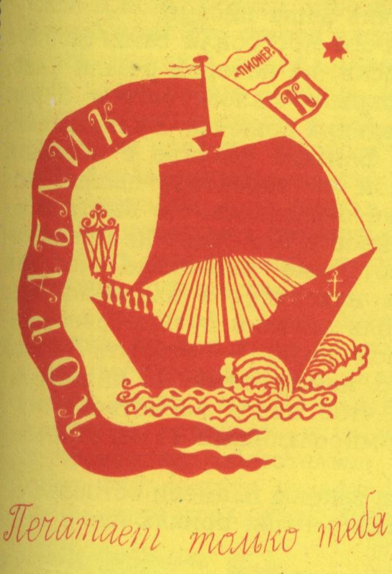
Когда Сашка закончил рассказ, Таня посмотрела вверх и сказала:

— Красиво... Звезды горят — правда, как веснушки, и ели качаются...

«Ели качаются, и сказка кончается»,— подумал я.

КОНЕЦ

Инна БЛЕЙХЕР, 14 лет,
г. Киев.

Возвращение

Мы уезжали из Крыма,
Поезд нас вез из лета,
Горы проплыли мимо,
Море осталось где-то.

Вечер пришел, стемнело,
Стало немного грустно;
Очень уж не хотелось
В будни опять вернуться.

Утром я рано встала,
Отдернула занавеску,
И за окном увидала —
Как будто из книжки детской,

С переводной картинки, —
Трава, облака, тропинки,
Солнечный лес и речка
Поезду шли навстречу.

Тенистый, густой орешник,
Старый знакомый мой!
Лучшее в путешествии —
Возвращенье домой!

После грозы

Гроза прошла, опять
как прежде,
Дымок чуть стелется в саду.
В еще не выжатой одежде
Стоят деревья на виду.
И там,
Где кран скользит, как птица,
На фоне налитых хлебов,
Уже стрелою крановщица
Снимает облачный покров.
И я слежу за каждым
взмахом,
Чтобы увидеть там вдали,
Как солнце выглянет и ахнет,
Увидев красоту земли.

Нина ЛАШМАНОВА,
Мордовская АССР, п. Красный.

МУЗЫКА

Лена КУЛИНСКАЯ,
14 лет, г. Харьков.

Музыка играет
без конца и края...
Люди понимают,
я не понимаю.
Я не понимаю,
грустно или ясно?
Может быть, о мае?
Может быть, об августе?

Я не понимаю, что она хочет?
Может быть, плачет?
Может, хохочет?
Может быть, вот это — самое лучшее?
Я соображаю, а люди слушают.
Люди мудрые,
но не мудрствующие.
Я обдумываю,
они чувствуют.

«Я ДЕЛАЮ ЕЛОЧНЫЕ ИГРУШКИ»

Автор этого рассказа учится в седьмом классе. Своего имени он не назвал, а придумал себе псевдоним. Итак, рассказ **Петьки БАЛАГАНОВА.**

— Идол! Сил моих нет! — кричит бабушка из чулана.

Я молча несу десяток игрушек (вернее, их остатки), вздыхая и вместе с тем радуясь, что на мою долю не выпало ни одного тумака, хотя лучше было бы, если бы бабуленька сменила гнев на милость и перестала меня пилить.

Рассматриваю остатки султанов, грибов, принцесс... Ага, тут была Хавронья Иванна, или, проще, как я называл ее маленьким, Хавива. А вот султан Амурат, какая-то тощая дама, гриб, породу которого я не мог определить в течение трех лет...

Однако бабуля все еще продолжает меня пилить. «Что же делать, как тут быть?» — пел я про себя, а сам принимался за работу.

Так. Где-то есть у меня огромная скорлупа от грецкого ореха. Из нее получится отличный фрегат. Спички сойдут за мачты, нитки — за канаты. Но как же их установить? Продырявить дно? Нет, спасибо за совет. В глубоком раздумье я оперся рукой о стол, но локоть погрузился во что-то мягкое. Я быстро отдернул руку и тут же ругнул сам себя: «Идиот! Пластилин-то под рукой!» Быстро слепив бугорки из пластилина, я притащил пять спичек и принялся за паруса. Первый вышел слишком узкий, второй слишком широкий... Провозившись полчаса, я все-таки установил мачты с парусами, приладил канаты.

Загвоздка вышла в другом. За какие концы я ни прикреплял фрегат к елке, он не желал быть в нормальном положении. Тогда я подвесил его за мачту. Какой ужас! Мачта сорвалась, спутав все канаты и паруса. В таких случаях бабушка говорит: «Хоть караул кричи!» Караул я не кричал, но готов был злосчастную фрегатину бросить об пол. Наконец все было улажено, и фрегатина не без внутреннего торжества прикреплена к елке в нормальном положении.

Теперь за Хиврю. Лихорадочно стал я искать яйцо, а когда нашел, то мгновенно выдул из него содержимое и стал обдумывать последующие действия. У мамы в шкатулке есть маленькая розовая пуговичка с черным пятнышком — здорово походит на пятачок. Хвостик я сделал из пластилина, ушки — из бумаги и грязь представил тушью. Получилась типичная деревенская свинья, в чем-то свинском схожая с моей старой Хиврей.

Чертенок получился синим, он был сделан из синего кабеля. Он франтовато перекинул хвост через руку, как мы иногда носим плащи, и состроил адскую рожу. Султан получился пухлым, а султанская белая чалма, сделанная из винной пробки, была усыпана «драгоценными» камешками, выковырянными из старой маминой брошки. Чалму украсило маленькое куриное перо. Перо, на мой взгляд, шло султану и придавало ему такой торжественный вид, как будто он сидел в Стамбуле и праздновал недавний захват Багдада.

Я так увлекся, что не заметил, как подошла бабушка. Я увидел ее только тогда, когда она пробормотала что-то вроде: «Вот придет мать... погоди...» А сама, стараясь не подавать виду, с интересом разглядывала мое, как она выразилась, самодурство.

А я работал и работал, стараясь найти больше материала для новых персонажей. Но вскоре я перестал заниматься изготовлением игрушек, потому что с горечью обнаружил, что делать мне их уже не из чего. Тогда, подавленный, я ушел туда, куда пошла моя душа, как говорили древние, или, попросту, спать.

А наутро мои игрушки висели на елке на самом видном месте — не такие уж красивые, как оказалось, но почему-то мне смотреть на них было весело.

Если кто-нибудь откликнется на мой рассказ, пусть напишет по адресу: г. Пермь, 14, ул. Висимская, дом 11, кв. 7, Петьке Балаганову.

ЕЛКА НА

Уважаемая Н. Доброхотова!

Вот уже второй раз встречаю я ваши статьи в «Пионере». Первая статья (в номере двенадцатом «Пионера») меня очень обрадовала. Я-то думал, что никто так не играет, как я. Но мы с моим другом все же решили написать вам, так как играем немного по-другому. У нас человечки не из проволоки, а из пластилина, ростом двенадцать-тринадцать сантиметров. Правда, внутри у них каркас из мягкой проволоки. Во время этой игры мы совершенствовали наших человечков, а также обнаружили, что пластилиновые фигурки можно одевать не хуже, а даже лучше, чем проволочные, так как одежда прилипает к их пластилиновому телу.

У нас из этих человечков есть целый город на полках и в ящике, оклеенном цветной бумагой, застланном коврами и картинами, уставленном мебелью и скульптурами. В этом городе живут король и королева, королевские придворные, кардинал, солдаты и свободные горожане. В общем, все, что нужно для интересной игры.

За много лет игры у нас появилась своя история. Мы играем не только в одном дворце, у нас есть и другие дома для человечков. Играть очень интересно, но было бы еще интереснее, если бы существовало другое, соседнее государство, с которым мы могли бы торговать, ездить в гости, вести переговоры и воевать.

Поэтому, когда мы прочитали в вашей статье, что оказалось много ребят, которые играют так же, как мы и ваша дочь Катя, мы решили написать вам и попросить дать адрес каких-нибудь мальчиков из Ленинграда, так играющих (не младше десяти лет).

И еще я хотел бы пересылаться всякими вещами для человечков. Я бы присылал мебель, посуду из глины и фарфоровых тигельков, изделия из золота (желтой фольги) и другие вещи, которые я делал.

Я просмотрел «Пионер» за три года и нашел много ваших рисунков, которые мне очень понравились. Каждый из них подсказывал и подсказывает мне и моему другу мысли о новой одежде, обстановке и других интересных вещах для наших человечков.

Слава Родин, Ленинград, С-144, 8-я Советская ул., д. 49, кв. 16.

Дорогой Слава и друг, имени которого мы, к сожалению, не знаем!

На ваше письмо мы отвечаем с опозданием, но надеемся, вы простите нас, узнав обстоятельства. Дело в том, что, когда курьер журнала «Пионер» прибыл в замок, где, если вы помните, жила принцесса и другие проволочные человечки, он увидел на воротах надпись: «Ушли в море». Курьер вспомнил все прочитанные в детстве приключенческие романы и повести, бросился в порт, засунул письмо в бутылку и, широко размахнувшись, швырнул ее прямо в открытое море. Несколько месяцев бутылку носило по бурным волнам, пока морская почта не принесла ее к борту корабля «Golden arrow». Катя учит английский язык, а какой язык учите в школе вы, мы не знаем, поэтому на всякий случай переведем: «Golden arrow» значит «Золотая стрела». Можете представить, как мы обрадовались, получив ваше письмо.

Наш корабль мы построили сами. Корпус вырезали из доски, на которой резали хлеб, раскрасили, покрыли лаком; мачты и реи сделали из тоненьких дощечек, а канаты связали крючком. Близкое родство с обычной кухонной доской на характере нашего корабля ничуть не отразилось. По быстроходности и устойчивости это судно не имеет себе равных. Вот уже несколько месяцев «Golden arrow» находится в плавании. Мы пустились в столь далекий путь с совершенно определенной целью — открыть новый остров, конечно, неизвестный, но обязательно обитаемый, чтоб народ на острове жил симпатичный и миролюбивый. И мы открыли такой остров.

Язык, обычаи, законы племени островитян, флора и фауна, все наши приключения день

ПАЛУБЕ

за днем описаны и зарисованы в дневнике юнги Джона. Кстати, знаете ли вы, кто такой юнга Джон? Это старая наша знакомая, принцесса, которой надоело исследовать потайные ходы своего дворца (ведь сколько ни прячься, останешься в тех же четырех стенах). Она коротко остригла волосы, переоделась в мальчишечье платье и тайком сбежала на корабль. А по правде это, конечно, Катя. Она перешла в четвертый класс, ей надоело быть принцессой, и теперь она ведет дневник путешествия.

Мы бы рады, Слава, посетить ваше королевство, но для этого должны ознакомиться с его местоположением, законами, историей. И еще вопрос: морская ли вы держава? Мы вам очень советуем, если у вас нет флота, построить его обязательно. Путешествовать прекрасно, в пути узнаешь столько нового. Вы сможете проложить морские пути к отда-

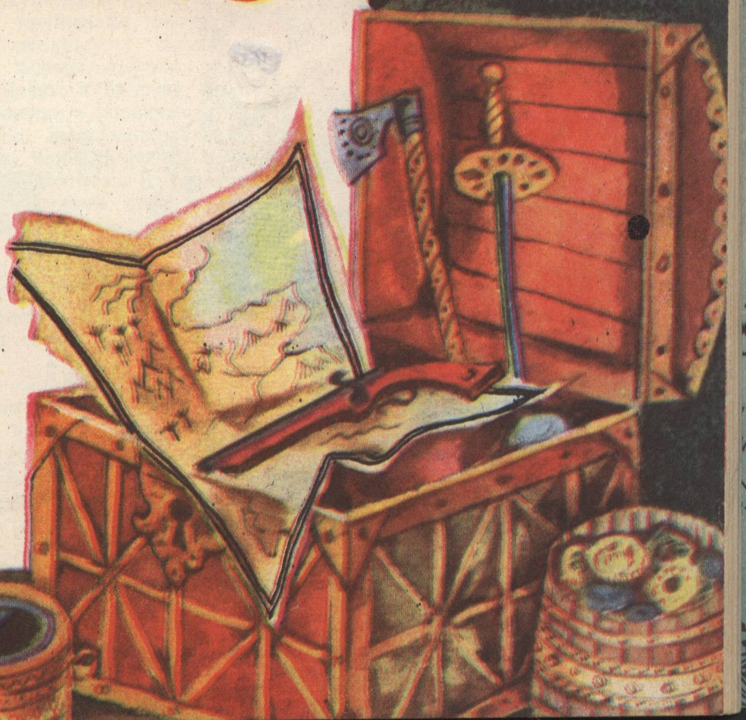

ленным островам и государствам и обмениваться товарами с островитянами.

Я думаю, если вы прямо сейчас начнете строить корабль и сразу отправитесь в плавание, вы успеете открыть неведомую землю как раз в канун Нового года.

На этот раз Новый год мы будем праздновать на палубе нашего корабля, мы украсим елку перьями неведомых птиц и невиданными цветами, стрелами, морскими звездами и ракушками. А под елкой поставим настоящий матросский сундучок с подарками. В нем приготовлены подарки и для вас, Слава; компас, карта, оружие, которое мы делали в своей оружейной мастерской,— все это пригодится вам в дальнем плавании. Только вот мы не знаем в Ленинграде мальчиков, которые играют в такую игру, но надеемся, что они вам сами напишут.

Н. ДОБРОХОТОВА

Чей наряд интереснее

«Огонь». Комбинезон красный с нашитыми желтыми лоскутами — языками пламени. Воротник и шапочка из красно-желтых накрахмаленных лоскутов, собранных на резинке. **Галя Каучакова**

Костюм индейца лучше смастерить из мешковины, обшить портьерной бахромкой, а перья раскрасить чернилами. Парик — из веревок. **Наташа Федорян**

В основе «Красной шапочки» — норвежский национальный костюм. Юбка и шапочка из плотной ткани — старого ненужного платья или портьеры. На бумажных чулках нарисовать полоски в тон платью и шапочке. **Наташа Федорян**

Шубка «Северные мотивы». **Люда Стежко**

Костюм пажа легко соорудить из черного тренировочного костюма. Перо на ярком берете — из бумаги. **Таня [illegible]**

— Мы думали,— сказала Марина,— что только в наших Вишенках девчонки играют в придумывание интересных нарядов и только единственный из всех мальчишек, Алеша, тоже увлекся этой игрой. А оказалось вон сколько! И на подоконнике письма, и на стульях, на диване, на письменном столе, на полках. 3 119 писем!

— Когда Калинка их прочтет! Через месяц, наверное. И уроки даже негде делать. Хорошо, что нам на воскресенье уроков не задают, а как же завтра, послезавтра? — Лёка озабоченно наморщила нос.— Придется уроки не учить весь месяц, а может быть, даже два.

— Три,— засмеялся Алеша.— Подсчитай-ка, если в каждом письме приблизительно пять нарядов, значит, всего приблизительно пятнадцать тысяч, и все это надо посмотреть. Можешь до лета не учить. Вот Калинка прилетит, ты и скажи ей об этом.

— Во-первых, я давно прилетела и все слышу,— раздался приглушенный голос. Груда писем на любимом мамином кресле зашевелилась, и оттуда выбралась Калинка.— Во-вторых, все письма я уже прочла и даже ускоренно — электронно - волшебным методом — перемерила все наряды — от разноцветного платьица шестилетней Юли Соболевой из Фрязино до весьма серьезных туалетов шестнадцатилетних братьев-близнецов Черновых из Ленинграда. Знаю, какие из них мне подойдут, а какие нет. В-третьих, цифры всегда должны быть не приблизительными, а точными, тем более в конкурсе. Сорок девять писем подписано двумя авторами, а тринадцать — тремя. Одиннадцать девочек прислали по два письма, а Валя Капелева в трех письмах прислала сто десять нарядов.

Вот задача! Сколько было участников конкурса? Пусть Лёка решит.

— Я, между прочим, почти все задачи Трех Неизвестных в «Пионере» решаю. Всего в конкурсе участвовало... 3 171 человек.

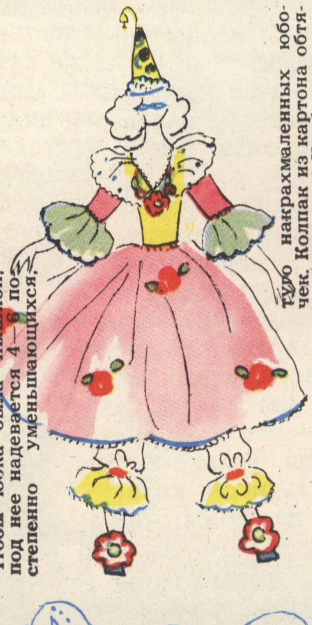
— Правильно! В том числе двадцать семь мальчиков. А наряды я все до единого пересчитала, их оказалось 35 165 — с туф-

Карнавальные костюмы «матрешки» можно сшить из одинакового яркого ситца разного роста девочкам, а может быть, и мальчикам — будет еще смешнее. **Лиля Рыбакова**

Костюм Золушки — из марли — разрисован золотыми и серебряными красками. **Люда Ионкина**

Костюм клоуна из крашеной марли, накрахмаленной и отлично разглаженной. Чтобы юбка была пышной, под нее надевается 4—6 постепенно уменьшающихся, туго накрахмаленных юбочек. Колпак из картона обтянут шелком. Необходим парик. **Галя Князева**

Костюм «Калинка» из бумажной ткани. **Люда Стежко**

Зимняя шубка, отделанная пушистым синтетическим мехом. **Галя Каучакова**

Сарафан с блузкой «Русские мотивы». Узоры — вышивка шерстью.

Оля Мычкина

Два нарядных платья из легкой светлой шерсти. Отделка — узкие, но грубые кружева и строчка.

Таня Петрова

Сарафан и блузка с очень пышным, нарядным жабо.

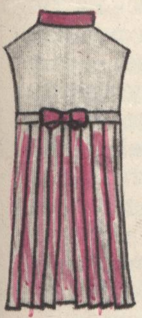
Оля Скрипкина

Легкое и теплое вязаное платье для катка. Узор вышит яркой шерстью.

Лена Титова

Платье в полоску, манжеты, воротник и планка из однотонной светлой ткани, отделаны узкими кружевами. Пуговицы в тон полоски.

Очень нарядное платье из однотонной ткани — легкой шерсти или шелка. Юбка — крупная плиссировка. Бант из той же ткани.

Лена Рождественская (?!)

Костюм «василек» из белой и окрашенной, туго накрахмаленной марли. Парик из кальки.

Таня Дутяженко

лями, сумочками, шапочками, шляпами, украшениями, бантиками. Из Новосибирска, Брянска, с острова Диксон, из чувашского села Кугеси, из Румынии, Болгарии, Монголии, Алжира, из Вильнюса, из Бухары, из Шебалинского оленесовхоза, из Новгорода, Арзамаса, из порта Находка, Коломны, Сортавалы и многих сотен других городов и поселков.

Калинка церемонно поклонилась:

— Спасибо, всем спасибо. Все наряды очень красивые, с большой любовью придуманы. Если бы я захотела каждый день менять свой туалет, то мне хватило бы... Алеша?

— На сто лет. Ой, подожди, Калинка, я сосчитаю точно... ровно на 96 лет и один день.

— Совершенно верно. Так что представляете, как трудно было выбрать пять самых талантливых и одного самого-самого талантливого модельера! Невозможно. Первого из первых я выбрать так и не смогла, но вместо пяти выбрала пятнадцать девочек и мальчиков, приславших наиболее интересные наряды.

— Кто же это, Калинка? Скажи скорее!

— Скажу, скажу.

Калинка хлопнула в ладоши, и стены комнаты стали раздвигаться, а диван, полки, стулья растаяли на глазах. Пол зеркально засверкал. Конверты с письмами стали вдруг огромными. Нет, вероятно, это они, Лёка, Марина, Алеша, стали маленькими, потому что синяя чернильница с торчащим в ней гусиным пером, которое Лёка еще летом на спор выдрала из хвоста злющего бабушкиного гусака Стеньки и привезла в Москву, исчезать не хотела и парила в вышине недосягаемого теперь потолка, грозя перевернуться и разлить чернила.

Чудеса, да и только!

Но это было не самое удивительное. Вот что происходило с конвертами: из них стали выпархивать, выбираться и выскакивать платья, воздушные и яркие, с вышивкой и кружевами, клетчатые юбки с жилетами, красивые школьные формы, блузки, похожие на бабочек, и бабочки, заменяющие бантики в косичках, халатики, шубы, карнавальные наряды, свитера, накидки-пальто и даже брючные костюмы с мягкими кожаными сумками через плечо.

И Калинка, настоящая, не бумажная, в маске и синем развевающемся плаще, быстро пронеслась по паркету и, взмахнув рукой, воскликнула:

— Парад самых интересных нарядов!

И парад начался. Это было фантастическое зрелище.

— Мы выберем карнавальные костюмы и нарядные платья, которые можно успеть сшить к Новому году. А остальные покажем потом, и, конечно, я расскажу, как их шить... Слушайте, слушайте!

ОБЪЯВЛЯЕМ ИМЕНА ПОБЕДИТЕЛЕЙ:

Марина Вивсик и Рая Буянова, сестры-соавторы из Подольска, **Надя Голубева** из Мурома, **Люда Ионкина** из Иркутска, **Галя Каучакова, Галя Князева** из Томска, **Марина Лукьянова** из Москвы, **Таня Микуцкая** из Томска, **Маша Никитченко** из Ленинграда, **Таня Петрова** из поселка Дружная Горка, **Люда Стежко** из Саратова, **Лида Тимофеева** из Якутии, **Лена Титова** из Москвы, **Наташа Федоряк** из Запорожья. **Мальчик из Куйбышева,** приславший 17 нарядов под именем своей семилетней сестры Лены Рождественской. Он почему-то не решился написать своего имени, и напрасно: всегда, во все века, лучшими модельерами были мужчины. **Олег Попов,** конечно, не знаменитый клоун, а человек, судя по почерку, лет двенадцати, из Днепропетровска.

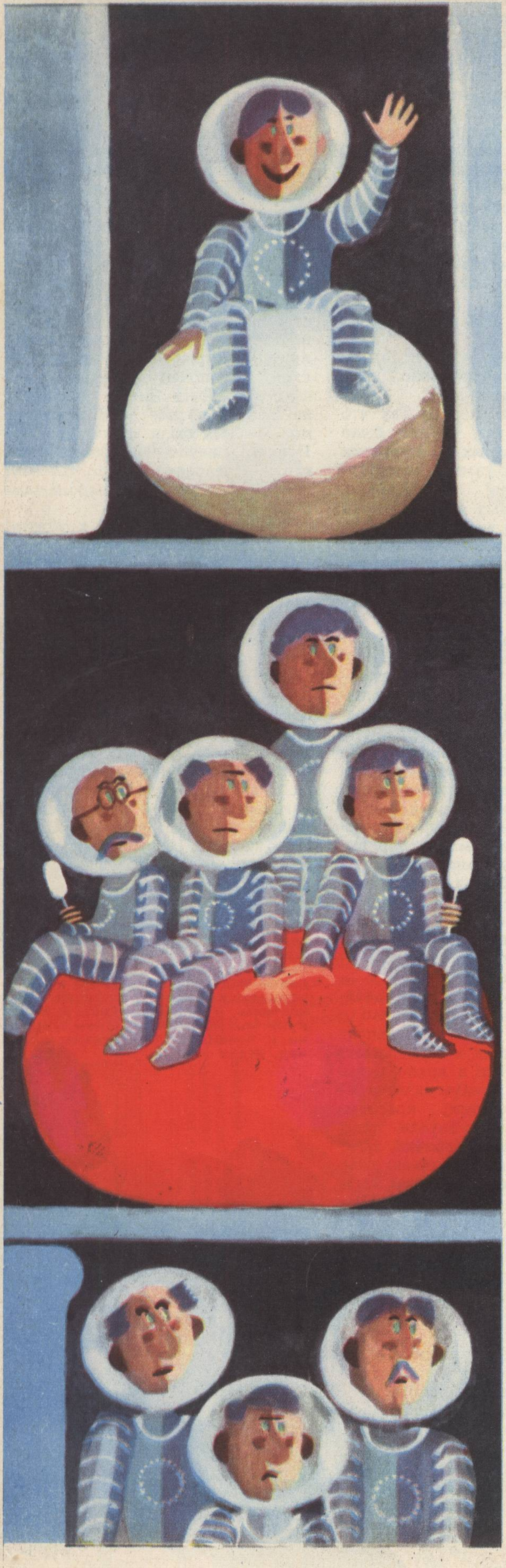
Я непременно слетаю к каждому из победителей и вручу дипломы и призы.

Всем участникам конкурса приготовлен общий приз — рассказ о волшебной профессии модельера и еще один очень интересный и трудный конкурс, который начнется в мае.

Среди победителей нет того, кто прислал карнавальный костюм «День и ночь». Автор поставил только инициалы И. Н. Д. Я огорчена, а костюм мне очень нравится. Я его надела... Настоящий карнавальный костюм! Очень таинственный и очень простой. Я возьму его с собой в Новосибирск, ребята мне прислали новогоднее приглашение.

«Прилетай к нам, Калинка! Утром 31 декабря мы пойдем на лыжах в лес, но елку рубить не станем, а украсим в лесу. Вернемся домой и полночи ждать не станем, нарядимся в разные карнавальные костюмы и будем танцевать. Накануне мы испечем вкусные пирожки и печенье и приготовим лимонад. Ждем тебя!»

МАРСИАНЕ

Джанни РОДАРИ

Синьор Мольтени, проживающий на виа Тадини, дом 18, квартира 12, был весьма озабочен. Он приобрел в рассрочку великолепный холодильник фирмы «Двойной полюс», но вот уже два месяца не мог внести очередного взноса. Сегодня ему позвонили из конторы и сказали: «Либо вы погасите задолженность, либо мы забираем холодильник». А синьор Мольтени уже к середине месяца остался без единой лиры. Что же делать?

В то утро он долго глядел на холодильник, потом бережно погладил его гладкую поверхность и грустно сказал, словно это было живое существо: «Дорогой мой, боюсь, нам придется вскоре расстаться. Без тебя дом покажется мне пустыней».

Холодильник хранил ледяное молчание. Но синьор Мольтени все понял: «Конечно, конечно, твое дело — вырабатывать холод, а не деньги печатать».

В то же самое утро синьора Сандрелли (она жила на пятом этаже, а синьор Мольтени — на четвертом), открыв свой холодильник, стандартный «Пингвин» без колесиков, увидела, что там полно крохотных человечков. Один из них сидел на курином яйце. Человечки все до единого были в серебристых скафандрах, а на голове у них красовались прозрачные шлемы, сквозь которые видны были их бледно-фиолетовые волосы и желтые, цвета сливочного масла лица. Они пристально смотрели на синьору Сандрелли своими зелеными глазками и не шевелились. Лишь человечек, удобно устроившийся на курином яйце, приветливо помахал ей ручкой.

— О господи, это же марсиане! — воскликнула синьора Сандрелли.— Никогда бы не подумала, что они такие крохотные. Эй вы, что вам надо в моем холодильнике? А ты слезь с яйца, не то еще разобьешь его.

Человечек не подчинился и снова помахал ей рукой. Синьора Сандрелли была женщиной решительной: она схватила человечка двумя пальцами и посадила его на банку из-под сардин.

— Запомни раз и навсегда, марсианин ты или нет, но здесь командую я.

— Закройте дверцу, а то теплый воздух проникает внутрь,— резко ответил ей человечек.

— Что, что?

— Мы прилетели с планеты, где все покрыто льдом, и не привыкли к вашей температуре. Поэтому закройте дверцу, как вам было приказано.

— Хотела бы я посмотреть на человека, который осмелится мне приказывать! — вне

В ХОЛОДИЛЬНИКЕ

СКАЗКА Рисунки И. УРМАНЧЕ.

себя от гнева воскликнула синьора Сандрелли.— Для начала объясните, любезнейший, как вы попали в мою квартиру.

— Через кухонное окно. Вы оставляете его открытым на ночь, опасаясь утечки газа.

— Вижу, вы неплохо информированы.

— Отлично. Мы долгие месяцы изучали ваши привычки и ваш язык, прежде чем совершить вторжение. Закройте, пожалуйста, дверцу.

— И вы избрали для вторжения именно мой холодильник?

— Вас это не касается. Во всяком случае, знайте, что мы заняли все холодильники этого дома. Закройте, наконец, дверь и оставьте нас в покое.

— Ничего я не закрою. Хотя нет, закрою и отключу ток. Посмотрю, что вы тогда запоете.

Один из человечков навел палец на стул (по крайней мере так показалось синьоре Сандрелли) и сказал:

— Понаблюдайте, что с ним станет.

Внезапно стул загорелся, но без дыма, и в пять секунд превратился в кучку пепла.

— Если вы отключите ток, мы сожжем вашу квартиру.

Синьора Сандрелли яростно захлопнула дверцу и принялась названивать привратнице:

— Синьора Альфа, представляете себе...

— Что случилось, госпожа Сандрелли? Термосифон не работает?

— Какой уж там термосифон! — И она рассказала, что произошло. Привратница, понятно, тут же позвонила всем жильцам. Несколько минут во всех квартирах с первого по шестой этаж открывались и с треском захлопывались дверцы холодильников. При этом одни жильцы вскрикивали от испуга, другие — от удивления, третьи — от восторга.

Синьор Мольтени, разумеется, тоже подбежал к своему «Двойному полюсу». Внутри холодильника, посреди множества инопланетян в серебристых скафандрах, сидел человечек, чуть-чуть повыше остальных в золотистом скафандре.

— Вы здесь главный? — поинтересовался синьор Мольтени, удерживая четырехлетнюю дочку, которая уже протянула руку к чудесным куклам.

— Я Принц-Пломбир,— ответил человечек в золотистом скафандре.— Конечно, на моем родном языке меня зовут иначе. Но для вас я буду Принц-Пломбир. И обращайтесь ко мне отныне — ваше высочество.

— Конечно, ваше высочество, конечно. Не могли бы вы сказать, ваше высочество, как долго вы здесь пробудете?

— Все зависит от погоды,— ответил Принц-Пломбир.— Нам для заправки кораблей необходим свежевыпавший снег. Как только пойдет снег, мы продолжим наш полет. Мы направлялись на Северный полюс, но в пути нас застиг над морем столб теплого воздуха.

— Значит, вы намерены обосноваться на нашей Земле?

— Да, на Северном полюсе. Ведь он все равно необитаем. Нашей планете грозит столкновение с огненной кометой, которое грозит растопить всю нашу ледяную поверхность. Поэтому мы вынуждены были искать другую подходящую планету. И вот остановили свой выбор на Северном полюсе. Я возглавляю авангардный отряд. Едва мы доберемся до полюса, я извещу остальных жителей нашей планеты, и они тут же отправятся в путь.

— Позвольте узнать, сколько вас всего?

— Примерно полтора миллиарда. Полюса нам вполне хватит. Мы не намеревались посвящать кого-либо из землян в свои планы, но так уж случилось. А теперь, прошу вас, закройте дверцу. У меня от теплого воздуха разболелась голова.

Синьор Мольтени не стал возражать. Он осторожно закрыл дверцу и бросился к окну. Зачем? Да чтобы взглянуть на небо. А оно было голубым и чистым, без единого облачка. Как почти всегда в феврале. Синьор Мольтени радостно потер руки.

— У тебя в кухне захватчики, а ты радуешься,— упрекнула его синьора Мольтени.

— Ты ничего не понимаешь! — воскликнул синьор Мольтени.— Если бы ты знала, какое это для нас счастье.

Но синьора Мольтени так и не узнала, в чем тут счастье, потому что в тот же миг раздался звонок. Это был служащий фирмы «Двойной полюс».

— Добрый день, синьор Мольтени. Я пришел, чтобы забрать холодильник. Либо вы платите по очередным взносам, либо прощайтесь навсегда с «Двойным полюсом».

— К сожалению, у меня сейчас нет ни лиры.

— В таком случае...

— Да, в этом случае вы вынуждены будете и так далее и тому подобное. Вот только не знаю, разрешит ли его высочество.

— Какое еще высочество? Что за глупые шутки, синьор Мольтени?

— Прошу вас, уважаемый синьор, пройти в кухню. Давайте поговорим спокойно.

— Рад слышать. Для начала...

— Начало уже есть, но вот каков будет конец? В этом весь вопрос.

Синьор Мольтени открыл холодильник.

— Прошу прощения, ваше высочество. Но этот синьор...

— Я все слышал. У нас свои особые системы слухового наблюдения, дорогой Мольтени. Так или иначе, но этот холодильник принадлежит мне, и никому не дозволено к нему притрагиваться.

— Изволите шутить, господин Мольтени?— воскликнул служащий.— Что это за гномики? Послушайте, уважаемый, я не знаю, к какому трюку вы прибегли, чтобы не заплатить взнос. Но нашу фирму вам обмануть не удастся. Пытались и похитрее вас, да ничего у них не вышло. Фирма «Двойной полюс» имеет полное право забрать холодильник, и этому не в силах помешать десяток ваших болванчиков.

При слове «болванчики» инопланетяне возмутились все как один человек. Но резкий голос его высочества заглушил протестующие крики:

— Господин служащий, в наказание мы вас отправим под стол. Засуньте пальцы в рот и сидите под столом молча до моего нового приказания.

И служащий всемирно известной фирмы «Двойной полюс» засунул десять пальцев в рот и полез под стол. Все семейство Мольтени громко захлопало в ладоши.

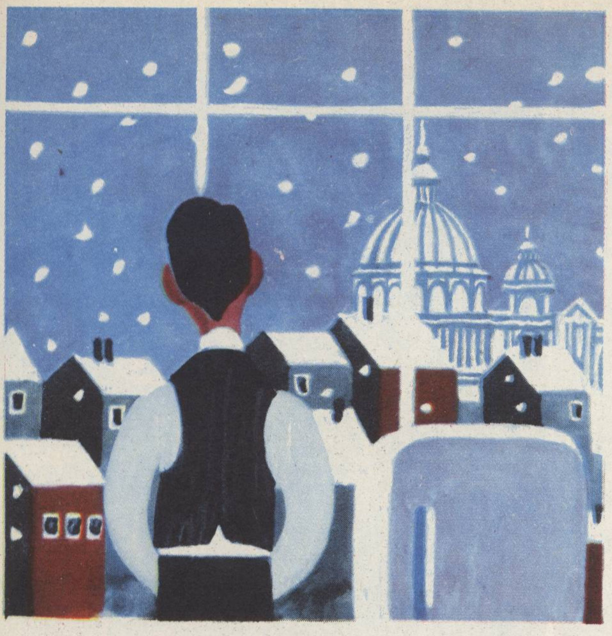
— Как вам это удалось, ваше высочество?

— Очень просто. Мы изучили ваш мозг и знаем, как заставить вас повиноваться. Пожалуйста, закройте дверь. До свиданья.

— До свиданья, ваше высочество. Всегда к вашим услугам.

Синьора Мольтени больше не нуждалась в объяснениях. Она тоже помчалась к окну, радостно потирая руки.

Почти весь февраль стояла чудесная погода, и над Миланом по-весеннему ярко светило солнце.

Тем временем газеты сообщали все новые сведения о вторжении марсиан. Люди буквально пожирали статьи собственных корреспондентов с виа Тадини. В них рассказывалось о беседах с «сосульками», как фамильярно окрестили журналисты марсиан. Но, как обычно, читателей больше всего интересовали мелкие, любопытные подробности. Люди хотели знать, что ест на завтрак Принц-Пломбир. (Оказалось, что он ел подсахаренные кусочки льда.) Старательно записывали секреты изготовления мороженого, которыми марсиане любезно поделились с госпожой Сандрелли. И почти все до одного миланцы «болели» за синьора Мольтени, против которого фирма «Двойной полюс» возбудила судебное дело. С утра до вечера у дома 18 на виа Тадини толпился народ в ожидании последних новостей.

— Принц-Пломбир получил сорок предложений о браке.

— Поговаривают, что дочка привратницы тоже влюбилась в принца.

— «Сосульки» со второго этажа объелись сливочным маслом.

Когда Принц-Пломбир согласился ответить на вопросы перед экраном телевизора и его смогли увидеть телезрители во всем мире, к марсианам полетели десятки тысяч писем отовсюду.

Но вот однажды небо подернулось серыми тучами, а метеосводка сообщила, что с минуты на минуту ожидается снег. «Сосульки» вытащили из-под листьев салата свои корабли и приготовились к отлету.

Синьор Мольтени опять забеспокоился. В суде дела складывались не в его пользу. Перед ним снова во всей своей пугающей неумолимости вставала дилемма: либо погасить задолженность, либо расстаться с холодильником.

Однажды утром, открыв окно, Мольтени увидел, что улицы и крыши домов запорошило снегом.

«Все кончено,— подумал Мольтени.— Остается лишь предупредить его величество».

Но принц уже знал.

— Видел, видел,— сказал он.— У нас система визуального наблюдения через закрытую дверь холодильника. Мы уже собрали на балконе свежий снег, а корабли уже заправлены.

— Итак, прощайте,— грустно прошептал синьор Мольтени. А про себя подумал: «Прощай, мой холодильник».

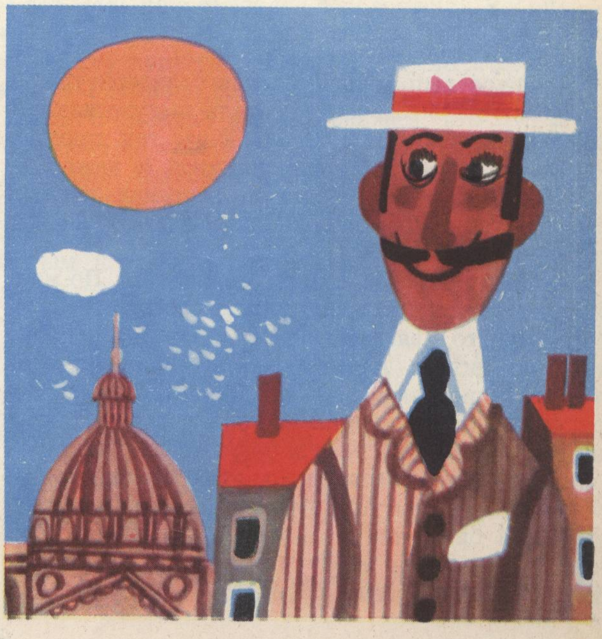
— Нет, нет,— с улыбкой сказал Принц-Пломбир, словно прочитав его мысли.— Вам не придется расставаться с вашим любимым холодильником. Прочтите вот это.

«Это» оказалось листом бумаги, на котором Принц-Пломбир крупными буквами, с превеликим трудом вывел: «Считаю большой удачей, что меня гостеприимно приютил холодильник «Двойной полюс». Не боясь чьих-либо опровержений, я со всей ответственностью утверждаю, что это лучший холодильник во всей солнечной системе. Принц-Пломбир».

— Вот увидите,— сказал его высочество,— теперь фирма «Двойной полюс» простит вам не только прошлый, но и будущий долг. Считайте, что холодильник ваш и что вам не придется платить больше ни лиры.

Так оно и было. И теперь, когда синьор Мольтени хочет утешить своего друга, задолжавшего порядочную сумму одной из фирм, он неизменно говорит: «Не на бога надейся, а на марсиан!»

Перевел с итальянского
Л. ВЕРШИНИН.

РАССКАЗЫ О ЛИТЕРАТУРЕ

Ст. РАССАДИН,
Б. САРНОВ

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Писатель ставит опыт

РАССКАЗ ЧЕТВЕРТЫЙ

«Чтобы было поинтереснее?»

«Дорогая редакция!

Я прочла ваш новый рассказ о литературе, в котором говорится, что писатели выдумывают и фантазируют ради правды. У вас так прямо и написано: «Какой бы причудливой и даже неправдоподобной ни казалась выдумка писателя, — цель у него всегда одна: сказать людям правду».

По-моему, это не совсем правильно. По-моему, писатели часто выдумывают совсем для другого. Просто для того, чтобы книгу было поинтереснее читать. А иначе как вы объясните то, что всех писателей гораздо больше интересуют разные необыкновенные случаи, которые в жизни встречаются не так уж часто? Во всех знаменитых книгах обязательно происходит что-нибудь такое. Герой попадает на необитаемый остров, или бросается под поезд, или с ним случается что-нибудь еще, совсем уж невероятное. И это понятно. Кому захочется читать книгу, в которой описывается, как герой встает утром, чистит зубы, завтракает, уходит на работу, а вечером приходит домой и ложится спать...

Ответьте мне, пожалуйста, если я не права.

Надя Лазарева, 8-й класс, г. Москва».

Надя не совсем права, когда говорит, что во всех знаменитых книгах обязательно происходит что-нибудь из ряда вон выходящее. На свете есть и другие книги, в которых рассказывается о самом обыкновенном и привычном для нас, о том, что очень часто встречается в повседневной жизни. И читать такие книги бывает иногда даже интереснее, чем самые замысловатые истории о необыкновенных событиях и увлекательных приключениях.

У писателя Гончарова есть роман «Обыкновенная история». А у Чехова — повесть «Скучная история». И названия эти не случайны. Гончаров в самом деле рассказал о том, что о б ы к н о в е н н о случается в жизни, а Чехов — о том, что в жизни кажется обыкновенным д о с к у к и. Однако никто не рискнет назвать эти произведения неинтересными.

Но что правда, то правда! Гораздо чаще писателей действительно интересуют события исключительные.

Герои, явно вымышленные, но...

Почему это так? Неужели писатели предпочитают необыкновенное лишь потому, что хотят, «чтобы было поинтереснее»?

Шотландский матрос и моряк из Йорка

В самом начале восемнадцатого века в Англии один журнал напечатал действительную историю шотландского матроса Александра Селькирка. История была такая.

Селькирк служил на корабле, совершавшем рейс в Тихом океане. Человек он был неуживчивый, вздорный. И вот однажды он открыто отказался подчиниться распоряжению капитана.

А в те времена капитан считался полновластным хозяином на судне. Он мог распоряжаться судьбой подчиненных, как ему заблагорассудится. Так что Селькирка за «бунт на корабле» вполне свободно могли вздернуть на рее. Но капитан решил наказать его иначе. Он велел высадить бунтовщика на необитаемый остров Хуан Фернандец, мимо которого проходил корабль.

И вот Селькирк оказался в положении Робинзона. То есть это мы теперь могли бы так сказать. А в ту пору так сказать никто не мог, потому что Робинзон Крузо тогда еще не появился на свет. Забегая вперед, скажем, что своим появлением на свет он отчасти был обязан как раз истории Александра Селькирка.

Роман Даниэля Дефо был опубликован в 1719 году. Полное его название было очень длинным и выглядело так:

«ЖИЗНЬ
и удивительные приключения
РОБИНЗОНА КРУЗО,
моряка из Йорка,
прожившего двадцать восемь лет
в полном одиночестве
НА НЕОБИТАЕМОМ ОСТРОВЕ
у берегов Америки, близ устьев реки Ориноко,
КУДА ОН БЫЛ ВЫБРОШЕН
КОРАБЛЕКРУШЕНИЕМ,
во время которого весь экипаж корабля,
кроме него, погиб,
С ИЗЛОЖЕНИЕМ
его неожиданного освобождения пиратами,
написанные им самим».

Современники Дефо сравнительно легко поверили, что история Робинзона Крузо правдива от начала до конца, что перед ними — подлинные записки «моряка из Йорка», а Даниэль Дефо — всего лишь издатель этих записок. То была эпоха морских путешествий, но путешествия были делом еще очень опасным: корабли часто терпели крушения, и, разумеется, спасшиеся люди стремились добраться до любого клочка земли, в том числе и до необитаемых, неоткрытых островов, которых тогда еще было много. Кроме того, на кораблях существовал обычай наказывать непокорных матросов именно так, как наказали Селькирка.

Не удивительно, что люди, которым довелось провести на необитаемых островах по нескольку лет, тогда не были такой уж редкостью.

Словом, возможность истории, подобной той, которую рассказал Дефо, была так велика, что никто из читателей не счел ее неправдоподобной. Между тем в сравнении с историей Селькирка «удивительные приключения Робинзона Крузо» были и в самом деле удивительными, фантастическими, поистине неправдоподобными.

Селькирка, как мы уже говорили, на необитаемый остров высадили по обычаю того времени.

Робинзон попал на свой остров иначе: во время кораблекрушения погибла вся команда корабля, и только он один чудеснейшим образом уцелел.

Селькирк прожил на своем острове всего лишь четыре года.

Робинзон — д в а д ц а т ь в о с е м ь л е т!

С Селькирком за эти годы произошло то, что, к сожалению, и должно было скорее всего произойти с обыкновенным человеком, очутившимся в таких страшных обстоятельствах: он одичал и полностью утратил все преимущества человека, «царя природы».

Робинзон не только не утратил свои способности, но приумножил их, став умелым охотником, земледельцем, скотоводом, строителем. Он покорил природу, сделав свой остров в полном смысле слова обитаемым.

Селькирк не сумел сохранить в своей памяти даже человеческую речь.

Робинзон умудрился сохранить даже счет дням, проведенным им на острове, за двадцать восемь лет ни разу не спутав понедельник со средой или субботу с воскресеньем.

Противопоставление это можно продолжать еще долго.

Надо ли говорить о том, насколько история Селькирка правдоподобнее, насколько она ближе к правде факта, к правде реальных, невыдуманных обстоятельств?

Если подходить к произведению искусства с суровой меркой: «Могло ли такое случиться на самом деле?», — с полной уверенностью можно было бы сказать, что история матроса Селькирка и в основе своей и в подробностях гораздо правдивее «удивительных приключений» Робинзона Крузо.

С этой точки зрения Даниэля Дефо можно было бы даже упрекнуть и в прямых неточностях. Так, например, растительность и животный мир острова, на который попал его Робинзон, не соответствуют географическому положению этого острова («у берегов Америки, близ устьев реки Ориноко»). На самом деле Дефо просто механически перенес на свой вымышленный остров флору и фауну острова Хуан Фернандец, места одиночного заключения Селькирка.

Да, по части правдоподобия роман Даниэля Дефо несколько уступает жизнеописанию матроса Александра Селькирка. Но, как говорил М. Горький, **«правдоподобность для художника — дело опасное. Дефо — «Робинзон Крузо» — и Сервантес — «Дон Кихот» — ближе к истине о человеке, чем «натуралисты», фотографы...»**

Вот, оказывается, почему писатели не стремятся во что бы то ни стало удержаться в границах правдоподобия. Вот почему так часто они выбирают для своих произведений ситуации исключительные, необыкновенные.

Это происходит вовсе не потому, что они хотят, «чтобы было поинтереснее». Их интересует совсем другое: и с т и н а о ч е л о в е к е.

Как узнать истину?

Для того, чтобы узнать истину о свойствах того или иного вещества, ученый-физик ставит эксперимент. Он помещает это вещество в необычные для него условия. Доводит его до некоего предела, до «критической точки». Не случайно, как писал один известный физик, «эксперименты в физике ставятся при сверхнизких или сверхвысоких температурах, под сверхвысоким давлением, в сверхсильных магнитных полях, на сверхвысоких частотах (приставка «сверх» в физике — дело обычное), то есть там, где меняется сама структура объекта, где можно выяснить самые глубинные его свойства, его внутреннюю структуру, внутреннюю прочность...»

Примерно так же поступает и писатель. В известном смысле он тоже ставит эксперимент.

Стремясь узнать истину о человеке, писатель помещает своего героя в критические, предельные, сверхнормальные, иногда даже сверхъестественные обстоятельства. (В художественной литературе приставка «сверх» — дело такое же обычное, как и в физике.)

Писатель то и дело выдумывает для своего героя такие ситуации, которые в обычной, повседневной жизни встречаются крайне редко, а иногда и вовсе не встречаются. Заставляет его сражаться с ветряными мельницами (Дон Кихот). Продать душу дьяволу (Фауст). Разговаривать с призраком умершего отца (Гамлет). Или обрекает его на двадцативосьмилетнее одиночество среди дикой природы (Робинзон).

Какую же истину узнал Даниэль Дефо в результате своего «эксперимента»? Что это за истина, для достижения которой необходимо было отправить героя на необитаемый остров?

«...У меня было немного денег, серебра и золота, всего около тридцати шести фунтов стерлингов, — так вспоминает Робинзон о своем пребывании на острове. — Увы, они лежали, как жалкий, ни на что не годный хлам: мне было некуда их тратить. С радостью отдал бы я пригоршню этого металла за десяток трубок для табака или ручную мельницу, чтобы размалывать свое зерно! Да что я! — я отдал бы все эти деньги за шестипенсовую пачку семян репы и моркови, за горсточку гороха и бобов или за бутылку чернил! Эти деньги не давали мне ни выгод, ни удовольствия. Так и лежали они у меня в шкафу и в дождливую погоду плесневели от сырости моей пещеры. И будь у меня полон шкаф бриллиантов, они точно так же не имели бы для меня никакой цены, потому что были бы совершенно не нужны мне».

Не случись с Робинзоном несчастья, он не сумел бы прийти к таким выводам. А может быть, к ним бы не пришел и сам Даниэль Дефо, не помести он своего героя в столь необычные обстоятельства.

В эпоху Робинзона Крузо такой взгляд на вещи был не просто оригинален и нов. Это был переворот всех привычных понятий. Все ценности, все представления того мира, в котором жил Даниэль Дефо, ставились тут с головы на ноги.

Деньги в ту эпоху казались абсолютной ценностью, единственной реальной мерой всех человеческих качеств. Считалось, что деньги — справедливая добыча самых деятельных, самых предприимчивых, самых талантливых членов общества. Человек, владеющий деньгами, автоматически считался человеком, обладающим несомненными достоинствами. Даже если на самом деле он был полнейшим ничтожеством. И вдруг выясняется, что деньги — вовсе не абсолютная, а весьма и весьма относительная ценность. Выясняется, что бывают в жизни ситуации, когда куча золота или полный шкаф бриллиантов стоят меньше, чем горсточка гороха или бутылка чернил. И то, что недавно было драгоценными фунтами стерлингов, — теперь не более чем просто «пригоршня металла».

Ради денег, ради богатства отправился Робинзон в путешествие, кончившееся для него катастрофой. Возможность разбогатеть казалась ему тогда единственным способом утвердиться в жизни, почувствовать себя достойным человеком. Но на необитаемом острове — только там! — Робинзон убедился, что настоящие его достоинства — в нем самом. В его умелых руках. В его ясном разуме. В его энергии и трудолюбии.

Это открытие, сделанное Робинзоном на необитаемом острове, применимо далеко не только к исключительной судьбе самого Робинзона. Ведь в обычном, повседневном, «обитаемом» мире деньги тоже не являлись истинной мерой человеческих достоинств. Вовсе не обязательно сосредоточивались они в руках самых талантливых, самых деятельных, самых умных. Часто торжествовал не ум, а хитрость. Не предприимчивость, а подлость. Не талант организатора, а мошенничество и обман. Короче говоря, и здесь, в «обитаемом» мире деньги — сами по себе, а реальные достоинства человека — сами по себе.

Исключительные обстоятельства, в которых оказался Робинзон, до предела обнажили и выявили то, что на самом деле было характерно и для повседневной, обычной жизни. Но в повседневной жизни это было скрыто от глаз. А тут сразу стало явным, вышло на поверхность.

Робинзон Крузо

Впрочем, исключительная ситуация, в которую был поставлен Робинзон, не только помогла писателю разглядеть скрытую сущность многих вещей и явлений. Эта исключительная ситуация заставила и самого Робинзона проявить такие неожиданные, глубоко скрытые «резервы» своей натуры, которые ни при каких обстоятельствах не могли бы проявиться в обыденной, «нормальной» его жизни.

Вполне обыкновенный и даже вполне средний человек, Робинзон Крузо обнаружил поистине необыкновенную мощь и твердость духа.

Как мы уже говорили, реальнее, правдоподобнее было бы, если бы история Робинзона кончилась так же печально, как действительная история матроса Селькирка. Но Даниэль Дефо поставил свой удивительный эксперимент для того, чтобы выяснить «внутреннюю прочность» человека вообще. Его интересовала истина о Человеке с большой буквы. Истина, имеющая отношение ко всему человечеству.

Да, отдельный человек мог сломаться в невыносимо тяжелой — один на один — схватке с дикой природой. Но человечество эту схватку выдержало. Человечество победило — так же, как победил Робинзон.

Таков главный результат эксперимента, поставленного писателем Даниэлем Дефо.

«Человек значит неизмеримо больше, чем принято думать о нем, и больше того, что он сам думает о себе», — уверял Горький. И, доказывая справедливость этих слов, говорил, что человек **«выдумал то, чего не было: прекрасные мифы, веселых богов Олимпа, множество волшебных сказок и необыкновенных людей — Дон Кихота, Робинзона Крузо, Гамлета, Фауста...»**

Не случайно здесь перечислены именно те литературные герои, чьи характеры были исследованы в неправдоподобных, выдуманных обстоятельствах. Чтобы узнать «истину о человеке», писатель обязательно должен «выдумать то, чего не было». Иначе говоря, он должен поставить эксперимент. И чем смелее, чем изобретательнее этот эксперимент, тем больше шансов, что в результате явятся на свет уже не просто литературные герои, но типы, то есть художественные образы, воплотившие в себе коренные свойства, присущие всему роду человеческому. Словно все человечество сговорилось и подарило каждому из них что-нибудь одно.

Дон Кихоту — свое извечное стремление к справедливости.

Гамлету — свою беспокойную совесть.

Фаусту — неистовую жажду познания.

Робинзону — могучую волю к жизни, могучий инстинкт деяния и творчества.

Гульчехра СУЛЕЙМАНОВА

Дом воды

Бежит веселая вода,
Вода прозрачная до дна,
Вода, что в полдень холодна,
Вода шумливая всегда.

Бежит стремительный арык,
Арык, который спать отвык,
Не утихает никогда
И никогда не устает.
Бежит и песенки поет.
Любые камни—ерунда.
Бежит, смеется и бурлит,
Бежит и сказки говорит
Арык — веселая вода.

К Саере в дом, к Махпоре в дом,
А рядом с ними мы живем —
Берите воду для пруда.
Он пересек Рахмона двор,
Потом, нетерпелив и скор,
Проник к соседям без труда.
Бежит и песенки поет.
А где он все-таки живет?
Откуда к нам бежит всегда?

И собрались мы вчетвером,
И отыскать решили дом,
Откуда в зной и в холода
Арык без устали бежит,
Бежит и сказки говорит,
Арык — веселая вода.

С арыком рядом мы пошли
Туда, где высится вдали
Вполнеба горная гряда.
И огибали мы холмы,
И к перевалу вышли мы.

Внизу бахчи, внизу стада,
Внизу дороги пролегли,
По ним во все концы земли
Людей развозят поезда.

И увидали мы родник.
Отсюда к нам бежит арык,
Не зная сна, не зная льда.
Так вот каков арыков дом.
Арык, как струйка, в доме том,
Арык — веселая вода.

Перевел с таджикского
М. ЕРЕМИН.

С. СОЛОВЕЙЧИК

Учение с увлечением

Диспетчер аэродрома должен в одно и то же время делать уйму дел; бывают моменты, когда под его контролем оказывается сразу двадцать самолетов, за каждым надо следить неотрывно. Как успеть все, удержать в поле зрения, не потерять из виду ни один самолет?

Значит, есть люди, которые одновременно думают о многом? Нет, в человеческой голове не бывает двух мыслей сразу. Мысли появляются только последовательно, одна за другой, а не одновременно. Иногда нам кажется, что мы можем думать об одном предмете и в то же время о другом. Это самообман, вроде обмана зрения. На самом деле мы всегда думаем сначала об одном, потом о другом. Но мысль быстра, для нее нет расстояний: в одну секунду вы можете мысленно побывать, скажем, на Марсе, а в следующую — вернуться в класс. Между Марсом и классной комнатой — доли секунды... Вот нам и кажется, будто мы слушаем речь учителя и одновременно мечтаем о путешествии на Марс. Но в каждую долю секунды мы все-таки где-нибудь в одном месте: или в классе, или на Марсе.

Дело в том, что у диспетчера — особое внимание. Он должен уметь быстро переключать его и, переключившись на новый предмет (скажем, с самолета № 1 на самолет № 2), мгновенно полностью сосредоточиться на нем. Ему необходимо внимание гибкое, глубокое и хорошо управляемое. Такого внимания требуют от человека многие современные профессии.

То же самое можно увидеть у шахматиста, когда он ведет сеанс одновременной игры на 30 досках; если, подойдя к доске № 24, он будет думать о позиции на доске № 23, он проиграет обе партии, а заодно и остальные двадцать восемь. Однако опытный шахматный боец, обращаясь к очередному противнику, мгновенно и полностью углубляется в эту партию, и потому у него есть шанс ее выиграть.

Но разве каждому из нас не приходится ежеминутно делать по два-три дела сразу?

Ученику надо слушать учителя (раз), записывать за ним (два) и при этом думать (три). Некоторые же умудряются слушать учителя, записывать за ним да вдобавок время от времени перекинуться словечком с соседом по парте.

Остается лишь научиться делать все это талантливо, то есть полностью сосредоточиваться на каждом занятии и мгновенно переключаться с одного на другое.

Иными словами, надо научиться управлять своим вниманием.

•

Мы видим, замечаем и запоминаем только то, на что обращено наше внимание. А того, на что наше внимание не обращено, как бы и не существует для нас.

Это легко проверить: попробуйте сейчас перечислить авторов всех ваших учебников,— не каждый справится с этой задачей. А ведь вы ежедневно держите учебники в руках...

У одних людей внимание — вроде слабого электрического фонарика: оно выхватывает в окружающем очень немногое, да и то ненадолго — батарейка быстро садится, внимание угасает.

У других людей внимание — вроде уличного фонаря на высоком столбе: освещает все вокруг, но слабым, равнодушным светом.

У третьих внимание — прожектор; яркий, ровный, сильный и глубокий свет. Под таким светом разглядишь каждую мелочь, ничто не ускользнет от такого внимания.

Внимание появляется только вместе с интересом. По сути, это одно и то же. Вместо слов «обратить внимание» можно употребить слова «проявить интерес». Получится то же самое. Пропало внимание — значит, пропал интерес; пропал интерес — исчезло внимание. Если мы читаем книгу без интереса, то есть без внимания, значит, мы ее не читаем, мы просто сидим около раскрытой книги. Если мы на уроке и не слушаем внимательно учителя — значит, нет интереса, и, следовательно, мы в эту минуту где угодно, только не на уроке. Человеку кажется, будто он может учить географию и при этом слушать радио — на самом деле он или слушает, или учит, или не делает ни того, ни другого — его внимание рассеяно.

Рассеянные бывают разные. Во многих анекдотах описывают рассеянность ученых. Почему именно ученых? Потому что ученые часто так полно сосредоточиваются на своих научных размышлениях, что не замечают

происходящего вокруг них. Жюльверновский Паганель — самый внимательный человек на свете, только внимание его обращено на бабочек и только на них. Если бы ученый не умел так концентрировать свое внимание, он никогда не сделал бы никакого открытия. Открытия и вообще удачные мысли приходят в голову не случайно и не всякому человеку, а лишь тому, кто умеет сосредоточенно и подолгу думать на одну и ту же тему.

Но другой знаменитый рассеянный — тот, что жил на Бассейной улице, судя по всему, вовсе не был ученым. Вместо шляпы на ходу он надел сковороду отнюдь не потому, что в это время решал трудную математическую задачу (тогда Маршак не стал бы высмеивать его, и мы тоже не смеялись бы над ним). Он был просто рассеянный, без всяких причин, у него не хватало способности быть внимательным к своим занятиям. Даже для того, чтобы купить квасу, надо проявить некоторое внимание; рассеянный же с Бассейной был не способен на минимальное усилие — доподлинно известно, куда помчался за квасом несчастный.

Когда у нас пропадает внимание, когда оно рассеивается (как свет — свет тоже может быть рассеянный), мы вроде бы засыпаем. Глаза открыты, человек сидит, или идет, или слушает, или даже участвует в разговоре, а на самом деле он спит, дремлет. С той лишь разницей, что от настоящего сна человек отдыхает, набирается сил, а от такой полудремы ужасно устает.

Нет ничего утомительнее, чем усталость от рассеянности, от скуки, от дремоты. Усталость от работы, от размышления, от сосредоточенного внимания в конечном итоге укрепляет душевные силы человека, развивает их. Усталость же от невнимательности расслабляет наши способности.

Как бы нам научиться бодрствовать каждую минуту нашей жизни, каждую минуту быть на чем-то сосредоточенными, внимательными, чем-то заинтересованными? Внимание — жизнь, ясность сознания, энергия, невнимательность — сон, расслабленность, вялость мысли и чувства. Самые внимательные люди — это разведчики. Когда они идут в поиск, их чувства обостряются до невероятной степени. Ни одна мелочь не ускользнет от их внимания, и ничто не будет забыто. Все замечается и все запоминается. Как бы нам научиться быть разведчиками в обычной жизни?

Что ж, попробуем найти какой-нибудь подход к этой задаче.

Внимание человека может быть произвольным и непроизвольным. Непроизвольно мы все внимательны: идем в школу и вдруг увидели двух дерущихся собак. Интересно же! Остановились, забыли обо всем на свете, включая и школу: все внимание на собаках. Мы очень внимательны в этот момент, но кто хозяин нашего внимания? Случайно встретившаяся дворняжка... Разве это не обидно?

Но пойдем на урок, если мы в этот день доберемся до школы. Когда учитель рассказывает интересно, его легко слушать. Но, к сожалению, не все уроки одинаково интересны.

Да и в жизни не бывает так, чтобы все подряд было увлекательно, все само собой, без всяких усилий с нашей стороны приковывало к себе наше внимание.

Значит, надо тренировать именно произвольное свое внимание — то внимание, которому мы хозяева. Поэтому выберем для эксперимента самый скучный для вас урок и вот на нем-то и попробуем быть внимательными!

Внимание невозможно собрать до тех пор, пока вы не знаете, для чего вам нужно слушать и запоминать. Если бы вопрос шел о жизни и смерти (расскажешь урок — жизнь, не расскажешь — голова с плеч), то каждый, даже самый рассеянный ученик самым прекрасным образом запомнил бы каждое слово самого скучного урока!

Способность внимания есть, заложена в каждом из нас, но не все умеют ею пользоваться.

Для чего же слушать скучный урок?

Вот простое соображение. За десять лет учения в школе ученик посещает примерно 10 тысяч уроков (на самом деле немножко меньше, но это неважно).

Тот, кто учится в 6-м или 7-м классе, слушает сейчас шестую или седьмую тысячу уроков.

Могут сказать, что урок — пустяк. Но тысяча уроков — год. Год — это не пустяк.

Теперь представьте себе, что вы зря провели хотя бы два урока в день, продремали их, были невнимательны.

Во-первых, вы зря — без всякой пользы для себя — продремали треть или половину учебного года. Жалко.

Во-вторых, вы так привыкаете сидеть и слушать рассеянно, что потом не сумеете сосредоточиваться даже тогда, когда это вам будет жизненно важно. Внимание — как мускулы. Оно расслабляется, если его не тренировать.

Но внимание — коварная штука. Кажется, все силы собрал, напрягся до предела — и вдруг обнаруживаешь, что думаешь совсем не о том... Даже, бывает, на хорошем концерте начинаешь почему-то думать о посторонних вещах. Слушать очень трудно. Нельзя ли победить эту трудность?

Можно. Человек гораздо внимательнее, когда он сам что-то делает. Что же можно делать на скучном для тебя уроке?

Вот хорошее занятие, кстати сказать, крайне необходимое для подлинного внимания: слушая — думать! Думать именно о том, о чем говорит учитель.

Рассеянные бывают разные.

Мы подбираемся к самой сердцевине нашей задачи.

Быть внимательным, слушать с интересом — это значит думать о том, что рассказывают, а думать — значит задавать вопросы и отвечать на них.

Слово «думать» означает только одно: искать вопросы, потом искать ответы на них. Нет вопросов — не было никакого «думанья», была лишь опасная для человека сладкая дрема ума. Если вопросов нет, если вам «все понятно», значит, вы плохо думали на уроке, значит, были невнимательны, даже не спуская глаз с учителя.

Чтобы развить свою способность к произвольному вниманию, прикажите себе: после скучного урока я должен задать учителю два-три неглупых вопроса!

Тот, кто сделает это, может и не беспокоиться о внимании: он будет слушать учителя, не пропуская ни слова.

Если вы стесняетесь задавать вопросы вслух на уроке или после урока или почему-либо находите это неуместным, запишите их хотя бы в тетрадке.

Здесь нарочно не говорится о том, где и как искать ответ. С ответами все ясно. Были бы вопросы!

●

Сосредоточиться на рассказе учителя нелегко. Но еще труднее сосредоточиться на собственных мыслях.

На все у нас отведено время — на уроки, на гулянье, на умывание, на сон и на еду. Только на размышление времени нет!

Когда Константин Дмитриевич Ушинский, великий русский педагог, был юношей, он составил для себя распорядок дня, в котором был и такой пункт: с семи утра до восьми «думать о чем-нибудь дельном».

Многие люди совершенно неспособны к такому занятию. Мысль скачет с одного предмета на другой, от одного события жизни — к другому; происходит не движение мысли, а порхание. И никогда такой человек ни до чего дельного не додумывается.

Попробуйте быть внимательными к собственной мысли, попробуйте хоть раз в жизни сосредоточиться на каком-нибудь одном предмете и подумать о чем-нибудь долго — полчаса, час, день или неделю. О чем вы будете размышлять? Об интересной для вас лабораторной работе по химии, о книге, о причинах проигрыша наших футболистов в Мехико или еще о чем-то другом? Для начала важно одно: суметь сосредоточиться на предмете ваших размышлений и думать о нем хоть сколько-нибудь долго!

●

Опытные читатели — те, кто участвовал в двух первых экспериментах «Пионера»,— наверно, и сами догадались уже об условиях третьего эксперимента. Срок его — неделя.

В течение недели нужно каждый день выбирать самый скучный для вас урок и, собравши все ваши душевные силы, все способности, быть внимательными на этом уроке. Проверять же свой успех надо двумя способами:

1) По дороге из школы или вечером, в свободное время, попытайся пересказать объяснения учителя, не заглядывая в книгу.

2) После каждого такого урока надо записывать где-нибудь в тетрадке (может, завести особую тетрадь для экспериментов «Пионера») вопросы, которые у вас возникли.

И каждый день — в течение недели — вечером коротко описывайте то, что у вас получилось и было ли вам интересно. Начинайте опыт в любой понедельник, продолжайте его шесть дней, в воскресенье приведите записи в порядок, а в понедельник отправьте их в «Пионер».

На конверте поставьте наш девиз: «Учение с увлечением!».

Куда смотреть?

РАССКАЗ

А. ВЕРЕТЕННИКОВ

Рисунки М. ЧЕРНЯВСКОЙ.

Мой племянник Димка мучительно долго размышлял о чем-то, а потом спросил:

— Дядя Леша, вот когда по улице идешь, куда надо смотреть?

— Смотри, куда смотрится,— легкомысленно ответил я, уткнувшись в книжку. Однако видя, что мой ответ Димку не удовлетворил, оторвался от чтения.

— А что, это очень важно?

— Хочу знать... Вот вчера шли мы с мамой по улице, а там солдаты к параду готовились. На настоящих бронетранспортерах! Я засмотрелся и чуть не упал — споткнулся о край тротуара. Мама рассердилась и говорит: «Когда по улице идешь, надо под ноги смотреть, а не глазеть по сторонам». Ну, я и стал смотреть под ноги. Прошли немного, а мама опять: «Ну что ты там высматриваешь? Разогнись, горбатым будешь!» А сегодня утром, когда мама пришла из магазина, она сказала: «Ты, Димочка, когда по улице идешь, смотри по сторонам. А то вон Полина Ивановна, соседка, жалуется, что ты с ней не здороваешься и даже не замечаешь!» Так куда же смотреть?

А в самом деле, куда?

ХОЧЕШЬ БЫТЬ

О. ЖАДАН,
Ю. МАХОВ

Рисунки Г. МЕТЧЕНКО.

Володя пришел домой поздно, усталый.

— Что-то ты задерживаешься часто, — заметила мать. — Целыми днями на своем заводе пропадаешь...

— Дела, — ответил Володя, уплетая вкусные голубцы, — я же «прожекторист». Сегодня рейд проводили...

Саша удивленно посмотрел на старшего брата. Он знал, что Володя работает токарем.

— Вам что, в цехе прожектор поставили? — спросил он.

Володя засмеялся.

— Ну, нет, какой ты думаешь, не поставили. У нас прожектор не простой — комсомольский. Сокращенно «КП».

И Володя рассказал, где он пропадал весь вечер. «Прожектористы» на заводе решили проверить, как расходуется электрическая энергия. Ведь даже дома, если лампочка зря горит, старшие обязательно сделают замечание. А на заводе таких лампочек тысячи да еще станки, прессы, печи — и все они на электрическом токе работают. Аппетит у них к нему немалый, но когда это для дела нужно, — энергии не жалко. А вот если какой-нибудь неряха станок позабыл выключить или в целом корпусе завода свет не погасил, — обидно. Это и ущерб большой и неуважение к труду других людей.

Представь себе: пришли в тайгу люди, в морозы и в дожди, зимой и летом строили новую гидроэлектростанцию. Наконец перегородила плотина реку, заработали мощные турбины, пошел ток по проводам за многие тысячи километров в большой город. А здесь, на заводе, один растяпа лампочку не выключил, другой станок вхолостую гоняет... И выходит, что там, в тайге, какая-то турбина впустую крутится.

— Вчера двоим станочникам пришлось внушение сделать, — сказал Володя. — На первый раз. Не поможет — в сатирическом листке разрисуем и на самое видное место...

— «Прожектор» только на вашем заводе?

«ПРОЖЕКТОРИСТОМ»?

— Что ты! — улыбнулся Володя. — Недавно я был на одном совещании. На него съехались «прожектористы» всей страны. Я там с разными ребятами познакомился — из Сибири, с Украины, с Дальнего Востока. Много интересного они говорили...

Нет такой стройки, нет такого завода или предприятия, где бы не действовали отряды «прожектористов». При каждом комитете комсомола есть свой штаб «Комсомольского прожектора». И в каждом штабе выбирается командир «КП».

Как огня боятся «прожектористов» лодыри и разгильдяи. Но найти недостатки — еще полдела. У «прожектористов» есть лозунг: «Ни одного отстающего рядом!» Поэтому после каждого рейда они собираются на совет и сообща думают, как избавиться от недостатков, помочь отстающим.

— Видел я вчера, один токарь деталь на станке точил. Смотреть грустно. Деталь с наперсток, а стружки целая тележка. Можно было его отругать. Мол, что же это ты столько металла выбрасываешь? А «прожектористы» объяснили молодому токарю, как надо работать, научили правильно заготовку выбирать.

В прошлом году Центральный Комитет комсомола объявил всесоюзный рейд «Комсомольского прожектора» за скорейшее внедрение в производство новинок науки и техники. Ведь как бывает: чертежи нового станка готовы, а изготовление самого станка откладывается по различным причинам. Комсомольцы и проверяли, как поступает новая техника на заводы, что мешает новинкам заменять устаревшие образцы. Сотни тысяч комсомольцев активно участвовали в этом рейде. Трудно подсчитать, сколько после этого рейда заработало новых машин, автоматических линий. А когда «прожектористы» видели, что дело с места не сдвигается, они сами брались конструировать.

На совещании, о котором упоминал «прожекторист» Володя, рассказывалось об опыте работы «КП» Балтийского завода в Ленинграде. Этот завод строит суда. Новое судно спускают на воду с помощью специального сооружения, которое называется стапелем. Чтобы лучше скользило судно, дорожку покрывают насалкой. После насалку соскабливают. Труд и долгий и тяжелый. Несколько лет назад на заводе пытались создать машину для снятия насалки. Ничего не получилось. Тогда за дело взялись «прожектористы». Они пригласили нескольких молодых талантливых конструкторов, попросили их переделать чертежи. В конце концов машина была построена и заработала.

А недавно по решению XVI съезда комсомола организован «Комсомольский фонд экономии». Что это такое? А вот что. На стройках, на заводах, в колхозах «прожектористы» стали вести строгий учет всех сбереженных средств, электроэнергии, материалов. Многие комсомольцы завели свои, индивидуальные счета экономии. Так что сразу стало видно, какая большая польза от «Прожектора».

«Прожектористы» охраняют и родную природу, учат людей любить свой родной край. Комсомольцы Эстонии придумали красивые праздники «Ласточка», «Кукушка», «Лиса». В Вильяндисском районе они проходят каждый год. В эти дни ребята пишут о своих пернатых и четвероногих друзьях сочинения, поют о них песни, строят птичьи домики. Молодежь очистила овраг от кустарников, и теперь здесь будет парк, в котором каждый школьник посадит свое дерево. И заводилой во всех этих делах — «прожектористы».

— Ты сказал, везде «прожектористы» есть, — заметил Володе братишка. — А рыболовное судно в океане плывет. И на нем есть «Прожектор» тоже?

— Конечно, — ответил Володя.

— И на самолете?

— Есть «прожектористы» летчики, геологи, ученые, архитекторы... Словом, молодежь любой профессии участвует в работе «Комсомольского прожектора». Подрастешь, может быть, и тебя примут в «Прожектор»...

ЮРЬЕВСКАЯ ПРОРУБЬ

Ю. ВРОНСКИЙ

Рисунки С. ТРОФИМОВА.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Окончание

Глава одиннадцатая

Тайна кожаного мешка

Старший приказчик Георга Фекингузена доложил своему хозяину, что недосчитался в лавке одного нового кожаного мешка. Он сообщил также, что подозревает в краже младшего приказчика. Тот играет в кости, а игроки — самый ненадежный народ. Продувшийся игрок отца с матерью за два гульдена продаст — лишь бы было что поставить на кон. По мнению старшего приказчика, были основания предполагать, что мешок пропал из лавки не пустым, вряд ли кто-нибудь станет красть мешок ради самого мешка, в особенности если на нем оттиснут торговый знак известного купца. Решено было поручить Мартину следить за младшим приказчиком под видом помощи в лавке.

Никогда еще жизнь у дедушки не казалась Мартину столь невыносимой. С утра до вечера он торчал в лавке да еще, как и прежде, занимался науками. Теперь, когда их с Николкой связывала страшная тайна, ему еще труднее стало переносить одиночество. Его терзали угрызения совести, что по его вине на честного человека пало подозрение в воровстве.

Раза два в отворенную дверь лавки Мартин видел на улице Николку. Николка расхаживал перед их домом, скользя по окнам безразличным взглядом. Мартин сразу понял, что зачем-то нужен Николке. К сожалению, оба раза младший приказчик был в лавке, а при нем Мартин не решился выйти на улицу к приятелю.

Дедушка говорил, что очень хорошо, если купец с детства приучается к торговле, и особенно хорошо, если он начинает со службы в лавке, ведущей розничную торговлю: здесь он научится ценить каждый пфенниг. Со временем Мартин унаследует всю обширную торговлю Фекингузенов, имеющих отделения во многих городах, но он с благодарностью будет вспоминать то время, когда в нем вырабатывалась привычка уважать пфенниг, без которой нет настоящего купца. Мартин прятал глаза: боялся, что дедушка прочтет в них, сколь мало занимают его и лавка, и пфенниги, и вся торговля Фекингузенов, которую он со временем унаследует. Мартин был поглощен одним: как ему вырваться из лавки и увидеться с Николкой?

В конце концов Мартин решил отправиться ночью к собору и попытаться найти мешок. Если мешок снова окажется на месте, дедушка убедится в честности младшего приказчика и освободит Мартина от обязанности томиться в лавке.

И вот ночью Мартин в чулках спустился своим способом по лестнице, осторожно отодвинул засов и прошмыгнул мимо нижнего окна — здесь была комнатка старшего приказчика.

Он сто раз чуть не умер от страха, идучи к собору, но все же не отказался от своего предприятия. Мешок он нашел в шиповнике, и утром мешок лежал на том месте, откуда Мартин взял его накануне русского Нового года.

Действительно, на другой день дедушка сказал, что Мартину уже нет нужды находиться в лавке, пусть он побольше времени уделяет священному писанию и прочим наукам, дабы как следует подготовиться к поступлению в духовный коллегиум.

Мартин чувствовал себя победителем. Он преодолел страх, от которого руки и ноги делаются бессильными, словно тряпочные. Он был радостен и горд. Даже тревога, поселившаяся в нем с тех пор, как он стал невольным обладателем опасной тайны, спряталась, и он с легким сердцем мечтал о встрече с Николкой.

Он не мог знать о разговоре, происшедшем между дедушкой и старшим приказчиком в тот день, когда старший приказчик обнаружил злополучный мешок на своем месте. Старший приказчик сказал хозяину, что у него язык не поворачивается сообщить о своих новых подозрениях, но и молчать ему не позволяет долг старого верного слуги. Хозяин изъявил желание выслушать его, и вот что приказчик поведал. Страдая бессонницей, он по ночам от скуки иногда глядит в окно. Так было в ночь накануне того дня, когда обнаружилась пропажа мешка. Наступило полнолуние, и на улице было светло. Вдруг под окном промелькнул — кто бы вы думали? — Мартин! Невероятно, но это был он. Он возвращался откуда-то в три часа пополуночи! Старший приказчик был так ошарашен, что не поверил своим глазам. Он решил, что ему померещилось. Чего не бывает от бессонницы! Поэтому он в тот раз ничего не сказал хозяину. Но с тех пор он каждую ночь сидит у окна. И вот нынешней ночью он снова увидел Мартина — мальчик вышел из дому, примерно через час он вернулся, а наутро пропавший мешок оказался на прежнем месте!

Трясоголов спросил, не могло ли приказчику померещиться и в ту и в эту ночь? Приказчик ответил, что могло и именно поэтому, чтобы проверить самого себя, он после ухода Мартина пошел посмотреть засов. Засов был отодвинут. Приказчику не хотелось будить хозяина и устраивать переполох, к тому же засов мог остаться незапертым из-за простой оплошности. Он не тронул засова, а завязал дверь крепкой ниткой — такой, что не оборвется случайно. По возвращении Мартина нитка оказалась порванной! Старший приказчик показал обрывки. Трясоголов выразил удивление, что сам он, старый человек и тоже знакомый с бессонницей, ни в одну из этих ночей не слыхал скрипа лестницы, от которого, по его мнению, просыпаются и праведники в раю, когда кто-нибудь идет по ступеням. То-то и оно, что не по ступеням! Приказчик показал хозяину, как его внук ходит по лестнице. Приказчик был на редкость обстоятельный человек: когда Мартин вернулся, он тихонько вышел в прихожую и, не слыша скрипа, догадался, каким образом Мартин поднимается по лестнице. Утром он сам прошел по ней тем же способом — лестница и не скрипнула! Голова хозяина тряслась сильнее, чем обычно. Он спросил приказчика, что он об этом думает, и тот ответил:

— Я подозреваю, что младший приказчик вовлек ребенка в темные дела, может быть, держит его под страхом какой-нибудь угрозы, и несчастное дитя помогает ему в его плутнях.

Дедушка вспомнил лицо Мартина. Трудно представить себе, чтобы мальчик с таким простодушным лицом — слишком простодушным! — занимался плутнями. Если старший приказчик прав? Сколь же лукав его внук, раз он столь искусно носит личину простодушия! Неожиданно для себя старый купец не испытал при этой мысли огорчения. «Может, наша порода все же побеждает?» — подумал он с надеждой.

Сперва Трясоголов решил учинить внуку суровый допрос, но потом передумал. «Если он испугается и запрется, я своим допросом только помогу младшему приказчику замести следы,— рассудил старик,— лучше покуда делать вид, будто я ни о чем не подозреваю, и понаблюдать за ним и за Мартином».

Глава двенадцатая

Грамотка

— Значит, пиши,— говорил Николка Мартину, стоявшему на коленях перед сундучком.— Пиши так: магистр собирает сто тысяч войска и зимой, когда станет лед...

— Погоди, не поспеваю,— прервал его Мартин, выводя гусиным пером замысловатые готические закорючки.

Написав, он выжидательно поднял на Николку глаза. Тот посмотрел на строчки и сказал, что писать дальше. Грамотка получилась недлинная, на листке еще оставалось место. Николка попросил прочесть все целиком, и Мартин прочел:

— «Магистр собирает сто тысяч войска и зимой, когда станет лед, двинет всю силу на Псков».

Посмотрев на оставшееся место, Николка сказал:

— Добавь: изведу, говорит, Псков раз и навсегда!

Когда послание было закончено, Мартин подул на строчки, чтобы высохли чернила. Николка скатал листок в трубочку и вложил в стебло, потом размягчил в пальцах комочек воска и залепил отверстие, чтобы обезопасить грамотку от сырости. Он поймал сидевшего в малом отсадке голубя, и мальчики привязали свое письмо суровой нитью к хвостовым перьям.

Они спустились во двор. Николка сказал:

— Ну, с богом!

И бросил голубя в небо.

Раздалось громкое хлопанье крыльев, и сизый гонец, не сделав даже круга, умчался в сторону Пскова.

Глава тринадцатая

Осень

Миновал золотой сентябрь, и наступила самая унылая пора в году. Из Гнилого угла, задевая церковные шпили, ползли низкие мохнатые тучи. День и ночь из них сеялся дождь. Все было мокрое и блестящее: и черепичные крыши, и одежда людей, и конские спины, от которых валил пар. Блестела грязь на улицах, с каждым днем становясь все непролазнее.

Мартину приходилось много времени проводить за учением. Дедушка решил, что внуку необходимо как можно раньше поступить в духовный коллегиум, и Мартин целыми днями упражнялся в письме, высчитывал количество штук сукна, кругов воска, бочек пива и умножал все это на гульдены и пфенниги. Но больше всего он потел над изучением священного писания, ибо дедушка считал, что это самый надежный путь к спасению.

К Николке Мартин не мог приходить из-за чудовищной грязи, затопившей город. Однажды он не выдержал домашней тоски и рискнул отправиться в путь. Дело кончилось тем, что он потерял башмаки — сперва левый, а потом в поисках левого и правый. Попытки найти их ни к чему не привели, и он вернулся домой босой, заплаканный и грязный. Когда дедушка узнал о потере башмаков, у него так грозно затряслась голова, что Мартин подумал: хорошо быть мертвым и ничего уже не ждать! Глядя на дрожащего внука, дедушка решил, что теперь самый подходящий случай оглушить его неожиданным вопросом и вырвать признание. Он спросил:

— Так куда тебя посылал младший приказчик в этакую грязь? Не вздумай отпираться: твою вину может смягчить только чистосердечное признание!

Испуг на лице Мартина сменился таким неподдельным удивлением, что старый бюргер смутился. Он ясно видел: так притворяться невозможно. Старик представил себе, в сколь нелепом положении он оказался со своим коварным вопросом. И он принялся неуклюже бранить Мартина за потерю башмаков, чтобы заглушить невыносимое, непривычное чувство стыда.

Член Дерптского совета старейшин и один из самых богатых купцов Ливонии бесконечно долго укорял внука за потерю грошовых башмаков. Стыда он больше не испытывал. Почтенный бюргер говорил, что из Мартина не выйдет порядочного человека, что ничего другого и не следовало ожидать от потомства блудного сына и служанки ненемецкого происхождения, что только бережливость может сделать человека богатым и только богатство может сделать его свободным, но тот, кто выходит из дому в башмаках, а возвращается босиком, вряд ли приумножит славу торгового дома Фекингузенов, нет, гораздо вероятнее, что он пустит по ветру то, что накоплено неустанными трудами его предков, и т. д. и т. п.

Голова у дедушки тряслась почти постоянно, но сейчас казалось, будто, тряся головой, он дает понять, что заранее отметает какие бы то ни было попытки Мартина оправдаться. Ни один щеголь на свете никогда так не помнил своих лучших сапог, как запомнил Мартин эти ничем не замечательные башмаки, сшитые из самой дешевой, грубой кожи.

В конце октября ударили морозы и выпал снег. Мартину удалось сбегать к Николке. Как приятно было ступать новыми, жесткими подошвами по застывшим бороздам грязи или, разбежавшись, прокатиться по длинной замерзшей луже! Если бы ему пришло в голову оглянуться, он бы, возможно, заметил старшего приказчика, который следовал за ним в отдалении, перебегая от угла к углу. Но Мартин был весел и беззаботен, им владела только одна мысль: сейчас он будет в Русском конце и увидится с Николкой!

В этот день Мартин убедился, что чистые — действительно зимние голуби: они обрадовались зиме не меньше, чем он. Николка загнал других голубей и затворил окно, оставив на дворе одних чистых.

К стене было прислонено махало — длинный шест с тряпкой на конце. Николке не понадобился его обычный оглушительный свист, после которого у Мартина полдня звенело в ушах, он лишь тронул легонько махало. Голуби словно только этого и ждали. Они разом сорвались с приполка и маленькими кругами стали быстро набирать высоту, одновременно уклоняясь в сторону. Они поднимались все выше и выше и скоро пропали из глаз. Долго их не было видно. Неожиданно в просвет между лиловыми тучами проглянуло солнце, и мальчики снова увидели своих чистых. В холодных солнечных лучах голуби сверкали белизной.

Мартин напрасно радовался наступлению зимы. Николка заявил, что снег выпал на морозную, сухую землю и все равно растает. Правда, в этот же день судьба послала Мартину и утешение: Николкин отец обещал к началу настоящей зимы отковать Мартину коньки, такие же, как у Николки.

Дня через два и правда потеплело, между Мартином и его другом снова легла непреодолимая черная грязь. Теперь Мартин ждал «настоящей» зимы с особенным нетерпением: ведь когда она начнется, у него будут чудесные стальные коньки!

Глава четырнадцатая

Ледяная купель

Конек состоял из деревянной колодочки — подошвы, которую привязывали ремнями к башмаку или валенку, и врезанного в нее стального полоза. Он и в самом деле изображал коня с красиво выгнутой шеей и маленькой, изящной головой. Когда Мартин увидел коньки и понял, что они принадлежат ему, он чуть не задохнулся от счастья. Он немедленно привязал их к башмакам и походил в них по заснеженному двору Платоновых — к сожалению, больше с коньками делать было нечего, так как Омовжа еще не стала.

Дома Мартин спрятал подарок под кровать и, когда никого не было, вынимал его, чтобы полюбоваться. Однажды утром стекла оказались сплошь покрытыми морозным узором. Служанка сказала, что стужа — аж дыхание перехватывает! Мартин ликовал: теперь-то ре-

ка окончательно стала! Покончив с науками, он взял коньки и по морозцу весело зашагал в Русский конец. Навстречу ему шли горожане, которые были рады стуже не меньше, чем он, хотя и по другой причине. Теперь они могли красоваться в своих мехах, не страдая от жары и не истекая пòтом, как в летнее время.

По мехам можно было определить богатство и знатность: чем дороже мех, тем знатнее человек. Самые знатные и богатые были в кафтанах, подбитых мехом рыси, леопарда и куницы. Изредка случалось увидеть даже бобра. Горожане попроще тоже не желали ударить в грязь лицом, они наряжались в кафтаны на волчьем и лисьем меху. Много мелькало на улицах голубоватой новгородской белки. Ею были подбиты или опушены накидки, душегрейки, шубы и шубки городских красавиц не из самых богатых. Попадался еще один мех — овчина, но его носили отнюдь не из щегольства — это был мех бедноты, который служил лишь для защиты от холода.

У Платоновых Мартин узнал, что лед еще ненадежен и кататься на коньках рискованно. Мартин чуть не заплакал, а когда он увидел, что Николке и самому не терпится покататься, начал умолять его пойти на реку.

— Возле самого берега покатаемся немножко — и все!

Наконец Николка сдался, и мальчики отправились на реку. Омовжа была пустынна. Сизый лед, на который еще ни разу не выпадал снег, блестел, и было в этом блеске что-то угрожающее. Мартин и Николка почувствовали робость.

— Ничего... у самого берега,— пробормотал Мартин и стал привязывать коньки. Николка молча последовал его примеру. Они хорошенько привязали коньки — Мартин к башмакам, Николка к валенкам — и ступили на лед. Коньки покатились сами собой по неприметно наклонной от берега поверхности льда. Когда мальчики пробежали несколько шагов вдоль берега, возникшее было чувство опасности улетучилось. Николка начал показывать, как он катается задом, Мартин попробовал прокатиться так же и неуклюже поехал в сторону от берега. Вскоре он потерял равновесие и, запнувшись, прыгнул.

Через мгновение там, где был Мартин, зияла черная полынья, над ее поверхностью встала дыбом и снова опустилась небольшая льдина. По краю полыньи плыла шапка Мартина. Еще через мгновение над водой показалась голова, и Николка услышал, как Мартин шумно глотнул воздух. Вцепившись в край льда, он с ужасом и мольбой смотрел на Николку. Лицо Мартина запрокидывалось — течение тянуло его под лед.

Не долго думая, Николка скинул валенки, взял их в руки и побежал к полынье. Не добежав до нее нескольких шагов, он лег на брюхо и пополз.

— Держись, Мартын, держись!

Он протянул Мартину валенок с привязанным коньком, и Мартин судорожно ухватился за выгнутую конскую шею. Николка скользнул по льду к полынье.

— Не дергайся! — прикрикнул он на Мартина и добавил:

— Ничего, ничего, сейчас...

Он тянул, как мог, упираясь в лед свободной рукой и коленями. Но лед был скользкий, и, сделав неловкое движение, он легко соскользнул назад к полынье. Вскоре, однако, руки Мартина до самых подмышек лежали на льду, и он уперся грудью в край полыньи.

Николка дотянулся до второго валенка с привязанным к нему коньком и продолбил углубление во льду. Он зацепился коньком за это углубление и начал понемногу вытаскивать Мартина.

Мартин так окоченел от холода и страха, что, оказавшись на льду, не мог даже отвязать коньки — пальцы были как чужие. Он попытался что-то сказать, но губы только беспомощно дергались, и слышалось бессмысленное «ва-ва-ва-ва». Николка отвязал коньки Мартина и снова пополз к полынье, чтобы выловить шапку. Мартин в ужасе закричал свое «ва-ва-ва», и Николка, обернувшись, сказал:

— Что «ва-ва-ва»? Трясоголов с тебя шкуру спустит. Вчера башмаки, сегодня шапка...

Шапка делала очередной круг по полынье вдоль

Николка протянул
Мартину валенок
с привязанным коньком.

кромки льда. Дождавшись, пока она подплывет, Николка выловил ее.

По дороге Мартин еле плелся. Николка взял его за руку и заставил бежать.

Увидев Мартина, Николкина мать всплеснула руками.

— Батюшки! Нелегкая понесла вас на реку! Ну, полезай на печь! А кафтанчик-то сними! Да разуйся!

Мальчики влезли на печь. Печь была горячая, натопленная по-зимнему. Николка накрыл Мартина старым тулупом. Через некоторое время из-под тулупа послышался голос:

— Жарко...

— Это хорошо, терпи! — ответил Николка.

Наконец он позволил Мартину вылезти из-под тулупа, и они уселись рядом на куче старой одежи. Каждый раз, как друзья оказывались на печи, они начинали шептаться. Николка пошутил, что Мартин опередил в этом году всех русских — уже купался в Иордани. Мартин не понял, и Николке пришлось объяснить:

— У вас, у немцев, свои немецкие праздники, а у нас свои, русские. Вот, к примеру, скоро Николин день. В этот день у нас мужчины мед-пиво пьют, а женщины печальные песни поют. Тут и мои именины. В конце декабря рождество — через несколько дней после вашего. За рождеством пойдут святки. Тут самое веселье: гадания, плясания, ходим по соседям Христа славить, нам за это кто плюшку, кто ватрушку, кто пирог, а кто и денег чуток. Вечером все, кому не лень, и молодые и старые, наряжаются, кто во что горазд: один в немецкое платье, другой в женское, третий в вывороченную шубу, как будто черт. Иной еще и рога прицепит. Личины разные надевают — кто страшные, кто смешные... Игры начинаются: жмурки, пятнашки, прятки.... Хохоту!.. Страсть до чего люблю в жмурки играть! Святки пролетят и не заметишь! А там опять праздник — крещение, самые лютые морозы. К крещению прорубь готовят — нарочито для купания. Вот эта-то прорубь и называется Иордань. Перед тем как купаться, мы над ней голубей выпускаем. Все, кто рядился, личины надевал или гадал, купаются в этой проруби. Не только они, купается каждый, кому охота, но эти-то уж обязательно. А кто на святках больше всех веселился? Ясное дело — мы, мальчишки! Значит, мы первые купальщики! Все лезем в воду, разве только хворые какие... А иной хворый, если не побоится в прорубь влезть, так с него любую хворь как рукой снимет!..

Слушая рассказ о крещенском купании, Мартин с ужасом вспоминал ледяную купель. Неужто Николка не смеется над ним и у русских действительно есть такой невероятный обычай?

— Ты не шутишь? Ты правда будешь купаться?

— А как же! — отвечал Николка.— Первый полезу!

— А можно прийти посмотреть, как вы будете купаться?

— Можно! Отчего ж нельзя?

И Мартин решил, что непременно своими глазами увидит это зрелище: как в лютый мороз люди сами, по доброй воле лезут в ледяную воду. Когда он ушел, Николка сказал матери:

— Эх, жалко, Мартын не нашей веры! Были бы мы с ним как братья!

Глава пятнадцатая

Рождественская ярмарка

Приближалась рождественская ярмарка. Задолго до ее открытия в Юрьев всегда наезжало великое множество русских торговых людей из Новгорода и Пскова. Русскую речь можно было услыхать в любом уголке города, в лавке и в мастерской ремесленника, в медоварне и в пивном погребке. Но нынче даже в день открытия ярмарки на Большом рынке не было ни одного купца из Новгорода или Пскова. А ведь Юрьев Ливонский жил и богател именно торговлей с Русской землей!

Лишь по прошествии первой ярмарочной недели появилось несколько новгородцев да один пскович. Товару привезли самую малость — дорожных расходов не покрыть. По городу ходили без обычной веселой развязности, все будто опасались чего-то, к чему-то приглядывались.

Для дерптских купцов да и для ремесленников такая ярмарка была тяжелым ударом по мошне. Немцы были злые, как собаки, и срывали злобу друг на друге. Поползли слухи. Говорили, что недруги дерптских купцов загодя пустили по Новгороду и Пскову молву, будто магистр Ливонского ордена собирается напасть на Псков со стотысячным войском. Ему-де и горя мало, что недавно заключен мир,— так, мол, даже лучше: неожиданность нападения сулит успех! А нужна эта клевета врагам дерптских бюргеров затем, чтобы напугать псковских и новгородских купцов: кто же поедет торговать, раз предстоит война!

Другие утверждали, что это отнюдь не клевета, что все так и есть, не такие простачки живут во Пскове, чтобы из-за одних только слухов посылать в Москву и Новгород за помощью, день и ночь ковать оружие, укреплять стены и башни вокруг всего огромного города и запасаться продовольствием!

Третьи сообщали, что магистр в ярости: столько истрачено на снаряжение похода — и зря! Ведь суть плана состояла в том, чтобы застать русских врасплох. Иные добавляли, что магистр сказал: если он сыщет того, кто выдал русским тайну, то повесит его за ноги — пусть висит, пока не сдохнет!

А иные, то и дело оглядываясь, шептали соседу или приятелю на ухо, что дерптский епископ подкуплен русскими, что он их давний соглядатай и что это он известил псковичей о предстоящем нападении. Для этого ему даже не пришлось посылать человека: он тайно держал в замке привезенных из Пскова голубей и, когда понадобилось, отправил их туда с вестью.

Город гудел, как растревоженный улей. Одних предстоящая война огорчала, других — радовала, иные дивились тому, что она до сих пор не началась, а некоторые говорили, что она и не начнется, потому что план магистра фон дер Борха раскрылся слишком рано. Все чаще высказывалось мнение, что предупредили псковичей, по всей вероятности, здешние русские. Многие были убеждены, что приехавшие на ярмарку русские — лазутчики и их не мешало бы схватить. Тут выяснилось, что их в Юрьеве уже нет. Они распродали свой немногочисленный товар и убрались восвояси.

В довершение всего однажды утром возле Домского собора нашли тело соборного сторожа с отрубленной головой. Многие горожане были уверены, что убийство совершили русские, а кто в этом сомневался, тот получал множество доказательств, одно другого убедительнее. Насчет того, кто убил соборного сторожа, у Мартина с Николкой было свое мнение, но они держали его при себе.

Мартин рассказывал Николке все, что ему случалось услышать от прислуги или от приказчиков, от дедушки или от посторонних на улице. Русский конец тоже был полон слухов, однако то, что вызывало у немецких жителей гнев или удивление, у русских рождало предчувствие надвигающейся беды.

Мартина теперь не оставлял сосущий страх. Зашевелилась слепая могущественная сила, обитавшая, как полагал Мартин, в епископском замке. Она вот-вот прозреет, угадает и накажет тех, кто помешал осуществлению ее жестокого замысла. Иногда Мартину чудилось, что даже дедушка — частица этой темной, безжалостной силы. Однажды Мартин сказал Николке:

— Я боюсь... мне все кажется, что они узнают про нас...

— Чудной ты, Мартын! Да как же они узнают? Если мы сами им не скажем, ничего они не узнают!

Несмотря на бодрый голос Николки, Мартину показалось, что и в Николкиной душе поселился страх.

Шла к концу вторая неделя ярмарки, когда в Юрьев вдруг приехал Трифон Аристов. Был он по-прежнему весел духом, а товару привез много больше, чем обычно. Весь товар он продал в один день, с большим барышом и, как всегда, загулял. При встрече с Варфоломеем он сказал:

— Ну, рассказывай, как узнал про ихнюю затею?

— Про какую затею? — спросил Варфоломей.

— Как «про какую»? Да про магистров поход!

— Что ж тут узнавать,— отвечал Варфоломей,— все только об этом и говорят.

— Молодец, что поспешил известить,— сказал Трифон,— мы все успели: и в Венден, где магистр обитает, лазутчиков отправили, и за помощью послали. Теперь новгородское войско уже во Пскове, а московское на подходе. Да. Магистр, когда понял, что не с одним Псковом будет иметь дело, чуть не лопнул от злости. Пришлось ему распустить наемников. Шутка ли, такую ораву кормил впустую!

Варфоломей слушал Трифонову речь, и на лице его появлялось недоумение. Наконец он прервал Трифона:

— Постой! А ведь я тебя ни о чем не извещал.

— Здравствуй, сват, новые лапти! — сказал Три-

фон.— Прислал мне письмо с моими голубями и теперь от меня же хоронишься! Уж не боишься ли ты, что я побегу доносить на тебя? Ты, как видно, того...

— Это ты «того»! Никаких писем я тебе не посылал!

— Брось шутить, Варфоломей! — сказал Трифон.— Сын твой, что ли, послал? Ты мне загадок не загадывай. Да. Я и так поломал голову: почему, думаю, Варфоломей только пятерых голубей отпустил? Сперва решил, что летели все шесть, да одного сокол ударил. Потом думаю: нет, не может быть, чтобы сокол ударил самого сильного! Что-то тут не так. И когда через несколько дней пришел шестой, я сразу понял, что он с важной вестью. Поглядел, а при нем грамотка...

— Какая грамотка? — закричал Варфоломей.

А Трифон продолжал:

— Только не пойму, зачем ты написал ее по-немецки?

— По-немецки? — переспросил Варфоломей.

Трифон пристально посмотрел на друга и сказал:

— Ну, будет об этом. Поговорили, и хватит.

Он был оскорблен непонятной скрытностью Варфоломея, но потом в его сердце закралась тревожная мысль: а не спятил ли его друг за то время, что они не виделись? И он спросил как можно спокойнее:

— Как у тебя идут дела?

— Нет, погоди,— сказал Варфоломей.— Помнится, когда я выпускал голубей, их и правда было пять. Еще Николка сказал, что ненароком упустил одного. А ты случаем не путаешь — может, сперва один прилетел, а пять-то уж после?

— Я никогда ничего не путаю,— отвечал Трифон.— И не желаю больше говорить об этом...

— Погоди,— снова сказал Варфоломей.— Позовем Николку...

Явившийся на зов Николка поведал все, как было, даже объяснил, почему не открылся отцу. Трифон заключил его в свои медвежьи объятия и расцеловал.

— У тебя не сын, а золото! — закричал он Варфоломею.— Возьму-ка я его с собой во Псков! Поедешь со мной, а?

Едва не задохнувшийся в его объятиях счастливый Николка посмотрел на отца. Трифон тоже взглянул на Варфоломея.

— Отпустишь со мной сына?

— Пусть едет, коли хочет,— заслужил.

— Значит, после крещения и поедем,— сказал Трифон.— Поглядишь на Псков-город, на Русскую землю... А если понравится тебе мое беспокойное ремесло, будем вместе по морям-озерам плавать, по дорогам колесить.— И Трифон снова обратился к Варфоломею: — А насовсем отпустишь со мной сына?

— Отчего ж, пусть едет, коли есть охота.

В тот же вечер Николка уговаривал Мартина ехать вместе с ним и Трифоном во Псков.

— Не бойся,— убеждал Николка друга,— Трифона я упрошу, Трифон добрый, он тебя возьмет! Дедушка не отпустит? А ты убеги! Зато как бы хорошо вместе-то, а? Убеги — и все!

— Не знаю,— отвечал Мартин.

Он колебался. Это было очень соблазнительно — вместе с Николкой удрать куда-нибудь подальше от космато, темной силы, гнездящейся за глухими стенами замка...

Глава шестнадцатая

В опочивальне епископа

За глухими стенами замка в опочивальне епископа в тот вечер тоже беседовали двое. Собеседников разделял стол, уставленный яствами и бутылями в камышовой оплетке, тускло блестели два тяжелых серебряных канделябра с толстыми свечами.

Один из собеседников покоился в удобном кожаном кресле. Он был в стеганом халате из черного шелка, потертом и засаленном, и в маленькой шапочке на розовой лысине. Гладко выбритое лицо напоминало грушу. Над толстыми губами нависал нос ало-сизого цвета, который повторял очертания лица. Маленькие глазки, близко посаженные к носу, придавали этому человеку сходство с медведем. Это был епископ дерптский.

Напротив него на резном дубовом стуле сидел мужчина могучего телосложения. На нем был голубой камзол из дорогого сукна, расшитый золотом, и высокие сапоги. Медно-красное лицо его обрамляли длинные черные волосы. Он то и дело подкручивал усы. Это был Томас, любимец епископа, его слуга и наперсник, друг покойного соборного сторожа.

В глубине опочивальни стояла необъятная кровать под парчовым пологом. Отблеск свечей искрился в золотых и серебряных нитях парчи. Епископ предпочитал беседовать в опочивальне, а не в кабинете или в какой-либо другой из многочисленных комнат замка, потому что здесь была кровать, нужда в которой к концу беседы сильно возрастала. Он не хотел доставлять преданному слуге и лучшему другу лишней работы по переноске своей особы через переходы, лестницы и коридоры. Кроме того, он считал, что здесь он надежнее огражден от нескромных ушей.

— Пойди посмотри, не стоит ли кто-нибудь за дверью,— сказал епископ.

Когда Томас вернулся, епископ спросил его:

— Ты ведь знаешь, как ненавидит меня совет городских старейшин, особенно Трясоголов, которому я помешал по твоей просьбе стать бургомистром?

— Еще бы мне не знать,— вздохнул бывалый воин,— сколько раз я просил у вашего преосвященства дозволения снять голову с этого старого негодяя. Она у него так трясется, что, ей-богу, ему просто в тягость носить ее на плечах!

— Я понимаю твои благородные порывы,— ласково сказал епископ,— но если в Ливонии лишить жизни всех, кто этого заслуживает, мы рискуем остаться с тобой вдвоем!

Томас снова вздохнул, а епископ продолжал:

— Совет старейшин счел своим долгом известить меня, что их соглядатай, находящийся во Пскове и приезжавший на ярмарку под видом псковского купца, доложил совету старейшин, что во Псков еще в начале сентября прилетел голубь с письмом, написанным по-немецки. В письме говорилось, что магистр фон дер Борх готовит нападение на Псков. По мнению соглядатая, голубь выпущен в Русском конце Дерпта. Наводит на размышление, что письмо написано по-немецки, но это, полагает соглядатай, хитрость. Думаю, что старейшины сочли своим долгом сообщить мне это, поскольку уверены, что я и сам уже все знаю,— у меня ведь есть верные люди во Пскове. Однако от них почему-то до сих пор нет никаких известий...

Томас только усмехался про себя. Пусть думают, что письмо послали русские. Тем лучше. Ему-то известно, кто послал письмо! Когда пошли разговоры насчет голубей, он сразу смекнул, что это — дело рук соборного сторожа. Проклятый шкуродер, готовый душу дьяволу продать за десять гульденов! Любопытно, сколько он должен был получить от благодарных псковичей? Этого Томас уже не узнает — он собственноручно заставил навсегда умолкнуть хитрого и коварного ростовщика, оказавшегося к тому же псковским соглядатаем.

— Ты тоже думаешь, мой Томас, что письмо было послано из Русского конца? — задумчиво спросил епископ.

— Без сомнения, ваше преосвященство! — подтвердил Томас.

— Но откуда в Русском конце могли узнать о замысле магистра? И так скоро!

— Да,— сказал Томас,— буквально через несколько дней после того, как к нам приезжал орденский ландмаршал!

— Темное дело,— покачал головой епископ.— Может, кто-нибудь из моих монахов подслушал наш разговор с ландмаршалом и за хорошие деньги пересказал его русским?

— Весьма возможно,— охотно согласился Томас.
— А может, городские старейшины узнали об этом разговоре от моих монахов и сами известили псковичей? Ведь им, толстосумам, от войны одни убытки.
— Вполне вероятно, ваше преосвященство,— подхватил Томас.— Эти люди ради корысти отца родного не пощадят!
— Да, ты прав, мой друг,— вдохновенно произнес епископ,— корысть разъедает Ливонию. В этой дикой стране никому нельзя доверять. Здесь даже немец превращается в свинью! Не каждый, разумеется! Но разве мы не были свидетелями того, как здешние молодые люди из хороших семей уходят на службу — к кому! — к Московскому князю!
— Святая правда, ваше преосвященство! — с жаром заговорил Томас.— Многие немцы, вместо того чтобы онемечивать эстонцев, сами готовы раствориться среди них. К примеру, сын Трясоголова — несмотря на закон о запрещении, он женился на эстонке, и теперь ублюдок от смешанного брака унаследует все богатства Фекингузенов. Ведь его уже нельзя считать немцем! Этак со временем все бюргеры будут эстонцы!
— Да, да, ужасно,— вздохнул епископ.— Налей-ка нам рейнского. Ах, милый Рейн, добрая старая Вестфалия!
Томас наполнил золотой кубок искусной работы, стоявший перед епископом, а потом — свой серебряный, с позолотой.
— Да, ваше преосвященство, прекрасен мир, созданный господом богом, но наша Вестфалия в нем — самая драгоценная жемчужина! За возвращение в милое отечество!
— Ты, быть может, еще и увидишь прозрачные волны Рейна,— а я... я так и умру в этой невежественной стране...
Епископ умолк, казалось, он вот-вот заплачет.
— Гоните мрачные мысли, ваше преосвященство,— начал Томас утешать своего господина, однако епископ осушил кубок, и мужество вернулось к нему. Он сказал:
— Но мы не имеем права унывать! Конечно, легче всего отказаться от бесконечных изнурительных усилий, которые иногда начинают казаться бесплодными, и вернуться в милое отечество. Но ведь сюда сразу придут русские, и бедных ливов, эстонцев, латышей и прочих никогда уже не озарит свет истинной католической веры. Можем ли мы оставить этот несчастный народ коснеть в язычестве и невежестве?
— Никогда, ваше преосвященство.
Епископ задумался, и Томас не мешал ему, он сидел, не шелохнувшись, пока епископ не заговорил снова:
— Все-таки не купцы, я полагаю, известили Псков. Эти бюргеры слишком трусливы, чтобы решиться на подобное деяние...
— Да, ваше преосвященство, они безмерно трусливы С их трусостью соперничает только их жадность!
— Налей-ка нам вон из той бутылки,— сказал епископ,— это греческое вино — большая редкость в Ливонии. Признаться, я нисколько не огорчен, что замысел фон дер Борха сорвался. В душе я был против этой войны, ибо не верил, что магистру удастся разгромить Псков. Такие попытки предпринимаются уже давно и каждый раз с одинаковым успехом. Магистр только разорил бы окрестности Пскова, а русские, в свою очередь, разорили бы земли моего епископства, возможно, даже осадили бы Дерпт. Однако мне пришлось вступить в союз с магистром, потому что он пошел бы на Псков и без моих рыцарей и дворян и все кончилось бы тем же походом псковичей в мои земли, только тогда бы я не смог обратиться к магистру за помощью.
Томас молчанием выразил согласие, а епископ продолжал:
— Так что русские голубятники, если они замешаны в это дело, не причинили мне ущерба, даже напротив. Но я не могу оставить их поступок без последствий — русские должны помнить, что живут в моем городе, и надо дать им острастку.
Епископ помолчал и продолжал:
— Завтра у русских праздник, самые ревностные выйдут крестным ходом к проруби на Эмбахе совершать обряд водосвятия. При этом все голубятники непременно явятся туда со своими голубями и выпустят их над прорубью, называемой Иордань. Ты знаешь, что у русских есть варварский обычай сразу после этого купаться в проруби...
— Тут-то мы их и искупаем! — радостно завопил Томас.
Епископ досадливо поморщился:
— Напротив, мы не допустим купания и лишний раз помешаем их стараниям склонить эстонцев к своей вере. Несчастные туземцы видят в этом нелепом обычае подвиг благочестия, и мы должны всячески препятствовать этим купаниям. К тому же ты забываешь, мой дорогой, что, кроме наказания русских, у меня есть еще одно дело, гораздо более важное.
— Какое? — тупо спросил Томас.
— Я хотел бы выяснить, от кого они узнали о походе.
— Ах, правда, ваше преосвященство, я совсем забыл!.. Поручите это мне: я их так сожму, этих русских, что они у меня между пальцами потекут! Я выдавлю из них все, что нужно!
— Ты понял меня правильно,— сказал епископ.— Рыцари препроводят их в темницу, и тут они поступят в твое распоряжение. Дальнейшее будет зависеть от результатов допроса.
— Понятно, ваше преосвященство,— воскликнул старый воин,— теперь мне все понятно!
— Беседовать с тобой — истинное удовольствие, хотя ты и не учился ни богословию, ни риторике, ни другим наукам. Ты понимаешь меня с полуслова, а это здесь такая редкость.

Глава семнадцатая

Иордань

От русских ворот по дороге к реке Омовже медленно двигалась вереница людей. Сквозь морозную мглу проглядывало красное, точно раскаленная сковорода, солнце, на которое можно было смотреть не щурясь. Люди оделись по-праздничному. На многих были шубы и тулупы, покрытые заморским сукном разных цветов. Цветные кушаки украшали нагольные тулупы и полушубки тех, кто победнее. На головах у женщин и девушек пестрели кики и кокошники, расшитые шелком или бисером, а у некоторых — и жемчугом с самоцветами и янтарем.
Впереди староста, дородный мужчина с длинной пшеничной бородой, и Трифон Аристов несли большую икону Богоявления. Трифон был в кафтане ярко-красного ипрского сукна на бобре. Позади них над шествием покачивалось несколько хоругвей. Рыжебородый мужчина нес крест из кипарисового дерева. В толпе были и Платоновы. Николка и его отец, подобно многим русским, несли садки с голубями. Рядом с Николкой шла мать, держа на руках Саввушку.
В хвосте шествия шагал высокий худощавый юноша с серебряным вызолоченным блюдом, на котором лежал серебряный крест, а замыкал шествие отец Исидор в торжественном облачении. На нем была иссиня-малиновая бархатная шапочка, закругленная сверху, подобно яйцу, и одеяние из серебряной парчи с высоко поднятым сзади воротником. Все мужчины, кроме отца Исидора, шли с непокрытыми головами. Бороды их были белы от инея. Это был крестный ход, который направлялся к черневшей на реке проруби для свершения обряда водосвятия.
Тем временем из Монашеских ворот вышел отряд рыцарей епископа. По случаю немилосердной стужи на них не было ни шлемов, ни лат — они были в меховых шапках и шубах. Вооружение их состояло из копий и мечей. Рыцари, числом около сотни, направились в сторону той же проруби, что и русские.
Когда они подошли, песнопение и чтение евангелия уже заканчивались. Русские давно заметили приближающийся отряд, но делали вид, что появление рыцарей их нисколько не трогает, дабы не нарушать благолепия обряда. Лишь некоторые испуганно косились в сторону

— Я хотел поговорить с тобой начистоту,— начал дедушка.

нежданных зрителей. С приближением рыцарей в морозной тишине нарастал сухой скрип снега под сапогами. Пришедшие начали окружать русских.

Отец Исидор, не обращая внимания на рыцарей, взял с вызолоченного блюда серебряный крест и опустил его в прорубь. Когда он поднял его высоко над собой, церковный служка стал ловить капли воды, падавшие с креста, в красивый серебряный сосуд с двумя ручками. Тут все, у кого были голуби, открыли садки. Послышалось хлопанье крыльев, похожее на рукоплескание толпы, и вот уже над рекой кружило множество голубей. То поодиночке, то стайками, они улетали домой, туда, где из-за городской стены поднимались прямо в небо дымки невидимых отсюда изб Русского конца. Скоро в небе над студеной Иорданью не осталось ни одного голубя.

Люди, которые смотрели им вслед, уже не могли вернуться домой. Они были отделены от дома цепью краснорожих бритых рыцарей. Кое-кто начал раздеваться, чтобы по обычаю окунуться в прорубь, но начальник отряда пролаял приказание, и русских погнали к городу.

Когда гонящие и гонимые подходили к Монашеским воротам, из ворот показался Томас и еще двое воинов. В руках у них были узлы с подсвечниками, паникадилами и прочей церковной утварью. Томас в одной руке держал большой узел, а в другой — серебряную лампаду.

Проходя мимо него, Трифон Аристов внезапно остановился как вкопанный. Остановились невольно и все шедшие за ним. Вдоль вереницы людей полетели немецкие ругательства. Рыцарь, который был ближе всех к Трифону, изо всей силы ткнул его в спину древком копья. Трифон не пошевелился, точно не почувствовал. Он, не отрываясь, смотрел на лампаду. Все, кто находился поблизости, тоже узнали ее. Это была лампада Николы Чудотворца, сделанная Варфоломеем Платоновым по заказу Трифона Аристова.

Как зачарованный, Трифон шагнул к Томасу. Рыцарь попытался древком копья отбросить Трифона назад. Но Трифон, как бы не замечая, оттолкнул рыцаря, и тот упал в снег. Теперь никто не мешал Трифону, и он подошел к Томасу, глядя то на лампаду, то на грабителя, который был весьма высок ростом и, как дуб, возвышался над ним. Удар пришелся куда-то между ухом и виском. Что-то хрустнуло, челюсть Томаса отвалилась и снова захлопнулась, точно волчий капкан, а сам он, запрокинув голову, повалился на снег. Ноги его согнулись было в коленях, но тут же судорожно вытянулись и замерли.

Тем временем рыцарь, которого оттолкнул Трифон, поднялся на ноги и с яростным рычанием бросился к нему. Но его опередил другой рыцарь. Он пронзил Трифона копьем.

На снегу рядом с лучшим другом епископа лежал великий грешник Трифон Аристов. На нем не было видно крови, потому что он был одет в кафтан ярко-красного сукна. Но на снегу все шире расплывалось пятно того же цвета, что и кафтан.

Проходя под сводом ворот, Николка вспомнил, как они с Мартином всегда кричали в подворотне, чтобы получить ответ от каменного свода. Но это было что-то бесконечно далекое, к чему уже не могло быть возврата.

Русских гнали в городскую темницу, находившуюся неподалеку от Большого рынка. Мало было сочувственных взглядов, гораздо больше злорадствующих и жадно-любопытных. Лишь изредка в светлых глазах какой-нибудь служанки из чуди или извозчика из латышей мелькало испуганное сострадание. Впереди и позади шествия бежали ребятишки с криками: «Смотрите! Смотрите! Русских поймали! Русских ведут!» А кто-то вопил во все горло: «Русские рыцаря убили!»

Когда пленники спускались по узенькой каменной лестнице в подвал, рыцари зорко осматривали каждого, срывали с женщин кокошники и кики, расшитые жемчугом и каменьями, и меха подороже. Забрали они и серебряный сосуд у церковного служки, и позолоченное блюдо с серебряным крестом у худощавого юноши, и все, что в их глазах представляло ценность.

Затворилась тяжелая, окованная дверь, лязгнул засов, зазвенели ключи, и русские остались в подземелье со сводчатыми стенами и единственным крохотным окошком почти под потолком. Здесь им предстояло провести неизвестно сколько времени в ожидании неведомого.

Глава восемнадцатая

Мартин признается

В тот день Мартин оделся потеплее и отправился на реку поглядеть, как Николка и прочие русские будут купаться в проруби. Он издали смотрел на крестный ход и водосвятие и видел, как рыцари окружили русских и погнали их в город.

Он следовал в отдалении за шествием, над которым покачивался лес копий и хоругви, видел, как все остановились и как после заминки рыцари понесли вслед за шествием кого-то огромного в голубой одежде, а двое поволокли в противоположную сторону, к проруби, безжизненное тело в красном кафтане.

Вереница людей начала втягиваться в Монашеские ворота. Мартину удалось разглядеть среди идущих Николку, но Николка не смотрел в его сторону. Следуя за шествием, Мартин проводил его до темницы.

За обедом он не мог проглотить ни кусочка. Трясоголов пристально наблюдал за ним. Таким, как сегодня, он внука еще не видел, хотя давно заметил, что с ним творится неладное. Мартин явно был «не в себе» с тех пор, как открылась эта злополучная ярмарка. Сегодня схватили русских во время исполнения праздничного обряда. Но что до всего этого Мартину? Старший приказчик выяснил, что Мартин дружит с сыном русского серебреника, мальчишкой того же возраста, что и он сам. Ничего подозрительного приказчику заметить не удалось — мальчики играют, гоняют голубей. Почему же Мартин принимает так близко к сердцу дела, которые должны занимать государственных мужей, но отнюдь не мальчишек? Гоняют голубей... Соглядатай из Пскова говорил, что голубь, принесший во Псков письмо с сообщением о планах фон дер Борха, отправлен не иначе, как из Русского конца, хотя письмо и написано по-немецки... Что ж, возможно даже, что письмо было послано из того именно дома, где живет дружок Мартина. Но смешно предполагать, что русские посвятили в свои тайны немецкого мальчишку и вот теперь он боится, как бы это не открылось. Так можно пойти дальше и предположить, что они с какой-то загадочной целью поручили именно ему написать это письмо во Псков! Трясоголов усмехнулся. Все это чепуха, конечно, но, как бы то ни было, у Мартина есть своя тайная жизнь, связанная с русскими. Однако не следует торопиться, дабы не допустить оплошности, как в прошлый раз, когда возникли ложные подозрения относительно младшего приказчика.

На следующий день судьба послала Трясоголову улику, вещественное доказательство чересчур тесной дружбы его внука с русскими: служанка во время уборки извлекла из-под кровати Мартина коньки. Они были явно русской и притом превосходной работы. Такие коньки задаром не дадут, Трясоголов был убежден в этом. Его жгло тревожное любопытство: за какие услуги получил их внук?

После обеда Мартин, как обычно, стоял в столовой, облокотясь на стол и уставившись в библию. Взгляд его был тупо неподвижен. Он вздрогнул, когда служанка окликнула его, однако не проявил удивления, узнав, что дедушка зовет его в спальню. Он вяло поднялся по лестнице и остановился у двери с равнодушно-вопросительным видом. Дедушка сидел на стуле возле кровати Мартина и пригласил его сесть рядом.

— Я хотел поговорить с тобой начистоту,— начал дедушка.— Залог хорошего будущего в правильном прошлом. Неисправленные ошибки прошлого могут жестоко отомстить в будущем.

Мартин молчал, глядя куда-то вдаль.

— Я узнал, что ты ходишь в Русский конец...— Трясоголов жадно впился глазами в лицо внука, но тот по-прежнему глядел не моргая в какую-то невидимую Трясоголову даль. Его слова не произвели на внука никакого впечатления. Трясоголов был озадачен, но продолжал, несколько смягчив голос:

— Ты дружишь с русским мальчиком по имени Никола... (Молчание.) Разве мало кругом сыновей почтенных бюргеров? (Молчание.) Чем же он тебе так понравился? (Молчание.) Ты нынешней ночью звал его во сне, хотел куда-то улететь... Дети часто во сне летают... Что тебе снилось?

Мартин ощутил холодное прикосновение опасности, словно к сердцу его приложили плашмя лезвие ножа. Он сказал:

— Я не помню.

От внимания старика не ускользнуло, что в его внуке что-то шевельнулось. Тогда Трясоголов решил пустить в ход главный козырь. Он достал из-под кровати коньки и спросил:

— Что это такое?

— Коньки, — спокойно ответил Мартин.

Если бы Мартину две недели назад сказали, что он очень скоро забудет о коньках, он бы ни за что не поверил. А сейчас, когда дедушка наклонился и полез под кровать, Мартин даже не сразу вспомнил, что там лежит. Неужели еще совсем недавно Мартин думал о них день и ночь?

— Откуда у тебя коньки?

— Мне их отковал Николкин отец.

— За что же он подарил их тебе?

— Ни за что. Просто так.

— Не лги мне, Мартин.

Мартин не ответил.

Трясоголов видел, что главный козырь ничего не дал. Но ведь не могло же и вправду быть так, чтобы русский кузнец ни за что ни про что отковал коньки немецкому мальчишке! И вдруг у Трясоголова мелькнула мысль, от которой его прошиб холодный пот: уж не окрестили ли русские Мартина тайно в свою веру? Старик спросил, стараясь скрыть волнение:

— Он подарил тебе их как крестный отец?

Мартин с удивлением взглянул на дедушку. Это было то самое удивление, которое Трясоголов уже видел однажды осенью, когда спросил Мартина, куда его посылал младший приказчик. Трясоголов израсходовал весь запас ловушек и не достиг успеха. Тогда он начал умолять Мартина открыться ему.

— Милый Мартин, ты у меня один на всем свете — не мудрено, что я тревожусь о твоей судьбе. Ты у меня один, но ведь и у тебя никого, кроме меня, нет...

Дедушка никогда еще так не разговаривал с внуком. Сперва Мартин насторожился, но вскоре в нем зашевелилась жалость и к дедушке и к самому себе. А дедушка продолжал:

— Я вижу, что в последнее время что-то гнетет тебя. И мне очень горько, что ты от меня таишься. Если ты совершил ошибку, кто, кроме меня, поможет тебе исправить ее?

Мало-помалу Мартин оттаивал: у него нет отца с матерью, но у него есть дедушка, который, оказывается, любит его.

— Да, мой мальчик, если кто-нибудь и поможет тебе, так это только я. Что бы ты ни натворил, я ведь все равно прощу тебя! Открой мне, какая тяжесть у тебя на душе!

— За что русских посадили в темницу? — спросил Мартин.

Трясоголов насторожился.

— Ты слышал, какое преступление совершили они против магистра и епископа?

Мартин кивнул, и дедушка сказал:

— Вот за это, я думаю, и посадили.

— Служанки говорят: их там пытают...

— Возможно,— ответил дедушка.

— А как пытают? — с затаенным страхом спросил Мартин.

— По-разному, мой мальчик. Подвешивают на дыбу, поджаривают пятки над огнем... Боже, что с тобой?

У Мартина задергался подбородок, лицо его сделалось зеленовато-белым. Дедушка бросился к нему и впервые в жизни обнял внука. Мартин разрыдался, а старый купец беспомощно лепетал какие-то ласковые слова и гладил внука по голове. Сквозь всхлипывания Мартин спросил:

— А потом их всех повесят?

— Зачем же всех,— поспешил утешить его Трясоголов,— повесят тех, кто виновен!

— Тогда пусть и меня вешают! — закричал Мартин. Трясоголов в ужасе оглянулся на дверь.

Мартина словно прорвало, он умолял дедушку спасти Николку, епископ, конечно, послушается его, ведь дедушка — один из самых главных людей в Дерпте. А если спасти Николку невозможно, то пусть и его вешают вместе с Николкой, иначе он сам наложит на себя руки. Ошарашенный Трясоголов некоторое время молча слушал этот поток слов. Голова его тряслась так, что, казалось, она вот-вот оторвется. Наконец, до его сознания дошло, что его внуку Мартину Фекингузену, единственному наследнику всего огромного торгового дела, грозит опасность и что нельзя терять ни минуты. Он овладел собой и заговорил:

— Конечно, твоего Николку могут повесить, а с ним и тебя. К сожалению, уже поздно что-нибудь сделать. Вот если бы ты чистосердечно открылся мне раньше... Впрочем, еще можно попытаться. Но медлить с этим не следует. Расскажи мне поскорее, в чем ваша вина. Я сейчас же отправлюсь в замок и сделаю все, что в моих силах.

Мартин, сбиваясь и путаясь, во всех подробностях поведал дедушке о ночном походе к Домскому собору и о посылке голубя во Псков. В это повествование вплелся и рассказ о том, как Николка вытащил его из полыньи, и о том, как он избавил его от злобных преследователей, и еще о многом, не имевшем прямого отношения к делу, интересовавшему Трясоголова. Выслушав Мартина, Трясоголов отправился к епископу. Перед уходом он торопливо внушал Мартину, что ему лучше некоторое время не отлучаться из дому, и запер его в спальне на замок.

Глава девятнадцатая

Трясоголов и епископ

Епископ лежал у себя в опочивальне на кровати под парчовым пологом. Стол посреди комнаты, как всегда, был уставлен яствами и початыми бутылями. Цветные стекла в переплетах узких окон неохотно пропускали дневной свет, и в опочивальне царил пестрый сумрак. Епископ был угрюм: резной дубовый стул, стоявший напротив его любимого кресла, пустовал. Еще накануне утром епископ думал, что вместе с верным Томасом начнет сегодня допрашивать схваченных русских и узнает наконец, кто из его слуг предает своего господина. Когда Томас погиб, епископ почувствовал себя как без рук: с кем же ему теперь пытать и допрашивать? Он вовсе не собирался вмешивать в это дело других заплечных мастеров.

Вечером, размышляя, как ему быть, епископ забыл на миг, что друг его уже мертв, и хотел даже позвать его, чтобы по обыкновению, посоветоваться с ним. Как раз в это время и прибыл давно ожидаемый верный человек. Он рассказал, что с трудом вырвался из Пскова. У русских по всем дорогам заставы, на одной из них его схватили и вернули в Псков. Спасся он только благодаря хорошему знанию эстонского языка: ему удалось убедить русских, что он эстонский крестьянин, заблудившийся в метель. Прибывший поведал, что вне всякого сомнения в Дерпте свила гнездо измена. Дерптские купцы, которые терпят из-за войн большие убытки, еще осенью прислали псковичам сообщение, что фон дер Борх собирается напасть на Псков, как только станет лед. Псковичи послали лазутчиков в Венден, и те, вернувшись, подтвердили, что магистр действительно готовит для нападения на Псков небывалую силу. Епископ заметил, что, по утверждению Дерптского совета старейшин, голубь с письмом отправлен из Русского конца. Прибывший заявил, что он своими ушами слышал, как русские говорили, что и по почерку и по слогу письмо, безусловно, написано немцем. Когда епископ сказал, что старейшины считают это хитростью, прибывший с жаром возразил, что русские не стали бы впутывать в подобное дело немца и что слова старейшин лишь выдают их попытку замести следы своей измены.

Гнев сдавил сердце епископа, а лицо его налилось кровью. Неужто проклятые бюргеры нарочно пустили его по ложному следу?

Ночью епископ почти не спал и теперь чувствовал себя разбитым. Все было плохо, все рассыпалось под руками в этом вонючем Дерпте. Русских придется отпустить. Возможно, магистр заподозрит в измене его самого, и еще неизвестно, чем это кончится.

Давно уже он лелеял мысль найти покупателя и продать Дерптское епископство. Сейчас эта мысль завладела им с новой силой. Ах, как было бы хорошо! Вырученных денег хватило бы с лихвой, чтобы безбедно дожить свой век где-нибудь в тихом, уютном городке солнечной Вестфалии. Пожалуй, не мешает прощупать настоятеля аббатства в Фалькенау: не купит ли он? У него мошна тугая, а замыслы необъятные... Да, надо заняться этим, не откладывая! А пока необходимо сейчас же отпустить русских. Не следует понапрасну дразнить московского князя — ведь по условиям мира Орден и дерптский епископ обязаны охранять права и имущество здешних русских. Московский князь, слава богу, занят с татарами и не требует дани, которую Дерпт обязан ему платить, но зачем давать ему лишний повод вспоминать о ней?

Епископ уже взялся за шнурок звонка, чтобы отдать распоряжение, но в эту минуту бесшумно вошел слуга в монашеском одеянии и доложил, что в замок явился городской старейшина Георг Фекингузен и настойчиво просит принять его, говорит, что у него неотложное дело. В недоумении епископ уставился на слугу. Но тот безмолвно и почтительно ожидал распоряжений. Епископ велел привести Фекингузена сюда, в опочивальню. Что могло понадобиться от него этой амбарной крысе, которая, не задумываясь, перегрызла бы ему горло, если бы только могла?

Смеркалось. Епископ дернул за шнурок звонка, чтобы отдать приказание зажечь свечи, и вскоре в комнате столь же бесшумно появился другой слуга, тоже в монашеском одеянии, с длинной горящей свечой в руке. Слуга безмолвно зажег свечи на столе и удалился.

Послышались шаги, вошел Трясоголов. Епископ извинился, что по нездоровью принимает его в опочивальне. Трясоголов сел на предложенный ему резной дубовый стул, и на стену упала его огромная расплывчатая тень. Трясоголова грызло беспокойство: если епископ уже допрашивал русских и Николка признался, дело плохо. Он вглядывался в лицо епископа, однако по этой багровой груше ничего нельзя было определить.

Епископ любезно предложил гостю попробовать недавно привезенного греческого вина, которое в Ливонии, как известно, большая редкость. Тень на стене отрицательно затрясла головой. Хозяин предложил рейнского — со своей далекой милой родины. Но тень затрясла головой еще сильнее. Гость объяснил, что уже десять лет не пьет вообще никакого вина. Тогда епископ налил себе и приготовился слушать.

Трясоголов заявил, что, как ему известно, русские узнали о замысле магистра от покойного слуги его преосвященства. Лицо епископа налилось кровью. Он сказал, сдерживая ярость:

— Если вы пришли только затем, чтобы сообщить мне эту новость, могли не трудиться. За покойного Томаса я ручаюсь, как за самого себя.

«Вестфальский окорок!» — с ненавистью подумал Трясоголов, глядя на епископа, но ему сразу стало легче: «Значит, епископ еще ничего не знает!» Вслух он сказал:

— Выслушайте меня, ваше преосвященство. Может быть, вы узнаете что-нибудь небесполезное для себя. Позвольте задать вам один вопрос: представляется ли вам случайностью, что письмо, посланное русскими, написано по-немецки?

— Я вообще не уверен что оно послано русскими! — ответил епископ с ядовитой усмешкой.

— Мне незачем лукавить, ваше преосвященство. Если вы не верите, что я пришел к вам с чистым сердцем и по серьезному поводу, то не убедит ли вас в этом такая подробность: ведь вы никому, кроме вашего покойного слуги Томаса, не сообщали о тайном приезде к

Трясоголов вглядывался в лицо епископа. Однако по этой багровой груше ничего нельзя было определить.

вам в конце августа орденского ландмаршала под видом простого монаха?

Епископ разинул рот и окаменел. «Как бы он не окочурился!» — со страхом подумал Трясоголов. Однако епископ не умер. Минуту спустя он зашевелился и дрожащей рукой наполнил свой кубок вином.

— Ваше преосвященство, вам не хочется, я полагаю, чтобы магистр узнал, из-за чьей болт... прошу прощения, излишней доверительности со слугами сорвался его план?

— Но зачем же Томас связался с русскими? — прохрипел епископ, опорожнив кубок.

— Ваш слуга был гуляка и сидел по уши в долгах. Он отрубил голову соборному сторожу только потому, что не в состоянии был с ним расплатиться. Когда-то и я ссужал его деньгами. Он, конечно, их не вернул, но я щадил его... из уважения к вашему преосвященству! Не сомневаюсь, что при случае он разделался бы со мной так же, как с соборным сторожем. Вот его векселя, они мне уже не пригодятся! — Трясоголов бросил на стол две или три пожелтевшие бумажки.— Томас запросил с русских тысячу гульденов, но сошлись они на пятистах — с условием, что Томас своею рукой напишет это письмо.

«Так вот почему письмо написано по-немецки»,— подумал епископ. У него мелькнула мысль, что неплохо бы выведать у Трясоголова, откуда он взял эти сведения. И епископ сказал:

— Вы знаете все так подробно, словно у вас множество свидетелей, следивших за каждым шагом Томаса!

— Да, свидетели есть,— ответил Трясоголов.

— Кто ж это такие?

Трясоголов улыбнулся. Увидев на его лице улыбку, епископ смутился. Как это ему пришло в голову прибегнуть к столь грубой уловке, имея дело с таким хитрым и многоопытным негодяем!

— Вам не обязательно их знать, ваше преосвященство,— сказал Трясоголов,— но не беспокойтесь, мои свидетели будут немы, так, как будто они мертвы, если, конечно, будут живы Фекингузены! Надеюсь, вы меня поняли?

— Да,— жалким голосом ответил епископ. Он почувствовал, что его судьба в руках Трясоголова. Отныне ему придется беречь шкуру ненавистного купца, вместо того чтобы продырявить ее при удобном случае.

— Вы еще не допрашивали русских? — спросил Трясоголов.

— Нет,— ответил епископ.

— Прекрасно! Вас просто бог бережет! Вообразите, что они заговорили бы при заплечных мастерах!

— Да, да,— закивал епископ,— это было бы ужасно!.. Но что же теперь делать с русскими? Отпустить их?

- Ни в коем случае! — затряс головой Трясоголов.— Их необходимо казнить, и поскорей!

— Что толку казнить? — вяло сказал епископ.— Весь Русский конец все равно не казнишь...

— Весь и не требуется,— ответил Трясоголов.— Соглядатаи в ваших руках, это мне доподлинно известно. Они же, кстати, и самые ярые еретики!

— Казнить?.. Без суда? — неуверенно спросил епископ.— Это вызовет нежелательные толки...

— Зачем без суда? Назначьте суд на завтра же.

— Я вас не понимаю. Как же их судить? Как соглядатаев?.. Но ведь это-то и надо скрыть!..

— Простите, ваше преосвященство,— мягко прервал его Трясоголов,— их надо судить не как соглядатаев, а как еретиков, которые стремятся завлечь невежественных эстонцев в сети православия и тем самым навсегда погубить их души. И упаси вас бог упоминать на суде о походе магистра и о голубях, доставляющих сообщения! Хулите православную веру, принуждайте русских принять католичество — и все будет в порядке. Они никогда не согласятся перейти в нашу веру. Я знаю их упрямство. А чтобы казнь произвела желательное впечатление на туземцев, русских лучше всего утопить в проруби, где они собирались купаться.

— Вы пришли спасти меня! — с чувством сказал епископ, и на глаза его навернулись слезы.— Как мне благодарить вас? Знаете, я помогу вам стать бургомистром!

Гость склонил голову, а потом сказал:

— Я был бы вам бесконечно признателен, если бы вы еще помогли мне определить внука, и чем скорее, тем лучше, в хорошее учебное заведение в Германии — вы ведь знаете, как трудно здесь дать мальчику приличное воспитание!

— Вы просто читаете мои мысли! — воскликнул епископ.— Я тоже всегда говорю, что здесь невозможно

воспитать из ребенка настоящего немца! Для меня выполнить вашу просьбу — сущий пустяк! Есть ли где-нибудь школа лучше, чем в Трирском архиепископстве? А у меня в Трире полным-полно друзей!

Трясоголов встал и наклонил голову, выражая благодарность и вместе с тем давая понять, что он сказал все и считает разговор оконченным. Поднялся и епископ. Он проводил Трясоголова до двери, как лучшего друга. Трясоголов сказал на прощание:

— Ваше преосвященство, дети, которые есть среди схваченных русских, не должны избегнуть общей участи, ибо они знают о Томасе и обо всем прочем ничуть не меньше взрослых!

— Да, да! Благодарю вас! — взволнованно сказал епископ.— Святая католическая церковь никогда не забудет, от чего вы ее избавили.

Глава двадцатая
Бунт Мартина

После ухода дедушки Мартин долго сидел в оцепенении, в голове у него не было ни одной мысли. Наконец, его вывел из этого состояния скрип лестницы где-то внизу. «Дедушка вернулся!» — подумал Мартин, и сердце его замерло. Но скрип затих, и в спальню никто не поднялся.

Смеркалось. Комнату быстро наполнял мрак. Мартину захотелось спуститься в кухню или столовую — куда-нибудь, где светло и есть люди. Но он вспомнил, что сидит взаперти. Зачем дедушке понадобилось запирать его, идучи выручать его друга? Мысленно он то оказывался в темнице у Николки, то отправлялся с дедушкой в замок к епископу, то снова возвращался к самому себе, запертому в спальне.

Уходя, дедушка говорил, что Мартину вообще лучше некоторое время не отлучаться из дому, и было в его лице и голосе что-то уклончивое. Почему не отлучаться? Почему дедушка был так похож на мальчишку, который сделал или собирается сделать что-нибудь недозволенное? Это его-то дедушка, городской старейшина, всегда такой спокойный и уверенный в себе! А вдруг дедушка обманул его, просто выудив у него признание?.. Может быть, сейчас они с епископом сидят в замке и громко смеются над его глупостью?

Тревога Мартина росла. Им овладело желание куда-то бежать и что-то делать. Он подошел к замерзшему окошку и продышал во льду «глазок». На улице было темно, горевший в некоторых окнах огонь почти не освещал ее. Из-за стужи на улице не было ни одного прохожего. На черном небе виднелся тоненький серпик месяца и, словно иней, серебрился Млечный Путь.

«Нужно во что бы то ни стало убежать,— думал Мартин,— сейчас же убежать и что-то сделать!» Что он может? Мартин страшился признаться себе, что бессилен помочь Николке, и боязливо гасил этот вопрос. Он найдет епископа, вымолвит прощение, а если нет — погибнет вместе с Николкой!..

Но как убежать? Чердак, в котором помещается спальня, очень высоко над землей — если спрыгнуть, наверняка убьешься. Дедушка недаром запер его именно здесь! Мартин вперил глаза во мрак, пытаясь вспомнить, нет ли здесь какой-нибудь веревки. И вдруг Мартина осенило. Когда-то давно, еще в Любеке, он слышал рассказ, как один рыцарь, заточенный в высокую башню, убежал из нее, спустившись по веревке, которую он сплел из простынь, разрезанных на полосы.

У Мартина не было времени разрезать простыни на полосы и плести из них веревку, но он мог просто связать три простыни с трех кроватей, стоявших в спальне! Ведь тюрьма его, наверно, не так высока, как тюрьма того рыцаря!

Сказано — сделано. Мартин крепко связал углами простыни, а потом изо всей силы дернул окошко, плотно заткнутое по щелям паклей. Окошко распахнулось, и он ощутил могучее дыхание стужи. Высунувшись, Мартин спустил простыни вниз, чтобы посмотреть, хватает ли их. Простынь почти хватало. Конец нижней на мгновение попал в поток света, струившийся из окна приказчичьей комнатки, а это было уже совсем невысоко над землей.

Одежда? Да, в такой мороз в одной рубахе не побегаешь! Но лишь бы успеть спуститься до возвращения дедушки, тогда одежду Мартин возьмет в прихожей без всяких затруднений. А потому надо действовать как можно быстрее! Мартин привязал связку простынь к ножке кровати, и связка укоротилась от этого значительно больше, чем он предполагал.

Окошко спальни выходило в нишу, и Мартин без особенного труда вылез наружу — здесь он мог даже постоять. Дальше пошло труднее. Спускаясь, он должен был упираться ногами в стену, чтобы руки не прижимало к стене, и поэтому спускаться он вынужден был только на руках.

Все шло благополучно, как вдруг он угодил ногой в окно столовой. Раздался звон разбитого стекла. Сердце Мартина оборвалось, а руки чуть не выпустили простыню. Он замер. Сперва не было слышно ни звука, потом заскрипела входная дверь и кто-то вышел на крыльцо. Мартин затаил дыхание. Повернуть голову и посмотреть на крыльцо у него не хватило смелости. Ему почудилось, что захрустел снег. Мартин прислушался, но хруст не повторился. Дверь снова отворилась и затворилась. Кажется, тот, кто выходил, вернулся в дом, не заметив его.

Вскоре Мартин добрался до конца своего сооружения и, повисев мгновение в нерешительности, разжал руки. В следующее мгновение он оказался в чьих-то объятиях. При слабом свете, падавшем из окна приказчичьей комнатки, он увидел над собой отвратительно ухмыляющееся лицо старшего приказчика. Рядом стоял дедушка. Его лицо было искажено злобой.

Мартина потащили наверх. Он делал отчаянные попытки вырваться из рук приказчика. Ни дедушка, ни приказчик не произносили ни слова. Мартин начал кричать: «Не хочу! Пустите!» Дедушка велел заткнуть ему рот. Пока приказчик запихивал Мартину в рот тряпку, Мартин успел укусить его за палец. Приказчик не ударил его только потому, что не знал, как на это посмотрит хозяин. Дедушка взял внука из рук приказчика, и внук незамедлительно почувствовал разницу — приказчик по силе далеко уступал старику, хватка у дедушки была железная. Он попросил приказчика принести в спальню розги и сказал:

— Это бунт. А бунт следует подавлять.

Хотя Мартин перестал сопротивляться, дед отнес его наверх на руках и отпирал дверь спальни одной рукой, держа другой Мартина. Из двери пахнуло холодным ветром. Дед бросил Мартина на кровать и, втянув в комнату простыни, затворил окошко. Вскоре пришел приказчик с пучком розог. Мартин вспомнил, как он боялся их когда-то. Но это было так давно. Что значили розги в сравнении со всем происходящим!

Георг Фекингузен был добропорядочный бюргер и никогда ничего не делал спустя рукава. После этого вечера Мартин не мог лежать на спине и сидеть гораздо дольше, чем Николка в тот раз, когда отец выпорол его за нападение на немецких мальчишек. Однако рассудительный городской старейшина ошибался, полагая, что победил своего внука. Страх Мартина перед дедушкой сменился ненавистью к нему. Вообще с этого вечера страх никогда не имел прежней власти над душой Мартина.

Глава двадцать первая
Судилище

Когда русских повели в ратушу, Николка мысленно поклялся, что не скажет ни слова, пусть его хоть разрежут на куски. Ведь если он не выдержит и признается, их с Мартином обязательно повесят! Мало того, могут повесить всю его семью — и отца, и мать, и даже Саввушку! Он слыхал, что немцы нередко так делают. В ратуше Николка продолжал твердить про себя: «Смотри, не проговорись!» Он понял, что пытать

здесь не будут, но опасался, как бы его не подловили каким-нибудь коварным вопросом, и приготовился отвечать как можно короче: «Нет», «Не знаю», «Не слыхал». Так оно вернее.

Помещение было огромное. Николке прежде не доводилось бывать в таком. Высокий потолок из темного дерева поддерживали толстые столбы, на вершине каждого столба были вырезаны мужчины и женщины во весь рост — как видно, латинские святые. Под потолком висело много светильников, наподобие паникадил, только сделанных из оленьих рогов.

В одном конце этой необъятной комнаты на возвышении высотой в две ступеньки стоял длинный темный стол. За столом сидело шестеро городских судей в черных шелковых мантиях и черных шапочках. Судьи были мужчины в преклонных годах, но с бородой не было ни одного — все бритые. У того, который казался старше других, блестела на груди золотая цепь. Позади судейского стола было возвышение, на котором стояло позолоченное кресло, обитое малиновым бархатом. В нем, как на троне, восседал тучный человек в шелковой фиолетовой сутане и такой же четырехугольной шапочке.

Сидевший в кресле и был сам епископ дерптский. Николка со страхом и любопытством рассматривал обладателя сокровищ, частичку которых они с Мартином хотели выпросить у домской девы на покупку корабля. Особенно привлек Николкино внимание нос — он был ало-сизого цвета и напоминал огромную переспелую сливу, кожица которой того гляди лопнет.

Николка был уверен, что их пригнали в ратушу затем, чтобы дознаться, кто послал в Псков весть о предстоящем нападении магистра. Когда же он услышал, что речь идет о сугубо церковном, у него отлегло от сердца. Говорили главным образом отец Исидор и епископ. Даже Николка, хвалимый отцом Исидором за начитанность, мало что понимал в их разговоре. Русские, семьдесят три человека, сидели на длинных скамьях перед судейским столом. Остальную часть помещения заполняли вооруженные рыцари и любители зрелищ — человек триста. Были тут и немцы, и чудины, и латыши. Епископ возвысил голос почти до крика, и Николка невольно стал его слушать.

— Мы не запрещали ваших обрядов! Но вы свершаете их нагло, напоказ, стремясь совратить несчастных эстонцев, исторгнуть их из лона святой католической церкви и завлечь в тенета своей ереси. Не для прельщения ли слабых душ это разнузданное языческое действо — купание в проруби среди зимы?

Когда отец Исидор возразил, что во время водосвятия на реке не было никого, кроме рыцарей, которые были посланы туда нарочно, епископ закричал, что на реке было пустынно из-за лютого мороза, но что мороз не может служить оправданием для нечестивых намерений — за одни эти намерения русские заслуживают смертной казни! Николка вздрогнул. Но дальше опять пошел богословский спор, и Николка решил, что смертную казнь епископ упомянул так, для красного словца.

Потом судьи стали спрашивать поочередно каждого русского, не хочет ли он перейти в католическую веру, и все отвечали: «Нет». То же ответили Николкины отец и мать и сам Николка, когда до него дошла очередь. Саввушке, сидевшему на коленях у матери, вопросов не задавали. Сразу после этого судья с золотой цепью зачитал приговор. Приговор гласил, что русские, числом семьдесят три человека, за постоянное злостное поношение католической веры, которого они не прекращали, несмотря на многократные предупреждения, присуждаются к смертной казни через утопление в проруби, приготовленной ими для очередного оскорбления святой католической церкви.

Николка растерянно взглянул на отца, потом на мать. Отец угрюмо смотрел в пол и был недвижен, как будто уже умер. Мать положила руку на голову Николки, и на ее лице, ставшем за два дня, проведенных в темнице, похожим на белый воск, проступило подобие страдальческой улыбки.

Послышался голос отца Исидора, моливший о милосердии для женщин и детей. Но рыцари уже подымали русских, толкая ногами или древками копий тех, кто, будучи оглушен страшным приговором, не проявлял достаточного проворства.

Солнце было красное, как в тот день, когда их схватили возле Иордани, на него можно было смотреть, не щурясь. Громко скрипел снег под десятками ног. Осужденных гнали к Монашеским воротам. По улицам валил народ в ту же сторону — как видно, весть о приговоре уже облетела город. В толпе Николка увидел Яна, подручного своего отца. Ян высматривал Платоновых; в глазах его были испуг и жалость. Николка окликнул его. В ответ он услышал рыдание, и сам едва не разрыдался. Но все русские шли молча, и надо было сдерживаться.

Но только за городскими воротами, взглянув на белый простор Омовжи и увидев, как в их Иордани три человека разбивают пешнями лед, Николка понял, что дорога к проруби — его последняя дорога. Он вспомнил рассказ Трифона Аристова о его чудесном спасении во время бури и стал горячо молиться Николе Чудотворцу, чтобы тот сотворил чудо и спас несчастных осужденных.

Заключение

По прошествии трех или четырех недель после того страшного дня Мартину было разрешено выйти на улицу. Он пришел к Яну, и Ян рассказал ему о казни, которую сам видел. Рассказал, как рыцарь, стоявший возле проруби, взял из рук Николкиной матери Саввушку, а он, увидев, что его мать, вслед за всеми русскими, скрылась в проруби, начал кричать, рваться из рук рыцаря и колотить его по лицу. Едва рыцарь отпустил Саввушку, он побежал к проруби и бросился в нее. Яна душили слезы, и он до крови искусал себе руку, чтобы как-нибудь унять их.

Об этой казни много ходило толков и в Юрьеве и за его пределами. Рассказывали, будто каждый раз, как в проруби исчезала очередная жертва, откуда-то выпархивал белоснежный голубь. Рыцари бросались к толпе, смотревшей на казнь, обыскивали людей, но ничего не находили. Однако после гибели следующей жертвы невесть откуда снова взлетал белый голубь. К концу казни над Омовжей кружила целая стая. Когда в проруби скрылся Саввушка и взлетел последний, семьдесят третий голубь, вся стая начала кругами набирать высоту. Голуби летели все выше, выше и вскоре пропали из глаз.

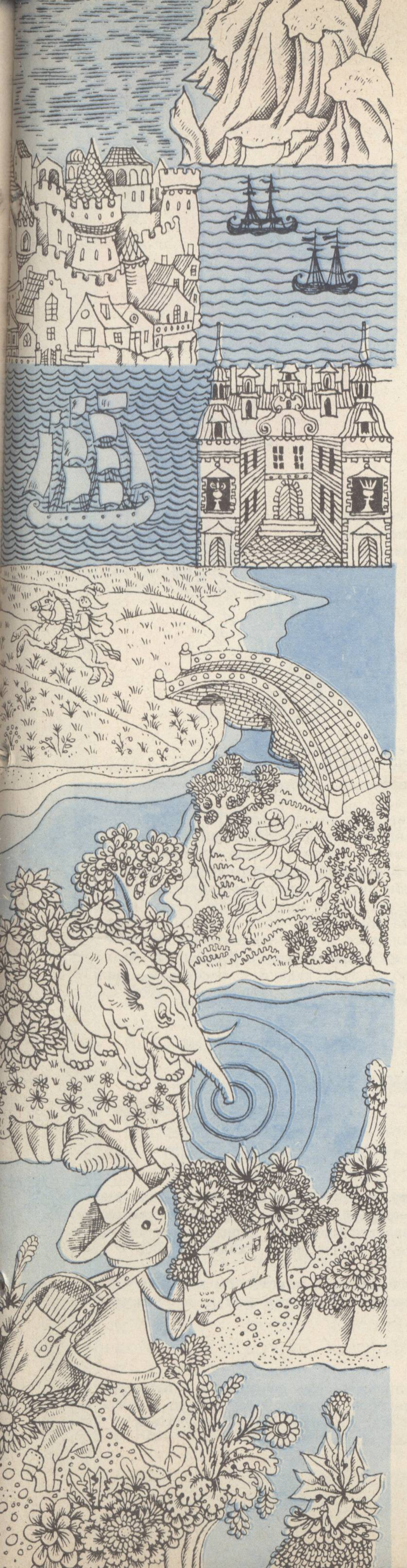
А еще говорили, что, когда рыцари пришли забирать в пользу епископа имущество казненных, пустые, оставшиеся без хозяев дома вспыхивали сами собой, едва рыцари приближались к ним. Так и не удалось им ничего взять. Весь день пылали в Юрьеве огромные костры, и дым ровными столбами поднимался к небу.

Епископ выполнил обещание, и Мартина отправили в Трир, в архиепископскую школу. Учился он прилежно, хотя душа его не лежала к богословским наукам, которые там преобладали. Гораздо больше его увлекали упражнения в воинском искусстве и верховой езде. Со временем из Мартина получился рослый и храбрый юноша. Георгу Фекингузену не удалось вырастить из внука достойного наследника торгового дома Фекингузенов. Окончив Трирскую школу, Мартин вернулся в Юрьев, но прожил здесь недолго. Скоро он затосковал и отправился в Русскую землю, на службу к великому московскому князю, где со временем прославился ратными подвигами. Но до такого горя Трясоголов, к счастью для него, не дожил: он умер за несколько месяцев до возвращения Мартина из Трира.

Немецкой Ливонии давно уже нет на свете, ее погубила корысть, как и предсказывал дерптский епископ, сам первый корыстолюбец Ливонии. Завоеватели убрались отсюда восвояси, и теперь здесь живут сами по себе эстонцы и латыши, исконные жители этой земли.

Память об утоплении в проруби на реке Омовже семидесяти трех жителей Русского конца долго жила в народе, да и сейчас еще можно услышать рассказы об этом в городе Тарту, как теперь называется Юрьев.

А прекрасный древний город Псков, в котором не довелось побывать Николке Платонову, стоит и поныне.

Пешкин— почтальон

Пешкин медленно шагает по шахматной доске. За плечами у него тяжелая сумка, набитая письмами. Много писем получает он от ребят и всем им старается ответить.

А на эти два письма — москвича школьника Игоря Сайкина и Коли Прибылова из Ростова-на-Дону — Пешкин решил ответить в журнале.

И я так...

Объясни мне, Пешкин, что будет, если повторять ходы, которые делает противник. Ребята говорят, что так можно сделать ничью даже с мастером. Верно ли это? — спрашивает Игорь Сайкин.

Вопрос этот не новый. Много лет назад в одном шахматном клубе кто-то горячо доказывал: он готов играть с кем угодно и наверняка добьется ничьей, повторяя ходы противника.

Знаменитый мастер шахматной композиции Семуэль Лойд спокойно возразил этому любителю симметрии:

— Уверяю вас, вы получите мат уже на четвертом ходу.

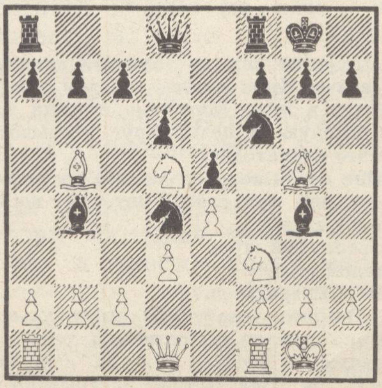
Заключили пари, и была разыграна вот эта партия. Белыми руководил Лойд.

1. d2—d4 d7—d5 2. Фd1—d3 Фd8 — d6 3. Фd3 — f5 Фd6 — f4 4. Фf5 : c8 — мат.

Слепо повторять ходы противника очень опасно, особенно если вы играете черными. В какой-то момент белые дадут шах черному королю, а на шах шахом не ответишь...

Вот один пример: дебют четырех коней. Есть такое начало в теории шахмат. Некоторое время игра развивается симметрично. Но горе черным, если они в нужный момент не свернут с опасной дороги...

1. e2—e4 e7—e5 2. Kg1—f3 Kb8—c6 3. Kb1—c3 Kg8—f6 4. Cf1—b5 Cf8—b4 5. 0—0 0—0 6. d2—d3 d7—d6 7. Cc1—g5 Cc8—g4 8. Kc3—d5 Kc6—d4.

Эту позицию вы видите на диаграмме. Сделайте еще два «симметричных» хода: 9. Kd5 : b4 Kd4 : b5 10. Kb4—d5 Kd5—b4 и подумайте над возникшим положением. Найдите, как белые добиваются решающего перевеса, в какой момент черные должны были отказаться от копирования ходов белых.

Шахматная математика

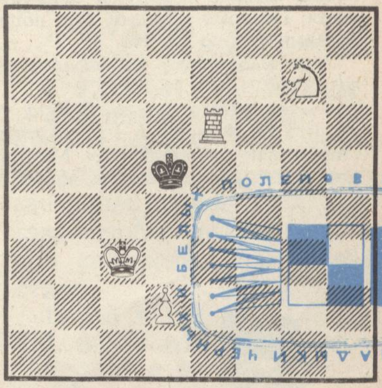
«Сотни тысяч людей играют в шахматы много веков; наверное, уже все комбинации повторялись, и нет ничего в шахматах нового». Это пишет Коля Прибылов.

Так ли это? Нет, с Колей Прибыловым никак нельзя согласиться. Шахматы необъятны.

Вот что пишет об этом доктор экономических наук Б. С. Вайнштейн:

«В начальном положении у белых на выбор двадцать различных ходов, у черных двадцать ответов. После первого хода e2—e4 и ответа e7—e5 у белых уже двадцать различных ходов, у черных столько же. Так пойдет и дальше... Если даже считать, что в каждом положении есть в среднем десять разных ходов за черных и белых и записать каждую сыгранную партию на отдельном листке, то для хранения этих листков потребуется картотека, которую луч света не сможет облететь за миллион миллионов лет».

Малейшее изменение позиции приводит к большим переменам в развитии игры. В этом вы сейчас убедитесь

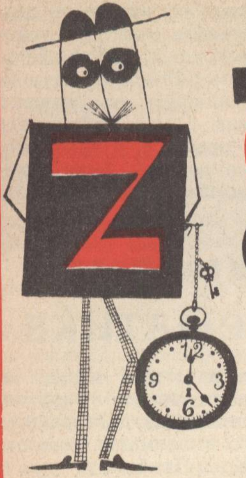
На диаграмме задача, в которой, начиная игру, белые дают мат в четыре хода черному королю. Найдите решение задачи, а потом переставьте пешку d2 на c2. Задание то же — мат в четыре хода, но решение станет другим.

А потом пешку d2 переставьте на f5. И снова белые заматуют черного короля в четыре хода, но уже совсем другим путем.

Кому из вас удастся найти еще какие-либо перестановки в этой позиции?

Пешкин ждет ваших писем, ребята.

Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

До Олимпиады осталось 2 занятия.

Сегодня никто не будет читать лекций. У всех Новый год, все веселятся и радуются. Радуются и Неизвестные. Еще бы, что может быть лучше для новогоднего подарка, чем хорошая задача! А Неизвестные припасли их для вас не одну, а целых четыре штуки!

Зет играет в «угадайку»

В какой квартире живет Саша М.?

ЗЕТ. Послушайте, какую историю рассказал мой приятель Саша М. Я ее записал и прочитаю вам сейчас: «В нашем новом восьмиэтажном доме два подъезда. На каждую лестничную клетку выходят двери четырех квартир...»

Тут я попросил Сашу на минутку остановиться и быстро подсчитал: в Сашином доме 64 квартиры. После этого Саша продолжал:

«Вчера во дворе меня встретили ребята и спросили, в какой квартире я живу. Я ответил:

— А вы отгадайте. Можете задавать мне вопросы, только имейте в виду, я буду отвечать лишь «да» или «нет». Поэтому каждый ваш вопрос должен начинаться словами «верно ли, что...».

Один мальчишка (он стоял с велосипедом) сразу сказал:

— Нет ничего проще. Я буду тебя спрашивать, верно ли, что ты живешь в 1-й квартире, во 2-й, в 3-й, в 4-й? Пока ты не скажешь «да». Мне понадобится самое большее шестьдесят четыре вопроса.

Но тут его перебила девочка:

— Подумаешь, шестьдесят четыре вопроса! Мне хватит и тридцати трех! Сначала я узнаю, в каком подъезде ты живешь!

— А мне хватит и четырнадцати! — радостно закричал самый маленький из всей компании.— Этаж я узнаю за семь вопросов. А квартиру — еще за семь!

А ты как думаешь, дорогой Зет, сколько вопросов понадобится, чтобы угадать номер моей квартиры?»

Я сразу ответил Саше: понадобится шесть вопросов. Угадайте, какие это должны быть вопросы? А нельзя ли наверняка уложиться в пять вопросов? Вспомните «Весы и монеты» из нашей прошлой Олимпиады. Подумайте, что общего у этой задачи с рассказом Саши М. В следующий раз мы снова вернемся к этой задаче. А пока...

Сегодня Игрек запел

ИГРЕК.

Черная стрелка
Обходит циферблат.

Тихо, как белка,
Колесики стучат...

ЗЕТ.!!!

ИГРЕК. Дорогой Зет, не волнуйся понапрасну, я ведь всего-навсего излагаю условия новой задачи. Итак: черные стрелки обходят циферблат. Ровно в 12 часов дня они отправляются в путь. Минутная стрелка вырывается вперед и через некоторое время, обойдя часовую на целый круг, накрывает ее, а потом снова уходит вперед. В какой момент это происходит?

ИКС. Мне очень понравилась эта музыкальная задача, и я хотел бы к вопросу Игрека прибавить еще три своих. Вот они: когда между 12 часами дня и 12 часами ночи стрелки образуют:

а) развернутый угол;
б) прямой угол;
в) угол в 20 градусов.

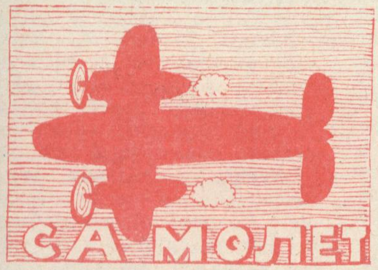
ИГРЕК. Помните задачу «Из Ливерпульской гавани»? Мы ее решали в прошлый раз. Задачу про стрелки стоит решать тем же способом. Только здесь нужно строить графики движения часовых стрелок, а не кораблей. Не будет сразу получаться — загляните туда, где «Неизвестные раскрывают свои тайны».

Конкурс Икса

ИКС. Сегодня все задачи — зимние и новогодние. Решить их могут и старшие ребята и те, кто помладше,— читатели «Лягушатника».

Хоровод

Вокруг елки хоровод. Каждая девочка держит за руку мальчика и девочку. Через одного от каждой девочки тоже один мальчик и одна девочка. В хороводе кружатся 10 мальчиков. А девочек сколько?

Из Ашхабада в Сан-Франциско отправляется самолет. Стюардесса объявляет: «Наш самолет летит по кратчайшему пути». Среди пассажиров был известный полярный путешественник Морозов-Стужин. Услышав ее слова, он попросил разбудить его, когда самолет будет над Северным Ледовитым океаном. Все кругом засмеялись: Ашхабад, Сан-Франциско и вдруг — Ледовитый океан! А как вы считаете, шутил полярник или говорил серьезно?

Они были первыми

Первыми прислали правильные решения наши старые знакомые, победители прошлой Олимпиады: **Алексей НОВОДВОРСКИЙ и Гриша ФАРБЕР.** Оба семиклассники, москвичи.

Особо отмечаем ребят, хорошо справившихся с задачей «Голос из Зазеркалья». Это **Галя КЛЮЕВА** (Брянская обл., Брянский р-н, пос. Березовая роща, 7-й класс), **ЕДВАБНЫЙ Иосиф** из Омска и **математический кружок** 7-го класса школы № 5 г. Углича.

«НАШ ЛЯГУШАТНИК»

Задачи Икса для младших ребят правильно решили очень многие. Отмечаем тех, кто первым прислал решения: **Вера МИРОНЕНКО** (Сумская обл., г. Тростянец, 3-й класс), **Люба ПЕРШИНА** (Владимирская обл., г. Киржач, 4-й класс), **Татьяна ГУБАРЬКОВА** (Одесская обл., Коминтерновск. р-н, с. Порт, 4-й класс), **Лена БОГДАНОВА** (Карельская АССР, г. Сегежа, 4-й класс), **Алеша САФОНОВ** (г. Мурманск, 4-й класс), **Аркаша ШИШКИН** (г. Ярославль, 4-й класс), **Альвир КОРОЧКИН** (г. Кострома, 4-й класс), **Сережа ОВСЯННИКОВ** (Азерб. ССР, г. Пришиб, 4-й класс).

Поздравляем новых чемпионов! А старшим ребятам, которые тоже решили задачи из «Лягушатника» и прислали нам ответы (их было очень много), можем сказать только одно: невелика доблесть семикласснику справиться с задачей для младших ребят.

Наш лягушатник • Наш лягушатник

Сколько у верблюда горбов?

ЗЕТ. Прочитай-ка вот эти строчки и разберись, где говорится правда, а где ее нет.

1. Волга впадает в Каспийское море.

2. В детский сад принимают с пятнадцати лет.

3. В слове «корова» две буквы «а».

4. В сутках больше двадцати часов.

5. В месяце больше сорока дней.

6. Слон весит больше комара.

7. У верблюда больше двух горбов.

Математики называют такие фразы «высказываниями». Высказывания бывают верными и неверными. «Лошади едят овес» — верное высказывание, а «лошади едят коров» — неверное. Точно так же тебе легко будет разобраться в высказываниях насчет Волги, Каспийского моря и других, которые мы здесь привели.

ИГРЕК. А теперь поговорим о другом. Не правда ли, много наших вопросов начинаются со слов «Что больше?», «Кто сильнее?», «Что слаще?». Слова «больше», «меньше», «равно» знакомы всем с детства. Помните маленького Оську из книги Льва Абрамовича Кассиля «Кондуит и Швамбрания»? Он ко всем приставал с вопросом: «Если кит и вдруг на слона налезет? Кто кого сборет?»

ИКС. Ну, в математике сравнивают обычно не слонов с китами, а числа с числами или отрезки, углы, площади... Когда сравнивают числа или фигуры, получаются равенства или неравенства. Для их обозначения придумали особые знаки. Вот они: вместо слова «больше» пишут знак «>», а вместо слова меньше — знак «<». Математик не напишет «3 больше 2», он это изобразит так «3>2». А вместо «5 меньше 100», пишет «5 < 100».

Два числа или выражения, соединенные знаком > или <, называются неравенством.

А теперь подумай, какие из следующих неравенств верны и какие нет.

1. 347 < 720

2. 10000 > 17923

3. 723976411 > 723976421

4. 8300400 < 10000001

ЗЕТ. А теперь мое задание, посложнее: напишите вместо звездочек знаки <, > или = так, чтобы получилось верное равенство или неравенство:

1. 705 * 187

2. 603 * 6003

3. 2001 * 0

4. 0 * 1970

5. 12 * 12

А какие здесь числа надо подставить вместо звездочек, чтобы получилось верное неравенство?

*** < 8**

3 > *

Ответы вы найдете в том же номере — там, где «Неизвестные раскрывают свои тайны».

Итак, до следующего №!

НАУЧНЫЙ ТЕЛЕГРАФ

ЖЕЛЕЗНОЕ ДНО ОКЕАНА

До наших дней дошло немало легенд и преданий о подводных сокровищах, о кораблях, затонувших с грузом золота, о пиратских кладах. Иногда эти сокровища находят.

Но лишь недавно люди поняли, что главные сокровища океана вовсе не в трюмах затонувших кораблей. Теперь известно, что в морской воде — миллионы тонн золота, урана, титана и других редких металлов.

И, пожалуй, самое главное богатство Мирового океана — это руда, которая лежит на его дне. Каждый год в море выходят исследовательские корабли многих стран, и среди них наше известное судно «Витязь». Ученые на борту «Витязя» как раз и занимаются поисками и исследованиями подводной руды. Оказалось, что в Тихом и Атлантическом океанах многие участки дна, как булыжная мостовая, устланы камнями, которые состоят из железа и марганца. Их называют железо - марганцевыми конкрециями.

Гидрогеологи подсчитали, что этих конкреций в Мировом океане несколько сот миллионов тонн. И если поднять их на поверхность, то человечество долгие годы не испытывало бы нужды в железе и марганце.

Правда, добыча подводных сокровищ — дело неимоверно трудное. Конкреции лежат порой на глубине в несколько тысяч метров. Под ударами волн, под давлением воды и, наконец, под собственным своим весом стальная труба, опущенная на такую глубину, окажется не прочнее соломинки. И все же уже сейчас существуют проекты добычи железо-марганцевых камней. Инженеры предлагают и специальные подводные лодки, и сверхпрочные тракторы-амфибии, и экскаваторы на поплавках. Есть проекты кораблей, которые будут тянуть за собой по морскому дну огромные ковши, собирающие «булыжники». А камни из ковшей будут засасываться в поплавки и оттуда по трубам — на баржи. Конечно, люди не смогут работать на дне океана, и за ковшом будут следить с помощью телевизионных камер.

Наверное, на шестикилометровой глубине добыча полезных ископаемых начнется не скоро. А вот на небольших глубинах, где тоже встречаются конкреции, руду начнут собирать уже через несколько лет.

Карп в минеральной воде

Всем известны великие реки и озера Сибири. Но лишь несколько десятилетий назад геологи открыли еще одно сибирское водохранилище. Это—огромное море, которое находится под землей и вмещает 500 миллионов кубических километров воды. Не обычной воды, а богатой минеральными солями да к тому же еще и горячей. Сейчас эту воду используют для лечения, ее подают в плавательные бассейны, ее теплом обогревают дома.

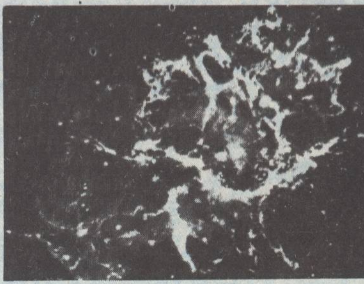
А совсем недавно нашлось еще одно применение подземной воде: в ней стали разводить рыбу. В самые жестокие сибирские морозы в искусственных бассейнах, где живут карпы, тепло. Воду приходится даже немного охлаждать. С одного квадратного метра искусственного бассейна рыбоводы снимают двадцать пять килограммов рыбного «урожая».

Есть ли у звезд планеты?

Звезды далеко. А планеты, как известно, в сотни раз меньше звезд и могут лишь отражать свет своего Солнца. Поэтому никаким телескопом нельзя обнаружить, есть ли спутники у далеких звезд. Впрочем, если они есть у нашего Солнца, то почему бы им не быть у других светил. Но это надо еще доказать...

Три года назад астрономы открыли пульсары — быстро вращающиеся очень плотные звезды. Масса их почти как у нашего Солнца, а размеры намного меньше,— всего около 10 километров в поперечнике. Поэтому их и не видно даже в самые мощные телескопы. А обнаружили их радиоастрономы: пульсары излучают радиоволны. Как часы — с интервалом примерно в одну секунду. Это происходит потому, что они вращаются, и самые «горячие» участки пульсаров поворачиваются к нам раз в секунду.

А самый интересный среди пульсаров — пульсар NP 0531 в Крабовидной туманности.

Крабовидная туманность.

Во многих обсерваториях мира исследуют частоту его сигналов. Оказалось, что NP 0531 излучает сигналы то чуть быстрее, то чуть медленнее. И единственное пока объяснение этого непонятного явления таково: около таинственного пульсара есть планета с массой почти как у Земли. Она-то и изменяет скорость вращения своего Солнца.

Может быть, причина изменений другая. Но очень хочется верить, что в Крабовидной туманности все-таки есть планета!

Пилюли рыбьего жира

Известно, что рыбий жир далеко не всем по вкусу. А есть лекарства еще противнее. Касторка хотя бы.

Оказывается, и касторку и многие другие лекарства с мудреными названиями — горькие, жгучие, плохо пахнущие — можно сделать если не вкусными, то по меньшей мере безвкусными. Для этого надо раздробить жидкие вещества на мельчайшие капельки, и каждую из них покрыть тонкой пленочкой, например, желатины.

Такая капелька в оболочке называется микрокапсулой. Можно сделать микрокапсулу размером с булавочную головку, а можно — в сто раз меньше. Снаружи они твердые и выглядят как порошок или маленькие пилюли, проглотить которые — одно удовольствие.

Получить микрокапсулы — дело сложное. В этой работе участвуют физики, химики, инженеры, врачи. Понятно, что затея эта не только ради того, чтобы сделать лекарства вкуснее. Часто бывает нужно, чтобы лекарство действовало долго — день или даже неделю. Примешь обычный порошок или микстуру — и они сразу усвоятся организмом и израсходуются. А оболочка микрокапсулы растает не сразу, она будет рассасываться постепенно, освобождая понемногу лекарство.

Как сделать каплю тяжелой

Низко над полем летит самолет. Он распыляет химические вещества, которые защищают растения от вредителей или уничтожают сорняки. Пока погода безветренная, мелкие капельки защитного «тумана» падают точно на поле. Но стоит подуть ветру, как их сносит на соседнее поле, на дорогу, на пасущиеся стада или, что хуже всего, на дома. И дело не только в том, что пропадают ценные вещества — они вовсе не так безобидны, а некоторые даже ядовиты. Но что поделать с ветром?

Если ученые не научились еще останавливать ветер, то сделать капли тяжелее они могут. Тогда защитные вещества будут падать прямо вниз. А делают это так. Вместо того, чтобы размешивать ядохимикаты в воде, поступают наоборот: воду дробят в ядохимикатах. Вместо обычной эмульсии, вроде молока, где капельки жира плавают в воде, получается, как говорят ученые, обратная эмульсия — капельки воды плавают в тяжелом химическом веществе. А такая эмульсия образует крупные тяжелые капли, которые, как дробинки, падают с самолета прямо вниз, на поле.

ОВЦЕБЫК ПОД НАРКОЗОМ

Лет тридцать назад зоологи поселили на острове Нунивак в Беринговом море тридцать мохнатых рогатых зверей — овцебыков. Этих редких теперь животных называют еще мускусными быками.

Овцебыки освоились на новом месте, и стадо стало расти. Сейчас на острове Нунивак около семисот мускусных быков. А вместе с ними на тех же пастбищах кормятся несколько тысяч оленей. И корма на всех может не хватить. Тогда зоологи решили переселить часть овцебыков на соседний остров Нельсона. Чтобы не подвергать себя опасности и не причинять животным вреда, они применили интересный способ ловли: в овцебыков стреляли из ружей, но не пулями, а наркотическими зарядами. Животные засыпали, как будто перед операцией, и их можно было брать, что называется, голыми руками.

КУДА ПОДЕВАЛИСЬ МЕТЕОРИТЫ

Каменный метеорит Каракол.

Ежегодно на Землю падают тысячи метеоритов, железных и каменных, огромных и крошечных — не меньше тысячи в год. Но находят за год не больше трех — пяти. Находки тщательно описывают, сортируют, исследуют. И упавшие в этом году и пролежавшие на земле сотни и тысячи лет. Но вот что любопытно: ученые заметили, что в одних местах земного шара больше метеоритов железных, а в других — каменных. Не может быть, чтобы они выбирали себе место падения! Но почему же тогда в Европе и Азии железных метеоритов очень мало, а в Южной Африке, Америке, Австралии их столько же, а то и больше, чем каменных?

Ученый из ГДР И. Классен высказал предположение, что железные метеориты подбирали люди. Конечно, в тех краях, где с железом умели обращаться,— в давно освоенных человеком районах Европы, Азии и Африки. Там из этих метеоритов делали множество полезных вещей — от оружия до домашней утвари. А в Австралии или, скажем, в Гренландии, куда железный век пришел совсем недавно, железо, упавшее с неба, никак не использовали. Вот оно и сохранилось до наших дней.

— Уважаемые члены Клуба, разрешите открыть наше последнее заседание...

— Ни в коем случае!

— Не хотим, чтобы Клуб закрывался! Протестуем! Мы любим наш Клуб, и читателям он нравится! Хотим заседать!

Бабушка Белобока уже пять минут трезвонила в председательский колокольчик, но никто этого не слышал. Тогда она сложила крылья рупором и закричала что было силы:

— Да не трещите вы, как сороки! Разрешите открыть наше последнее заседание в этом году.

— Ура! — весело ответили сороки.

— Слово предоставляется мне.

— Простите,—перебили Белобоку грустные Бел и Берда,— вы не скажете, восстановили читатели то стихотворение, которое начинается строчкой: «Ветер, ветер, ветер...»? Помните, мы говорили о нем в сентябре?

— Да-да, нас это очень интересует,—подхватили Непонимайка, Балаболка, Несмеяна, Соберика-Разберика и все остальные.

— И еще интересно: будем мы сегодня говорить про то, как дописали ребята четверостишие Нины Фидри:

В зоопарке бегемот
Проглотил ежа, и вот...

— А новое задание на Новый год будет? А почему на последнем заседании не сообщают последние известия?..

— Ну что за безобразие!— возмутилась Белобока.— Да об этом-то я как раз и собираюсь говорить, а вы клюва раскрыть не даете! Слушайте! Письма с ответами на задания продолжают приходить в редакцию. Мы прочитаем их в 1971 году. А сейчас:

САМЫЕ ПОСЛЕДНИЕ В ЭТОМ ГОДУ ИЗВЕСТИЯ! ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ НОВОСТИ!!!

Эти новости сорокам сообщила Ира Эйдельман из Харькова.

СПОРТ

На втором этаже школы № 40 недавно закончился чемпионат по очень вольной борьбе. Победитель из скромности пожелал остаться неизвестным.

НАУКА И ЖИЗНЬ

Физика помогает жить Жоре Жуликову. Перед контрольной работой о тепловом расширении тел и переходе механической энергии в тепловую Жора добился **высоких** результатов в настукивании температуры на медицинском градуснике.

Вот какой снимок сделала Ира 25 декабря в 7«б» классе. Номер школы выясняется.

ИСКУССТВО

Фольклорная экспедиция, работавшая на большой перемене в 6-м классе энской школы, записала новую народную частушку:

Плачет киска в коридоре,
У нее большое горе:
Злые люди бедной киске
Не дают скатать английский.

В том же классе записана старая пословица: «У кого что болит, тот о том и говорит».

НОВОЕ ЗАДАНИЕ НА НОВЫЙ ГОД

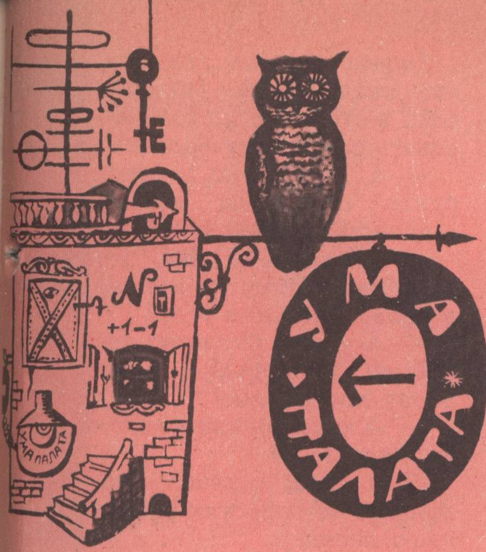
Дает Соберика-Разберика:

Я собираю устное творчество животных — их пословицы, поговорки, приметы. Один знакомый щенок подарил мне примету. Я записала ее очень аккуратно: каждое слово на отдельный дубовый листок. Но по дороге домой листочки перепутались... Не поможете ли вы мне составить из них стихотворение в две строчки — щенячью примету?

ВСЁ! До встречи в январе! Счастливого Нового года!

КЛУБ СОРОК СОРОК

ХВОСТ БИЗОНА

Сообщение Живжиівки-нашего лесного корреспондента

Этот маленький бизон только сегодня родился, и вот уже ему приходится идти сквозь хлопья канадской метели. Но ничего, впереди мама, а с мамой нигде не страшно.

Пройдет два года, и никакие ветры и снегопады не испугают могучего красавца. Когда-то в прериях Северной Америки паслись стада бизонов. Сейчас из 60 миллионов их осталось только тридцать тысяч. Живут они в Скалистых Горах.

Североамериканские индейцы охотились на бизонов, питались их мясом, а из шкур делали много разных вещей, даже лодки. На фотографии вы видите щит, сделанный из шкуры бизона. К щиту прикреплен бизоний хвост. Такие хвосты очень ценились. Индейцы племени ирокезов давали за две стрелы три рыболовных крючка и один нож, а двадцать пять бизоньих хвостов считались равноценными трем стрелам, двум ножам и одному рыболовному крючку.

Сколько бизоньих хвостов давалось за каждый из этих предметов в отдельности? Попробуйте вычислить. Конечно, это не просто. Куда легче было рассчитываться пятицентовыми монетами с изображением бизона, которые были введены в США в двадцатых годах.

ПОИГРАЕМ В КУБИКИ

Раз, два, три, четыре, пять!
Будем в кубики играть!
Мы упрямы и мудры,
Лучше нет для нас игры!

Такую песенку напевали два гнома и складывали кубики так, как показано на рисунке. Много ли мудрости надо, чтобы ставить кубик на кубик? Но игра гномов только начиналась, да и кубики эти не совсем простые. Все они были совершенно одинаковые, и стороны их были одинаково покрашены в шесть разных цветов: черный, вишневый, дымчатый, красный, голубой, желтый. Цвет на каждой грани был еще вдобавок обозначен буквой.

Гномы сложили их так, как показано на рисунке, сели в сторонке и стали задавать друг другу вопросы:

— А скажи-ка, какая буква сзади на кубике в правом верхнем углу?

— А ответь-ка мне, что за буква сверху на кубике в правом нижнем углу?

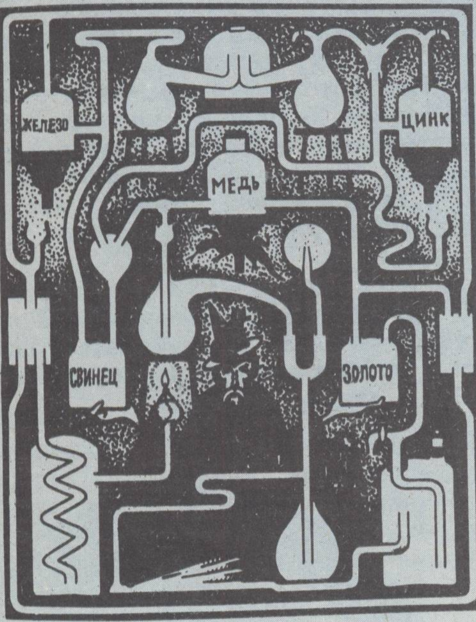
— А что за буква на дне кубика, который лежит внизу посередине?

— А какая буква на этом кубике сзади?

Если гном отвечал правильно, на радостях он пел свою песенку.

Попробуйте и вы ответить на эти вопросы и выучите песенку гномов.

ТАЙНА АЛХИМИКА АЗОТА

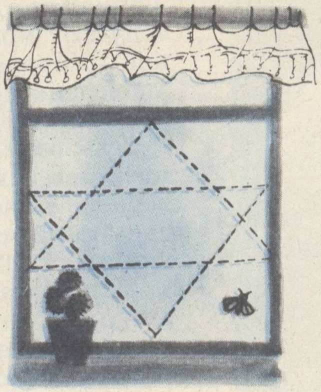

Один средневековый алхимик (он скрывал свое имя и называл себя Азотом) изобрел способ добычи золота из меди, железа, цинка и свинца. Секрет заключался в том, чтобы соединить эти элементы в определенном порядке.

Азот всегда начинал свой опыт со свинца, и движение элементов никогда не происходило по одной и той же соединительной трубке.

Как может алхимик получить золото из свинца, меди, железа и цинка?

ПО СЛЕДАМ МУХИ

Ползая по стеклу, муха проделала маршрут, показанный на этом рисунке. Могли бы вы, не отрывая карандаша от бумаги и не прочерчивая дважды одну и ту же линию, показать, где муха начала и где закончила свой путь.

Ответы на задачи из № 11

ЗАПИСКИ КАПИТАНА ПЕРО-86

Капитану Перо нетрудно было догадаться, что Резинка его обманула. Во всех трех записках были одни и те же ошибки.

СООБЩЕНИЕ ЖИВЖИВКИ, НАШЕГО ЛЕСНОГО КОРРЕСПОНДЕНТА

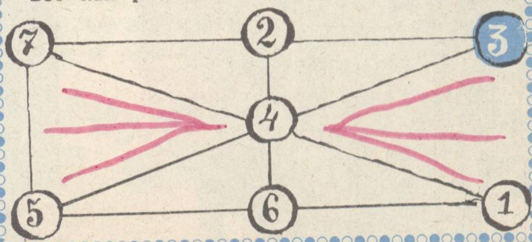
Забавный зверек называется КОАЛА.

РЕМЕНЬ БАРМАЛЕЯ

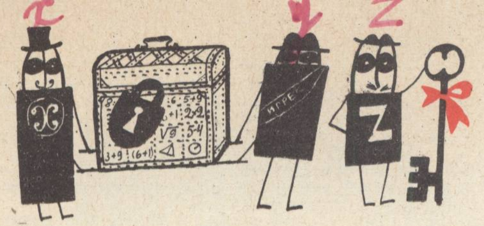
Вот какой был прожорливый Бармалей. Он съедал: в среду — 8 баранов, в четверг — 14, в пятницу — 20, в субботу — 26, в воскресенье — 32 барана.

«ПАНТЕРА» БЕРЕТ РЕВАНШ

Вот как располагались игроки «Пантеры»:

Содержание журнала «Пионер» за 1970 год

НЕИЗВЕСТНЫЕ РАСКРЫВАЮТ СВОИ ТАЙНЫ

КОНКУРС ИКСА ИЗ № 11

«В БРАЗИЛИЮ И ОБРАТНО»

Произойдет 27 встреч. Построив график вроде тех, что мы строили в прошлом номере, вы увидите, что судно, вышедшее из Рио-де-Жанейро, скажем, в понедельник, 15 марта, встретит в океане все суда, оставившие Ливерпуль со вторника, 2 марта, по воскресенье, 28 марта.

НЕ МОЖЕТ БЫТЬ

Семь мальчиков сидят с девочками. Значит, остальные 18—7=11 мальчиков сидят парами: мальчик с мальчиком. Но 11 — нечетное число! Получили противоречие. Значит, такого класса не может быть.

КИТЫ И КОСТЯ

Тратя по n гарпунов на кита, можно пометить (n+1) китов; первого кита метим красными гарпунами, второго — (n—1) красными и 1-м белым гарпуном, и так вплоть до (n+1)-го кита, которого метим одними белыми гарпунами. Если тратить не более 9 гарпунов на кита, то можно пометить 2+3+4+5+6+7+8+9+10=54 кита. При этом будет использовано $2 \cdot 1 + 3 \cdot 2 + 4 \cdot 3 ... + 9 \cdot 8 + 10 \cdot 9 = 330$ гарпунов. При любом другом способе нужно больше гарпунов. Действительно, при этом хотя бы один кит помечен более чем 9 гарпунами и хотя бы одна метка из 9 или меньшего числа гарпунов не использована. Если бы мы переметили этого кита, использовав такую метку, то высвободили бы несколько гарпунов. Будем так перемечивать китов, пока не вернемся к прежнему способу.

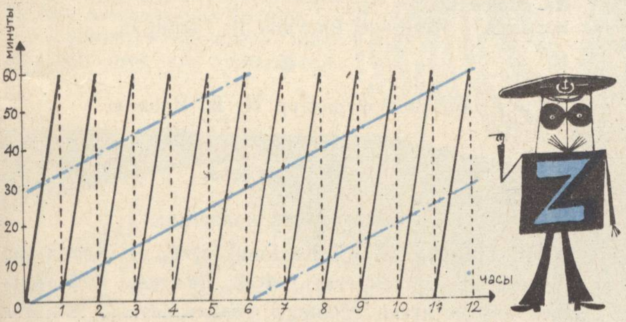
ЗАДАЧА ИГРЕКА

ПЕРВОЕ РЕШЕНИЕ (ЛОГИЧЕСКОЕ)

К 12 часам ночи часовая стрелка сделает 1 оборот, а минутная — 12, следовательно, минутная обгонит часовую на 11 кругов. Значит, за это время минутная стрелка обходила часовую 11 раз, а на один круг она ее обгоняла за 12/11 часа, то есть за 1 час 60/11 минуты.

ВТОРОЕ РЕШЕНИЕ (ГРАФИЧЕСКОЕ)

По горизонтали отложено время в часах, по вертикали — положение на циферблате (в минутах). Тонкими линиями изображены положения минутной стрелки, а жирной линией — часовой. Моментам совпадения стрелок соответствуют точки пересечения этих линий. Из рисунка видно, что эти точки делят жирную линию на 11 равных частей. Значит, ответ в задаче — 12/11 часа.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ ИКСА

а) Представим себе, что к часовой стрелке намертво приделана еще одна стрелка, образующая с ней развернутый угол. Изобразим ее движение на графике (пунктирная линия). Точки, в которых пунктирная линия пересекает тонкую линию минутной стрелки, соответствуют искомым моментам.

б) и в) Нужно поступить аналогично, приделав по две стрелки.

НАШ «ЛЯГУШАТНИК»

347<720 — верное высказывание.
10000>17923 — неверное.
723926411>723976421 — неверное.
8300400<10000001 — верное.
705>187
603<6003
2001>0
0<1970
12=12
*<8 — здесь можно поставить, например, 0, 3, 5, 6.
3>* — здесь можно поставить 0, 1, 2.

линия отреза

Анкета-70

Как всегда, в конце года «Пионер» предлагает всем своим друзьям, всем своим читателям ответить на несколько вопросов:

1. Какие повести года тебе больше всего понравились?
(Начинай с самых интересных.)

____

____

____

____

2. Какие рассказы?

____

____

____

____

3. Стихи?

____

____

____

____

____

4. Сказки?

____

____

____

____

5. Статьи?

____

____

____

____

6. Рисунки каких художников?

____

____

____

____

____

7. Что тебе не понравилось в номерах этого года? (Тут вежливость не нужна. Нужна откровенность.)

____

____

____

____

____

8. Что ты предлагаешь «Пионеру» на будущий год? (Каких авторов, какие темы, разделы, рубрики, конкурсы?)

____

____

____

____

И не забудь написать:

Сколько тебе лет?

____

Мальчик ты или девочка?

____

Старые читатели нашего журнала знают: авторы полюбившихся ребятам повестей, стихов, рассказов, статей, сказок и рисунков приглашаются работать для «Пионера» и в новом году. Предложения читателей редакция старается учитывать. Время для ответов у тебя есть. Мы ждем писем с пометкой «Анкета-70» до конца зимних каникул.

Спасибо

Твой «ПИОНЕР»

линия отреза

СОДЕРЖАНИЕ

Адрес для писем: Москва, А-15, ГСП,
Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.
Телефон 253-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Технический редактор **В. П. Назарова.**

Сдано в набор 30/IX 1970 г. А 00171.
Подписано к печати 4/XI 1970 г.
Формат бумаги 84×60 1/8. Объем 9,33 усл. печ. л.
11,24 учетно-изд. л. Тираж 1 270 000 экз.
Изд. № 2461. Заказ № 2750.

Ордена Ленина типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ГСП,
ул. «Правды», 24.

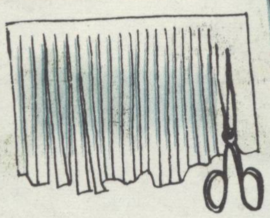
Алеша не дождался Нового года и «позажигал», как он сказал, свечки. Да забыл, что за свечками надо следить и не давать им догорать до конца. Вот и случился пожар! Хорошо, я вспомнила волшебное слово,— огонь моментально потух и листочки только по краям обгорели. А листочки не простые: в них творчество ребят...

Конфеты по рецепту Лиды Поповой я запивала лимонадом Юли Алексеевой. Очень вкусно! По совету Марины Лукьяновой смастерила парики и согласна с ней, что «любой карнавальный костюм очень и очень украсит парик». А как меня обрадовали Лёка, Марина и Алеша, которые сами приготовили печенье из теста для пирога «8 Марта»! Нарезали фигурки и выпекали в духовке минут 6—8. А еще они решили удивить свою маму и Алешину бабушку бисквитным тортом.

Калинка

ПАРИК ИЗ КАЛЬКИ

На листе кальки или пергаментной бумаги, ширина которого равна объему головы, а длина — длине «волос», загибаем и проклеиваем один край или приклеиваем тесьму, на которой будут держаться «волосы». Затем надрезаем весь лист на равные полоски, 2—3 см, доводя разрез до тесемки. Потом «волосы» завиваем: сильно, быстро, но осторожно проводим ножом по каждой полоске, и она закручивается. 10 минут — и «локоны» готовы.

Чтобы парик хорошо держался на голове, приклеиваем или пришиваем несколько полосок из тесьмы, наподобие сетчатой шапочки. Можно так переплести тесемки, что получится настоящая красивая шапочка, но лучше прикрыть сетку короной, беретом, огромным бантом, клоунским колпаком.

ПАРИК ИЗ ВЕРЕВОК ИЛИ МОЧАЛКИ сделать совсем просто, связав густой пучок крепким узлом. Из этих густых «волос» можно соорудить любую прическу: заплести чудо-косу, или много мелких косичек, или, подкрасив чертежной тушью, распустить по плечам густые «индейские» пряди, а узел придется прикрыть шляпой, перьями или тюбетейкой.

ШОКОЛАДНЫЕ КОНФЕТЫ «ТРЮФЕЛИ»

Для конфет «ТРЮФЕЛИ» надо: 250 граммов сахарного песку, 5 столовых ложек сливок, или молока, или воды, 80 граммов сладкого сливочного масла, пачку какао (100 граммов), 1/2 банки сухого молока (120 граммов), 1 яичный белок.

На слабом огне растопи сахар в сливках и, помешивая, прокипяти 3 минуты. Сними с огня, в горячую массу, размешивая, добавь масло, 2/3 пачки какао, сухое молоко, перемешай и влей сбитый в пену белок. 10 минут растирай, получится однородная масса. Для загустения массу поставь на 30 минут в тепло (на край плиты). За это время из ложки сахарной пудры, оставшегося какао и ложки толченых орехов приготовь присыпку. Загустевшую массу остуди минут 15 на прохладном окне и начинай изготовление конфет. Бери массу чайной ложкой и, помогая ножом, лепи конфету, обваливая ее в присыпке. Внутрь конфеты можно закатать орешинку, вишенку из варенья, кусочек апельсиновой корки. Должно получиться 50—60 конфет. По мере изготовления выноси на холод, но не на мороз и не в морозильник. Назавтра конфеты готовы. Хочешь, заверни их в фантики из бумаги или целлофана.

БИСКВИТНЫЙ ТОРТ. Для бисквита надо по 1 стакану сахарного песку и сметаны, 6—8 яиц, 2 стакана муки, чуть соды.

Зажги духовку (бисквит ставят в прогревшуюся духовку), просей муку, обогрей форму, или кастрюлю, или сковородку, в которой печешь бисквит, смажь ее маслом и присыпь мукой или выстели форму промасленной бумагой. А теперь берись за тесто. Тесто делай быстро и сейчас же наливай в форму и ставь в духовку. Отдели белки от желтков, белки сбей в пену, а желтки разотри с сахаром до побеления и полного растворения сахара и последовательно добавь, не переставая сбивать, сметану, муку с содой, белки. Тесто получится как густая сметана. Форму заполняй на 2/3, тесто должно подняться. Бисквит толщиной 2—3 сантиметра надо печь 30—40 минут в жаркой духовке. В первые 15 минут, чтобы тесто не село, нельзя не только переставлять форму, но даже открывать дверцу духовки и скакать около плиты. Бисквит готов, если от нажатия пальцем на поверхности не остается ямочки, «пружинит», значит, готов. Вынимай из формы, когда совершенно остынет, а готовь из него торт только через 7—8 часов: разрежь пополам, сбрызни пропиткой (3/4 стакана холодного крепкого, душистого, очень сладкого чая, можно с лимоном) обе половины, прослои их кремом и укрась.

Крем — 300 граммов сладкого сливочного масла, по 5 столовых ложек сахарного песку и молока или воды, 4—5 яичных желтков.

На слабом огне в молоке распусти сахар, доведи до кипения и сейчас же влей туда взбитые желтки. Снова поставь на очень слабый огонь и, размешивая, доведи до кипения. Мягкое масло взбей веничком до пышности, влей туда остывшую массу и сбивай еще минут 10. В крем добавь ванилин, или сок апельсина, или ложку порошка какао. Охлади и украшай торт.

ЛИМОНАД

2 очищенных от кожи лимона нарезать, тщательно выбирая косточки, залить 3 литрами холодной кипяченой воды, добавить 300 граммов сахару и довести до кипения. Попробовать,— может быть, добавить сахар. Снять с огня, процедить сначала через дуршлаг, отдавливая кусочки лимона ложкой, а потом, дав отстояться, через полотно. Налить в кувшин, положить корку с половины лимона, плотно закрыть крышкой и вынести на холод. Корку часа через 2 вынуть. Так же приготовить «Оранж» из апельсинов, только взять 3 апельсина, и от кожи не очищать, и процедить не сразу, а дать настояться 5—6 часов.

Для «яблочного напитка» взять 3—4 яблока, и кожицу тоже не срезать, и тоже дать часов 6 настояться. Процедить через полотно 2 раза. В готовый напиток можно добавить кусочек лимона или немного лимонной кислоты.

В ИГРУ

МЫ-МИНЁРЫ

ИГРАЮТ НЕ МЕНЬШЕ ДЕСЯТИ ЧЕЛОВЕК

ГОТОВИМСЯ К ИГРЕ

Выбираем во дворе покрытую снегом площадку. Черта, которая делит ее на две одинаковые части,— нейтральная полоса. В обе стороны от нейтральной полосы на расстоянии 10—20 шагов проводим еще по одной черте. По одну сторону нейтральной полосы — минное поле «синих», по другую — «зеленых».

Выбираем в каждой команде капитанов, «минеров» (они же «саперы»), «пехотинцев» и судей (по одному от команды).

НАЧИНАЕМ ИГРАТЬ

«Синие» минируют поле «зеленых» — прячут в снег какие-нибудь предметы: мячи, шайбы. Сколько должно быть «мин» — договоритесь заранее. Теперь «синие» уходят, и «зеленые» минируют поле «синих».

По сигналу судей саперы обеих команд одновременно ищут мины на своих полях. Судьи знают, где лежат мины. Прежде чем нагнуться за миной, сапер предупреждает судью: «Здесь мина!» Если мины не оказалось,— это ошибка. На одиннадцатой ошибке сапер выбывает из игры. Если же сапер наступил, подорвался на мине — он выбывает из игры сразу. Чья команда первой разминирует поле противника, та и начинает штурм вражеского дота.

Одновременно с саперами к работе приступают пехотинцы. Пока саперы ищут мины, пехотинцы строят из снега доты. В стенках дота делаем лаз шириной в один шаг.

ШТУРМ ДОТА

В штурме участвуют и пехотинцы, и саперы, и капитаны. Через лаз «зеленые» быстро проникают внутрь своего дота. А задача «синих» — перелезть через его стенки. Через лаз входить в дот нельзя — за этим следят судьи. Кто нарушил это правило, тот в игре больше не участвует.

Чтобы вывести из строя как можно больше противников, «зеленые» могут придумывать военные хитрости: отвлекать штурмующих, смешить их, сталкивать со стенок (драться запрещается! Драчунов судьи удаляют). Кто из врагов засмеется, тот выбывает из игры. Тот из «синих», кто оказался внутри вражеского дота, неприкосновенен, а один из «зеленых» тут же уходит.

На штурм дота дается полчаса. За временем строго следят судьи. Если большинству «синих» удалось проникнуть внутрь дота, их команда — победитель. Если же за это время команда «синих» не смогла взять дот, заключается перемирие и начинается

ИГРА В СНЕЖКИ

В каждом доте сделайте по «амбразуре» (круги диаметром в 25 сантиметров).

Команды выстраиваются на нейтральной полосе, каждая лицом к вражескому доту и бросает снежки в «амбразуру». Чья команда скорее залепит «амбразуру», та на этот раз и победила.

Цена 25 коп.
Индекс 70 694.